

ален де боттон

религия для атеистов

Annotation

Ален де Боттон – автор бестселлеров «Искусство путешествовать», «Утешение философией», «Опыты любви». Каждая из этих книг – остроумный и глубоко пронизательный взгляд на образ мыслей современных людей.

В «Религии для атеистов» писатель обратился к проблеме, о которой рано или поздно задумывается каждый думающий человек, – какое место занимает религия в нашей жизни.

Для многих, уверен он, религия – это прежде всего способ утешения, источник вдохновения, которому человечество обязано величайшей коллекцией памятников культуры. Так нужно ли требовать от религии большего? На этот вопрос Ален де Боттон дал в своей книге исчерпывающий, простой и изящный ответ.

- [Ален де Боттон](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [а\) Встречаясь с незнакомцами](#)
 - [б\) Извинения](#)
 - [в\) Наша ненависть к общности](#)
 - [Глава 3](#)
 - [а\) Либертарианство и патернализм](#)
 - [б\) Нравственная атмосфера](#)
 - [в\) Образцы для подражания](#)
 - [Глава 4](#)
 - [а\) Чему нас учат](#)
 - [б\) Как нас учат](#)
 - [в\) Духовные упражнения](#)
 - [г\) Обучая мудрости](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [а\) Книги против институтов](#)
 - [б\) Огюст Конт](#)

- в) Заключение
 - Выражение признательности
 - Алфавитный указатель
-

Ален де Боттон
Религия для атеистов

Посвящается Берте фон Бюрен

Глава 1

Мудрость без доктрины

1

Самый скучный и непродуктивный вопрос, который можно задать о религии: истинная она или нет, в смысле – получена ли она с небес под трубные звуки и сверхъестественно ли все вершилось пророками и небесными существами.

Чтобы сэкономить время, даже рискуя потерять читателя в самом начале книги, позвольте прямо заявить, что, разумеется, нет религий истинных в смысле получения их от Бога. Эта книга предназначена для людей, которые не могут поверить в чудеса, призраков или истории о неопалимых кустах и не испытывают глубокого интереса к деяниям необычных мужчин и женщин, вроде святой Агнессы из Монтепульчано, жившей в тринадцатом столетии, способной левитировать во время молитвы, поднимаясь на два фута над землей, и возвращать детей с того света, которую в конце жизни (предположительно) ангел на спине доставил из южной Тосканы на небеса.

2

Попытки доказать, что Бога нет, увлекательное занятие для атеистов. Суровые критики религии находили огромное удовольствие, в мельчайших подробностях расписывая идиотизм верующих, ставя последнюю точку лишь после того, как им удавалось (по их мнению) выставить своих врагов круглыми дураками или маньяками.

Хотя это занятие может приносить удовлетворение, речь не о том, существует Бог или нет, а стоит ли ввязываться в спор, если человек уже решил для себя, что все-таки нет. Посыл этой книги в следующем: вполне возможно оставаться убежденным атеистом и при этом находить религию в чем-то полезной, интересной и утешающей, а также думать над тем, как можно использовать некоторые ее идеи и практики в светской жизни.

Вероятно, очень милая дама: святая Агнесса из Монтепульчано.

Можно оставаться равнодушным к христианской Троице или к буддистскому Восьмеричному пути и при этом интересоваться, как проводятся религиозные церемонии, поддерживается мораль, возникает дух общности, используются искусство и архитектура, поощряется тяга к

путешествиям, тренируется разум и выражается благодарность красоте весны. В мире, кишасщем самыми разнообразными фанатиками, как религиозными, так и мирскими, существует возможность сбалансировать отвержение религиозной веры с избирательным уважением к религиозным ритуалам и концепциям.

Именно когда мы перестаем верить, что религия дана свыше или предназначена для полоумных, все, связанное с ней, становится более интересным. Тогда мы уже способны признать, что религия изобретена нами, чтобы служить двум главным потребностям человека, которые актуальны и по сей день, но мирское общество так и не смогло найти для них адекватного решения. Первая – необходимость сосуществовать вместе в гармонии, несмотря на наши глубоко укоренившиеся эгоизм и тягу к насилию. И вторая – необходимость справляться с ужасной болью, возникающей от нашей уязвимости перед лицом крушения профессиональной карьеры, сложностей во взаимоотношениях, потери близких, собственных болезней и смерти. Бог, возможно, и мертв, но важные проблемы, которые заставляли нас оживать его, никуда не делись и требуют разрешения. Они не могут исчезнуть только оттого, что нам удастся найти некие научные несоответствия в притче о пяти хлебах и двух рыбах.

Ошибка современного атеизма в том, что он не замечает, как много аспектов веры остаются полезными, когда убраны главные догматы. Как только мы перестаем исходить из того, что должны или падать ниц перед Богом, или отрицать его, религия открывается нам как вместилище множества оригинальных идей, которые мы можем постараться использовать для смягчения некоторых наиболее досаждающих нам и остающихся без должного внимания болезней мирской жизни.

Я воспитывался в семье убежденных атеистов, мои родители-евреи считали веру в Бога чем-то вроде преданности Санта-Клаусу. Я помню, как отец довел сестру до слез в попытке развенчать робко высказанное ею предположение, что где-нибудь во вселенной Бог может жить отшельником. Ей тогда было восемь лет. Если обнаруживалось, что кто-либо из членов их социального круга тайком проявляет религиозные чувства, мои родители начинали относиться к нему с жалостью, обычно предназначенной для тех, у кого была обнаружена смертельная болезнь, и более никогда не воспринимали этого человека всерьез.

Хотя взгляды родителей оказали на меня огромное воздействие, где-то между двадцатью и тридцатью я пережил кризис неверия. Сомнения зародились от прослушивания кантат Баха, усилились в присутствии мадонн Беллини и едва не сокрушили меня после знакомства с архитектурой буддизма. Но лишь через несколько лет после смерти отца – его похоронили под иудейским надгробием на еврейском кладбище в Уилсдене в северо-западном Лондоне, потому что, странное дело, он обошелся без каких-то мирских распоряжений на этот счет, – я начал осознавать, сколь велики мои сомнения по части основополагающих принципов, на которых меня воспитывали с детства.

Уверенность в том, что Бога нет, оставалась непоколебимой. Но у меня просто оказались развязаны руки при мысли, что увлечение религией вполне допустимо, если не подписываться под ее сверхъестественными положениями, другими словами, думать о святых отцах, не оскорбляя памяти о собственном. Я признал: мое неверие в загробную жизнь или в небожителей не означает, что я должен повернуться спиной к музыке, зданиям, молитвам, ритуалам, празднествам, храмам, паломничеству, общим трапезам и катехизаторским текстам.

Мирское общество понапрасну ослабило себя, отказавшись от набора практик и идей, которые атеисты не желают использовать только потому, что они слишком уж тесно ассоциируются, пользуясь словами Ницше, с «дурными запахами религии». Мы выросли, боясь слова «мораль». Предложение прослушать проповедь вызывает у нас негодование. Мы отмахиваемся от идеи, что искусство должно возвышать или нести этический посыл. Паломничество не для нас. Мы не можем строить храмы. У нас нет навыков для выражения благодарности. Чтение повышающей духовный уровень книги представляется абсурдом для гордых. Мы противимся ментальным упражнениям. Незнакомые люди редко поют вместе. Мы поставлены перед неприятным выбором: или признать некие концепции касательно бессмертных божеств – или полностью отказаться от успокаивающих, утонченных и просто очаровательных ритуалов, для которых мы пытаемся найти эквиваленты в мирском обществе.

Отдавая так много, мы позволяем религии заявлять свои эксклюзивные права на те области, которые должны служить всему человечеству, и нам без всякого смущения следует вернуть их в мирскую реальность. Раннее христианство показало, что умеет отлично приспосабливаться к ситуации, активно используя чужие хорошие идеи, агрессивно вбирая в себя практики культов бесчисленных языческих богов, о чем современные атеисты стараются не упоминать, поскольку убеждены, что это все христианство. Новая вера воспользовалась празднествами середины зимы и назвала их

Рождеством. Она впитала в себя эпикурейский идеал совместной жизни в философской коммуне и реализовала его в монастырях. А в разрушенных городах Римской империи христианство радостно вселялось в брошенные храмы, возведенные в честь языческих героев и памятных дат.

Задача, стоящая перед атеистами: как обратить вспять процесс религиозной колонизации, как отделить от религиозных институтов идеи и ритуалы, на которые они заявили свои права, но которые им не принадлежат. К примеру, большая часть лучшего в Рождестве совершенно не связана с историей рождения Христа. Единение, ощущение праздника, возрождение природы – все это существовало и раньше, и не в том контексте, в каком столетия преподносится христианством. Наши душевные потребности готовы освободиться от тени, брошенной на них религией... даже если и так, пусть это кажется парадоксом, но изучение религии часто становится ключом к их новому открытию и формулированию.

Далее следует попытка прочитать догмы, по большей части христианские, в меньшей степени иудаистские и буддийские, в надежде найти блестящие идеи, которые можно использовать в обычной жизни, особенно по части человеческого общения и духовного и телесного страдания. Речь не о том, что отделение церкви – это плохо, но мы часто отделяли ее не лучшим образом. Следуя несбыточным мечтам, мы без всякой на то необходимости отсекали самые полезные и привлекательные части веры.

Стратегия, изложенная в этой книге, будет раздражать фанатиков обеих сторон дискуссии. Верующие почувствуют себя оскорбленными из-за якобы бесцеремонного, избирательного и несистематизированного рассмотрения их убеждений. Религия – не шведский стол, запротестуют они, откуда можно брать что захочется. Однако причиной падения многих религиозных культов как раз и стало неразумное требование, что приверженцы должны есть все, положенное на тарелку. Почему нельзя восторгаться изображением скромности на фресках Джотто и при этом не оставлять побоку таинство благовещения или восхищаться сосредоточением буддизма на сострадании, но отметить его версию загробной жизни? Для человека, свободного от религиозной веры, заимствовать что-то у разных религий не преступление. Может же любитель литературы читать не все подряд, а только произведения писателей, которых он ставит выше других. Если в книге упомянуты только три из двадцати одной крупнейшей мировой религии, это

не признак тенденциозности или верхоглядства, а всего лишь следствие того, что смысл этой книги в сравнении религии как таковой с мирской реальностью, а не сравнение различных религий между собой.

У религии есть привычка вселяться в здания, которые ей раньше не принадлежали. Вот и эта церковь Святого Лаврентия (СанЛоренцоинМиранда) в Риме построена в V веке на руинах римского

храма Антонина и Фаустины.

Воинствующие атеисты тоже могут прийти в ярость, поскольку в книге религия представлена так, будто она достойна и дальше служить оселком для наших духовных устремлений. Они сошлутся на яростную нетерпимость многих религий и в равной степени глубокие, но более логичные и свободные истории об утешении и просветлении, предлагаемые искусством и наукой. В дополнение они могут спросить, почему тот, кто открыто заявляет, что не готов принять так много религиозных постулатов, кто не будет отстаивать непорочное зачатие или соглашаться с тезисами, с благоговением приведенными в сказках Джатаки, будто Будда – реинкарнация кролика, все равно хочет, чтобы его ассоциировали с таким скомпрометированным понятием, как религия.

Ответ таков: религия заслуживает нашего внимания за непревзойденное концептуальное честолюбие, за изменения мира, какие удавались лишь редким мирским институтам. Религия сочетает принципы морали и метафизику с практическим участием в образовании, моде, политике, путешествиях, гостиничном деле, создании церемоний, полиграфии, искусстве и архитектуре: с таким диапазоном интересов даже стыдно упоминать достижения самых знаменитых и влиятельных светских движений и личностей за всю историю человечества. Те, кому интересно распространение и влияние идей, будут безусловно зачарованы примерами наиболее продуктивных образовательных и интеллектуальных усилий, которые знала эта планета.

В заключение скажу, что в книге не ставилась задача воздать должное конкретным религиям, у них есть собственные апологеты. Зато предпринята попытка исследовать аспекты религиозной жизни, содержащие концепции, которые могут быть с толком использованы для решения проблем светского общества. Сами религиозные догматы выпариваются, чтобы получить в остатке только то, что может оказаться уместным и утешительным для современного скептического ума перед лицом страданий и разочарований конечного во времени существования на этой беспокойной планете. Автор надеется помочь сохранить все прекрасное, трогательное и мудрое из того, что уже не представляется истинным.

Глава 2

Общность

а) Встречаясь с незнакомцами

1

Одна из потерь, которую современное общество ощущает наиболее остро, – чувство общности. Мы склонны думать, что ранее существовала некая степень добрососедства, которую вытеснила теперь безжалостная анонимность, состояние, при котором люди идут на контакт друг с другом исключительно ради узких личных целей: финансовой выгоды, продвижения по социальной лестнице или романтической любви.

Отчасти эта тоска определяется нашим нежеланием проявить милосердие к тем, кто попал в беду, но при этом нас беспокоят раздражающие симптомы социальной разобщенности, наша неспособность, к примеру, сказать «привет» друг другу на улице или помочь пожилым соседям с покупками. Живя в гигантских городах, мы все больше чувствуем себя заключенными в кастовых гетто, образовательных, классовых или профессиональных, и начинаем считать остальное человечество скорее врагом, чем интересным коллективом, к которому мы хотели бы присоединиться. Завести разговор ни о чем с незнакомым человеком в

публичном месте кажется чем-то странным и выходящим из ряда вон. А после тридцати новых друзей у нас уже практически не появляется.

Пытаясь понять, что разрушило наше чувство общности, важную роль традиционно отводили приватизации религиозной веры, что произошло в Европе и Соединенных Штатах в девятнадцатом веке. Историки полагают, что мы начали пренебрегать нашими соседями примерно тогда же, когда перестали собираться вместе, чтобы чтить наших богов. Отсюда возникает вопрос: а что делала религия до того, как это произошло, чтобы усиливать дух общности, и, если посмотреть с практической точки зрения, сможет ли мирское общество возродить этот дух, не опираясь на теологические институты, с которыми оно когда-то жило душа в душу? Возможно ли вернуть дух общности без религиозной основы?

2

Если мы рассмотрим причины социальной отчужденности более подробно, мы поймем, что отчасти наше чувство одиночества обусловлено числом одиноких. Миллиардам людей, которые живут на этой планете, сама мысль заговорить с незнакомцем кажется более опасной, чем в прежние времена, потому что степень общения между людьми, похоже, обратно пропорциональна плотности населения. Обычно мы с готовностью заговариваем с людьми, когда не имеем никакой возможности общения с ними. Если бедуин, чей шатер – единственный на сотни километров пустыни, психологически готов оказать теплый прием любому, то его современники, живущие в городе, столь же добросердечные и щедрые, чтобы сохранить хоть каплю душевного равновесия, вынуждены притворяться, будто не замечают миллионов человеческих существ, которые едят, спят, спорят, совокупаются и умирают в считанных сантиметрах от них со всех сторон.

Проблема еще и в том, как нам знакомиться друг с другом. Общественные места, где мы обычно встречаем других людей – пригородные поезда, запруженные толпой тротуары, залы ожидания аэропортов, – словно сговорились показывать сильно упрощенную картину наших личностей, а это снижает и нашу способность осознавать, что каждый человек – сложная и неповторимая индивидуальность. Трудно на что-то надеяться относительно человеческой природы после прогулки по Оксфорд-стрит или ожидания вылета в чикагском аэропорту.

Раньше мы ощущали более тесную связь с нашими соседями потому, что зачастую они становились нашими коллегами. Дом не всегда был безликим общежитием, куда возвращались поздно и откуда уходили рано. Соседи знакомились не потому, что были прекрасными собеседниками, просто им приходилось вместе возить сено или класть школьную крышу. Такие проекты естественным образом способствуют возникновению новых связей. Однако капитализм терпеть не может местной продукции и индивидуального производства. Для него предпочтительнее, чтобы мы вообще не контактировали с соседями, ему ни к чему, чтобы они задерживали нас по дороге в офис или, не дай бог, помешали онлайн-покупке.

В прошлом мы знакомились с другими людьми, потому что нам ничего не оставалось, как обращаться к ним за помощью... и они, соответственно, обращались к нам. Благодеяние было составной частью досовременной жизни. В те дни практически не удавалось избежать ситуаций, когда люди просили денег у малознакомых или сами подавали милостыню бродягенищцу, – ведь в том мире отсутствовали система здравоохранения, пособия по безработице, муниципальное жилье. И приближение сирого, убогого, бездомного не заставляло прохожих отворачиваться – никто не считал, что эту проблему должно решать какое-нибудь государственное ведомство.

С финансовой точки зрения мы гораздо щедрее, чем наши предки, потому что отдаем чуть ли не половину наших доходов на общественные

нужды. Но, по существу, мы этого не осознаем, передавая средства через анонимный институт налогообложения. Если бы мы над этим задумались, то, скорее всего, возмутились бы, что наши деньги используются на содержание ненужных бюрократов или для покупки ракет. Мы редко чувствуем связь с нашими менее удачливыми согражданами, для которых наши налоги оплачивают чистые простыни, суп, крышу над головой и ежедневную дозу инсулина. Ни реципиент, ни донор не видят необходимости сказать «возьмите, пожалуйста» или «благодарю вас». Наши пожертвования не оформляются – в сравнении с христианской эрой – как связующее звено в сложных взаимозависимых отношениях, когда материальные блага достаются получателю, а духовные – донору.

Мечты о встрече с единственным человеком, который избавит нас от необходимости искать общения с человечеством.

Для нас, забившихся в индивидуальные коконы, основным источником, дающим представление о том, каковы другие люди, становятся средства массовой информации, и, как следствие, мы, само собой, ожидаем, что все незнакомцы – убийцы, мошенники и педофилы. Отсюда и стремление доверять только тем считаным индивидуумам, с которыми мы познакомились через прекратившую ныне свое существование семью или

по учебе и работе. В тех редких случаях, когда обстоятельствам (бурану, удару молнии) удастся вытащить нас из наших герметичных капсул и свести с людьми, которых мы не знаем, нас поражает, что наши сограждане совершенно не стремятся отрубить нам голову или растлеть наших детей, да и вообще они на удивление приятные люди и рады помочь.

Даже став одиночками, мы, разумеется, не утратили надежды на налаживание отношений. В закоулках одиночества современного города нет более почитаемого чувства, чем любовь. Однако это не та любовь, о которой говорит религия, речь не о всеобщем человеческом братстве, эта любовь ревнивая, не выходящая за определенные пределы и крайне неприветливая. Это романтическая любовь, которая отправляет нас на маниакальные поиски одного человека, с которым мы надеемся прожить всю жизнь, такого человека, который избавит нас от необходимости стремиться к общению с человечеством.

На сегодняшний день современное общество предлагает только одну общность, и строится она на восхвалении профессиональных успехов. Мы чувствуем, что уже добрались до ситуации, когда на вечеринке нас прежде всего спрашивают: «А чем вы занимаетесь?» – и наш ответ определяет, ждут ли нас с распростертыми объятиями или к нам тут же повернутся спиной. На этих состязательных, псевдообъединяющих встречах только некоторые из наших достоинств котируются как валюта, на которую можно купить доброжелательность незнакомцев. Наибольший вес имеет то, что написано на наших визитках, и тем, кто решил посвятить жизнь воспитанию детей, сочинению стихов или выращиванию яблоневых садов, ясно дадут понять, что они плывут против течения и, соответственно, заслуживают быть причисленными к маргиналам.

С учетом такого уровня дискриминации неудивительно, что многие ищут компенсации в карьере. Сосредоточиться исключительно на работе, забив практически на все остальное, вполне приемлемая стратегия в мире, где карьерные достижения считаются главными достоинствами, которые не просто обеспечивают материальными средствами, чтобы выживать физически, но и вниманием окружающих, столь нам необходимым, чтобы чувствовать себя комфортно психологически.

Религия, похоже, многое знает о нашем одиночестве. Даже если мы ни на грош не верим в то, что нам говорят о загробной жизни и сверхъестественном происхождении религиозных догм, мы не можем не

восхищаться свойственным религии глубоким пониманием того, что именно отталкивает нас от незнакомцев, и не оценить ее попытки заставить нас расстаться с парой предрассудков, которые обычно мешают выстраивать нормальные отношения с другими людьми.

Католическая месса, будьте уверены, не идеальная среда для атеиста. Большая часть – оскорбление здравого смысла или просто что-то непонятное. Она тянется очень долго и редко не навеивает сон. Тем не менее эта служба полна элементами, которые ненавязчиво укрепляют теплые отношения между собравшимися в храме, и атеистам неплохо бы изучить их и научиться использовать в соответствующих ситуациях в мирской жизни.

Католицизм начинает создавать чувство общности с той самой минуты, как человек заходит в церковь. Выбрав кусок земли, католицизм возводит вокруг него стены и объявляет, что внутри будут править ценности, совершенно не похожие на те, что признаются в окружающем мире, скажем, в офисах, тренажерных залах и гостиницах большого города. Любое здание дает своему владельцу возможность трансформировать ожидания гостей и устанавливать правила поведения, желательные для хозяев. В художественной галерее принято молча любоваться полотнами, в ночном клубе – раскачивать поднятые руки в такт музыке. А собор, с его массивными дверями и тремя сотнями каменных ангелов, украшающих стены, дает нам редкую возможность поклониться и поздороваться с незнакомцем, не вызвав мысли, что ты агрессор или сумасшедший. Нам обещают, что здесь (в словах начального приветствия мессы) «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога Отца и общение Святого Духа да будет со всеми вами». Церковь ставит свой весомый авторитет, обретенный за многие столетия, знания и архитектурное величие на службу нашего скромного желания открыться чему-то новому.

Важно обратить внимание и на состав паствы. Нет специального подбора по возрасту, национальности, профессии, образовательному уровню или уровню доходов. Прихожане – случайным образом собравшиеся люди, объединенные только приверженностью определенным ценностям. Месса нивелирует экономическое неравенство и эффективно разрушает статусные группы, в которых мы обычно вращаемся, отправляя нас в более широкое море человечества.

В наш секулярный век мы часто думаем, что любовь семьи и чувство общности суть синонимы. Когда современные политики говорят о своем желании исправить общество, в качестве символа квинтэссенции общности они приводят пример семьи. Но христианство мудрее и менее сентиментально в этом вопросе, поскольку признает, что ограничение семьей может на деле сузить круг наших привязанностей, отвлечь от связи со всем человечеством, отучить любить не только близких, но и соседей.

Для укрепления чувства общности церковь просит нас оставить за ее порогом все привязки к земному статусу. Внутри в цене любовь и милосердие, тогда как снаружи – власть и деньги. Среди величайших достижений христианства – его способность без какого-либо принуждения, за исключением самых мягких теологических аргументов, убедить монархов и магнатов преклонить колена и умалиться перед статуей плотника и омыть ноги крестьянам, дворникам и шоферам.

Церковь делает даже больше, чем просто декларирует, что мирской успех значения не имеет: различными способами она демонстрирует, что мы можем быть счастливы и без этого. Уважая причины, по которым мы в первую очередь хотим обрести статус, церковь устанавливает условия, благодаря которым мы готовы отказаться от любых званий и принадлежности к какому-то классу. Она, похоже, знает, что мы стремимся обрести власть, главным образом из боязни того, что может случиться с нами, если у нас не будет высокого ранга: нас лишат всего, нами будут

помыкать, друзья разбегутся, и придется влачить скромное и унылое существование.

Гениальность мессы в том, что она шаг за шагом избавляет от этих страхов. Здание, в котором идет месса, почти всегда великолепно. Хотя построено вроде бы с тем, чтобы знаменовать равенство людей, по красоте оно превосходит многие и многие дворцы. Компания тоже соблазнительная. Мы горим желанием стать знаменитыми и влиятельными, тогда как «быть как все» представляется незавидной судьбой, если норма – это посредственность. Высокий статус становится инструментом, выделяющим нас из группы, которую мы презираем и которой боимся. Однако, когда прихожане кафедрального собора начинают петь «Славу в вышних Богу», мы чувствуем, что это собрание людей не имеет ничего общего с теми толпами, которые мы видим в торговых центрах или больших аэропортах. Незнакомые люди смотрят на сводчатый, в звездах, потолок, хором поют: «Господи, приди, в людях своих живи и укрепляй их Своей милостью» – и оставляют нас с мыслью: а может, человечество не так уж и плохо.

В результате может возникнуть ощущение, что не обязательно так много работать: мы собственными глазами видим, что почет и безопасность, которых мы надеемся добиться благодаря карьере, уже достигнуты в сердечной и доброжелательной общности, которая приглашает нас, не выставляя никаких требований.

И если в мессе так много упоминаний о бедности, печали, неудачах и утратах, то причина в следующем: церковь рассматривает больных, падших духом, отчаявшихся и старых как аспекты человечности (это просто подчеркивается), которые очень соблазнительно отрицать, но именно они делают нас, если мы их признаем, ближе друг к другу.

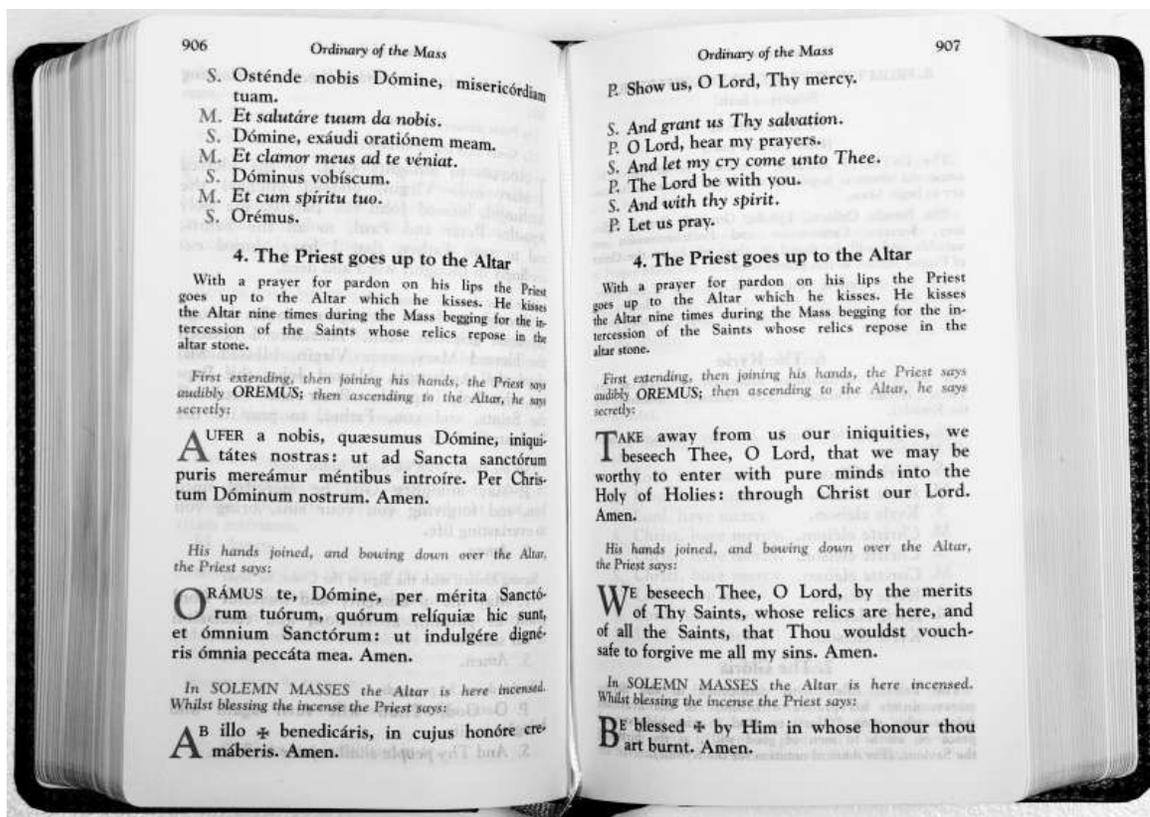
Когда в нас проявляется высокомерие – или *superbia*, если перейти на латынь Августина, – в нашей личности главенствует грех гордыни и отсекает нас от окружающих. Мы становимся неинтересны для других, когда все, что нам хочется, так это убедить окружающих, до чего у нас все хорошо, а ведь дружба имеет шанс расцвести, лишь когда мы решаемся поделиться тем, чего боимся и о чем сожалеем. Прочее – всего лишь умение привлечь внимание. Месса поощряет смирение гордыни. Недостатки, выказывать которые мы так стыдимся, опрометчивые поступки, за которые, мы знаем, нас будут высмеивать, секреты, из-за которых наши разговоры с так называемыми друзьями несерьезные и пресные, – все это проявляется как обычная часть человеческого бытия. У нас нет оснований что-то скрывать или лгать в здании, построенном, чтобы чтить страх и слабость человека, который ничем не напоминал героев античности, или яростных солдат римской армии, или плутократов тогдашнего Сената, и, однако, именно он оказался достойным короны высшего из людей, царя царей.

Если нам удастся не заснуть на мессе и извлечь из нее уроки, ей по силам заставить нас сместить привычные эгоцентричные оси координат.

Она также подарит нам несколько идей, которые мы вполне можем использовать, чтобы изменить некоторые особенности современного мира.

Первая из таких идей – это то, что полезно приглашать людей в какое-то отдаленное место сбора, которое должно быть достаточно привлекательным, чтобы пробудить энтузиазм, достаточный для формирования группы. Место это должно побудить гостей забыть привычный пугливый эгоизм ради радостного слияния в коллективном духе: маловероятный сценарий для большинства современных общественных центров, один внешний вид которых парадоксальным образом укрепляет нежелание присоединиться к чему-то общему.

Искусственное построение может, тем не менее, открыть дверь искренним чувствам. Правила, как проводить мессу, инструкции на латыни и английском из католического служебника (1962).

Второе – месса преподает урок о важности разработки правил, направляющих людей при их общении друг с другом. Литургическая сложность служебника – книги, в которой приведены подробнейшие инструкции для проведения мессы, расписано, когда прихожане должны смотреть вверх, вставать, опускаться на колени, молиться, пить и есть, – указывает на этот специфический нюанс человеческой природы: нам приятно, когда мы знаем, как вести себя среди других. Если мы хотим, чтобы между людьми возникли крепкие взаимоотношения, четко прописанный порядок групповых действий принесет гораздо больше пользы, чем предоставленная группе возможность бесцельно тусоваться.

Последний урок, который можно извлечь из мессы, тесно связан с ее историей. Прежде чем стать службой, до того, как прихожане сидели лицом к алтарю, за которым священник держал облатку и чашу вина, месса была трапезой. Известная нам евхаристия начиналась с того, что общины первых христиан отставляли работу и домашние дела и собирались за столом (на который обычно ставили вино, зажаренного ягненка и пресные хлебы) в

память о Тайной вечере. Они говорили, молились и клялись в верности Христу и друг другу. Как и евреи с их трапезой в Шаббат, христиане понимали, что воспринимать чужие горести мы более всего расположены, когда утолим голод. В честь самой важной христианской добродетели эти посиделки называли пирами любви, и они регулярно проводились христианскими общинами в период между распятием Христа и Лаодикийским собором в 364 г. Лишь жалобы на изобилие некоторых из этих трапез со временем привели к тому, что церковь того времени приняла прискорбное решение о запрете пиров любви, предложив верующим есть дома со своими семьями и только потом собираться на духовный пир, который сегодня известен нам как евхаристия.

Здесь уместно поговорить и о самих трапезах, потому что нынешний недостаток чувства общности отражается и на том, как мы едим. Современному миру, естественно, с лихвой хватает мест, где можно хорошо пообедать в компании – большие города обычно гордятся бесчисленным количеством и качеством своих ресторанов, – но дело в том, что среди этого множества практически невозможно найти мест, помогающих превратить незнакомцев в друзей.

И хотя рестораны произносят много пустых слов об обеспечении всех условий для общения, на самом деле они предоставляют нам лишь его жалкую видимость. Число людей, по вечерам посещающих рестораны, показывает, что туда бегут от одиночества и отчужденности, но на самом деле они не располагают механизмами, позволяющими посетителям знакомиться друг с другом, рассеивать взаимные подозрения и разрушать клановые барьеры, сбиваясь в которые люди отгораживаются от всех остальных; механизмами, помогающими открывать душу и делиться с кем-то своими проблемами. Во главу угла поставлены еда и интерьер, но никак не возможности завязать и углубить теплые отношения. Если в ресторане главной приманкой является еда – нежность эскалопа или мягкость кабачка, – можно не сомневаться, что-то здесь не так.

Прежде чем стать службой, месса была трапезой.

Посетители уходят из ресторанов такими же, как и пришли, пребывание в них только укрепляет существующие кастовые границы. Как и многие институты современного мегаполиса, рестораны научились собирать людей в одном месте, но не проявляют никакого стремления способствовать их контактам друг с другом, раз уж они рядом.

Помня о преимуществах мессы и недостатках современных обедов в общественных местах, мы можем представить себе ресторан будущего, «Ресторан любви», использующий наиболее глубокие идеи евхаристии.

Наверное, разумные требования к такому ресторану: двери открыты для всех, небольшая входная плата, привлекательный интерьер. Посетителей надо рассаживать, разбивая тесные компании и этнические сообщества, в которых мы обычно отгораживаемся от остальных. Членов семьи и семейные пары лучше сажать отдельно, соседям отдавать предпочтение перед родственниками. Каждый получит возможность общаться и разговаривать с каждым, не опасаясь, что его резко осадят или в чем-нибудь упрекнут. Только тем, что они оказались в одном месте, присутствующие – как в церкви – выкажут свою преданность духу общности и дружелюбию.

Сидя за одним столом с компанией незнакомцев, становится сложнее ненавидеть их без всяких на то оснований. Предрассудки и этническая неприязнь кормятся абстракцией. Однако соседство во время трапезы – передача тарелок с едой, разворачивание салфеток, даже обращенная к незнакомцу просьба передать соль подрывают уверенность, что люди, которые носят необычную одежду или говорят с заметным акцентом, заслуживают того, чтобы их выслали на родину или убили. Из политических решений, которые предлагаются на государственном уровне для улаживания этнических конфликтов, редко какие сравнятся с совместным ужином по эффективности восстановления доверия между подозрительными соседями.

Еда – не самое важное. Дуччо ди Буонинсеня. «Тайная вечеря» (1308–1311).

Многим религиям известно, что процесс переваривания пищи располагает к нравственному воспитанию. Есть такое ощущение, что стоящая перед нами еда убеждает наши обычно упрямые «я» проявить к другим великодушие, проявленное к нам. Эти религии также достаточно много знают о наших чувственных, неинтеллектуальных сторонах, чтобы понимать, что одними словами на пути добродетели нас не удержать. Им известно, что за трапезой они получают внимательную аудиторию, которая, скорее всего, готова к обмену пищи на идеи... и они превращают трапезы в скрытые этические уроки. Они останавливают нас перед первым глотком вина и предлагают мысль, которую можно запить жидкостью, как таблетку. Они заставляют нас слушать пастырское наставление в промежутке между двумя блюдами. И используют особые виды еды и питья, чтобы представлять абстрактные концепции, говоря христианам, что хлеб – это священное тело Христа, сообщая иудеям, что блюдо из тертых или мелко

нарезанных яблок и молотых орехов, которое подают на Песах, есть раствор, который использовали их предки-рабы, чтобы строить склады в Египте, а буддистов учат, что чашки медленно закипающего чая – свидетельства преходящей природы счастья в плавающем мире.

«Ресторан любви» – мирской отпрыск евхаристии и традиции христианских общих трапез.

Заняв свое место в «Ресторане любви», каждый гость найдет перед собой буклет-наставление, чем-то напоминающий иудейскую «Аггаду» или католический служебник, в котором приведены правила поведения за столом. Никто не должен сидеть в одиночестве, если ему хочется с кем-то поговорить, как это и ожидается от участников иудейского Песаха или христианской евхаристии, только речь пойдет не об истории колен Израилевых и не о приобщении к Господу.

Книга любви предложит обедающим поговорить друг с другом определенное время и на заданные темы. Как знаменитые вопросы, которые, как предписано «Аггадой», задает самый младший из детей на церемонии Песаха («Чем этот вечер отличается от всех других вечеров?», «Почему мы едим пресный хлеб и горькие травы?» и так далее), темы разговора специальным образом подобраны, чтобы удержать гостей от привычных выражений *superbia* («Чем вы занимаетесь?», «В какую школу ходят ваши дети?») и побудить их к более искреннему рассказу о себе («О чем вы сожалеете?», «Кого вы можете простить?», «Чего вы боитесь?»). Такая трапеза, как и месса, способствует пробуждению милосердия, позволяется с пониманием и состраданием отнестись к жизни других людей. Рассказы о самом сокровенном – о страхе, вине, ярости, меланхолии, неразделенной любви и неверности – создадут ощущение коллективного безумия и нашей трепетной хрупкости. Такие разговоры освободят нас от некоторых самых искаженных представлений о жизни других, откроют, до какой степени за тщательно охраняемыми масками мы сходим с ума... и дадут основание протянуть руку помощи нашим так же, как мы, страдающим соседям.

Неофитам формальности такого обеда, несомненно, покажутся необычными. Но со временем они оценят, как продуманные правила поведения способствуют проявлению истинных чувств. В конце концов, едва ли выглядит естественным, когда преклоняют колени на каменном полу с группой людей, смотрят на алтарь и хором произносят: «Удостой рабов Твоих, Господи, верной защиты и изобилия благодати; даруй им спасение души и тела; дай им полноту братской любви, и пусть они будут всегда преданы Тебе. Через Христа, Господа нашего». И, однако, верующие, которые посещают мессу, не видят в этом ничего предосудительного, радуются такой необходимости, потому что нет более эффективного способа ненавязчиво создать ощущение общности.

וְיִשְׂרָאֵל
 נְטִילַת יָדַיִם
 הַמּוֹצֵא
 כָּל אֶחָד מִכֻּסּוּי עֵינַיִם הֵכָרֵר כֵּן
 כְּאִשְׁרֵי כְתוּב " וּמְכַרְבֵּן כֹּהֵן אִמָּה אֲשֶׁר
 קָדְשָׁנוּ בְּמִצְוֹתָיו וְצוּנוּ יַעַל
 נְטִילַת יָדַיִם " יִקַּח אֶחָת מִמֵּטֵי הַמִּצְוֹת הַשְּׁלִי
 וַיִּלְדֹּךְ עָלֶיהָ כֹּהֵן אִמָּה הַמּוֹצֵא

Мы извлекаем пользу из книг, объясняющих, как вести себя за столом. В «Аггаде» (Барселона, 1350) приведена подробная инструкция по проведению трапезы в Песах, позволяющей не только провести урок по истории евреев, но и укрепить чувство общности.

Благодаря «Ресторанам любви» наш страх перед незнакомцами будет уходить. Бедные будут есть вместе с богатыми, черные с белыми, верующие

с неверующими, нервные с уравновешенными, рабочие с менеджерами, ученые с представителями искусства. Клаустрофобия, лишаящая радости все наши отношения с другими людьми, уйдет, как и наше желание обрести статус благодаря допуску в так называемые элитарные круги.

Мысль, что мы можем подлатать рвущуюся современную социальную материю с помощью такого простого и недорогого способа, как общественная трапеза, покажется оскорбительной для тех, кто верит в силу законодательных и политических решений для лечения болезней общества. Однако эти рестораны – не альтернатива традиционным политическим методам. Они всего лишь шаг для гуманизации представлений о других в нашем сознании, чтобы мы стали более естественными в общении, с большей охотой шли на контакт, боролись с эгоизмом, расизмом, агрессивностью, страхом и чувством вины, в которых кроются корни столь многих проблем, которыми озабочена традиционная политика.

Трапеза в Песах: здесь задействованы социальные механизмы, не менее полезные и сложные, чем в работе парламента или судопроизводства.

Христианство, иудаизм и буддизм внесли немалый вклад в современную политику, но их польза в формировании духа общности особенно велика, когда они отходят от политики и напоминают нам, как важно стоять в большом зале с сотней незнакомцев и хором петь псалом, или торжественно омывть ноги незнакомцу, или сидеть за столом с

соседями, есть жаркое из ягненка и беседовать. Эти ритуалы ничуть не меньше, чем решения парламентов и судов, сохраняют единым целым наше хрупкое сообщество.

б) Извинения

1

Усилия религии пробудить чувство общности не ограничиваются представлением нас друг другу. Религия ставит перед собой задачу улаживать трения, которые возникают в группах после того, как они уже сформировались.

Необходимо отдать должное иудаизму с его концентрацией внимания на злости: как легко ее почувствовать, как трудно выразить и какой страх и неловкость она вызывает у других. Все это особенно ясно мы видим в иудейском Дне искупления (Судном дне), где практикуется один из наиболее эффективных психологических механизмов из всех, когда-либо придуманных для разрешения социального конфликта.

В День искупления, традиционно одетые в белое, израильские евреи идут по свободной от транспорта дороге в синагогу.

Приходясь на десятый день месяца тишрей, вскоре после начала еврейского Нового года, День искупления (или Йом Кипур) важное и

торжественное событие в иудейском календаре. В Книге Левит указано, что в этот день евреи должны отложить все домашние и прочие дела и мысленно обозреть все свои действия за прошедший год, выделяя те, что могли принести боль и незаслуженную обиду. Собравшись вместе в синагоге, они говорят в молитве:

«Виновны мы; были вероломны, грабили, лицемерили, свернули с правильного пути и обвиняли невиновных, намеренно творили зло, присваивали чужое, возводили на ближнего напраслину; давали дурные советы, лгали, глумились, бунтовали, кощунствовали, были непокорны, злодействовали, восставали против закона, враждовали между собой, упорствовали в грехе; творили зло, вредили, делали мерзости, заблуждались, вводили в заблуждение других».

После чего ищут тех, у кого вызвали раздражение, злость, к кому не прислушались или кого обидели иным способом, и предлагают им полное возмещение ущерба. Такова Божья воля – и редкая возможность получить полное прощение. «Нет человека праведного на земле, который не согрешит», – говорит вечерняя молитва, а потому «и будет прощено всей общине сынов Израиля и прозелитам, живущим среди них».

В этот святой день евреям рекомендуют связаться с коллегами, посидеть с родителями и детьми, написать знакомым, любимым и бывшим друзьям в других странах и составить список прегрешений. В свою очередь, те, у кого просят прощения, признают вложенные в слова о прощении искренность и смирение. И вместо того, чтобы и дальше копить раздражение и злобу по отношению к обидчику, они должны подвести черту под прежними конфликтами, осознав, что они сами, конечно же, не без греха.

Не один человек хочет сказать «прости»: служба на Йом Кипур, будапештская синагога.

Бог наслаждается своей ролью в этом цикле извинений: Он – единственное идеальное существо, а потому единственный, кому не надо знать, что такое извинения. Что же касается остальных, несовершенство – неотъемлемое качество человеческой натуры, и таким же должно быть желание приносить извинения. Просьба о прощении – мужественное и честное признание, и ее исполнение показывает разницу между человеческим и божественным.

День искупления особенно хорош тем, что все выглядит так, будто идея просить прощения идет свыше, не является инициативой обидчика или обиженного. Сам этот день заставляет нас сидеть вместе и говорить о некоем инциденте, случившемся полгода назад, когда ты солгала, и я накричал на тебя, а ты заплакала. Инцидент этот полностью не забылся, но мы бы никогда не упомянули о нем вновь, и он медленно разъедал бы доверие и любовь, которые мы когда-то испытывали друг к другу. Этот день дает нам возможность, взяв на себя ответственность, перестать обсуждать обыденность и вновь вернуться к инциденту, вроде бы уже выброшенному из головы. Мы делаем это не по собственной воле, мы подчиняемся правилам.

Рецепты Дня искупления несут умиротворение обеим сторонам конфликта. Страдая от обиды, мы часто не стремимся к тому, что могло бы нас излечить, потому что слишком многие раны при свете дня выглядят абсурдными. Наше здравомыслие ужасает необходимость признать, как сильно мы мучаемся из-за того, что нас куда-то не пригласили или не ответили на наше письмо. А сколько часов пытки мы выдерживаем из-за резкой фразы или из-за того, что кто-то забыл про наш день рождения. Нам бы давно следовало научиться не обращать внимания на такие пустяки, но увы. Наша ранимость отрицательно воздействует на нашу самооценку; нам больно, и при этом мы оскорблены тем, что боль вызвана такой ерундой. Наша сдержанность может иметь и финансовый аспект. Обидчик зачастую стоит выше по служебной лестнице – это или владелец предприятия, или тот, кто решает, с кем заключить тот или иной контракт, – подчиненное положение заставляет нас молчать, но не уберегает от горечи и подавляемой злости.

С другой стороны, когда мы сами причиняем кому-то боль и не хотим извиниться, очень возможно, что такие действия приводят к невыносимому чувству вины. Мы можем очень сожалеть о содеянном, но быть не в силах заставить себя попросить прощения. Мы избегаем наших жертв и проявляем по отношению к ним недопустимую грубость не потому, что нас не волнует содеянное, а потому, что мы недовольны собой. Таким образом, наши жертвы страдают не только от первоначальной обиды, но и от последующей холодности, с которой мы начинаем к ним относиться из-за того, что нас мучает совесть.

Все это помогает поправить День искупления. Период, когда право человека на ошибку признается истиной, облегчает признание в ней тем, кто ошибся. Гораздо проще покаяться в содеянном, когда высший авторитет говорит нам, что все мы можем ошибаться, но нас, как и детей, можно простить.

День искупления – огромное очищение души, и остается только пожалеть, что в году он только один. Секулярный мир без ущерба для себя мог бы приспособить для своих нужд аналог Дня искупления и начинать с него каждый квартал.

в) Наша ненависть к общности

1

Наивно предполагать, что мы не можем создавать крепкие общности всего лишь по одной причине – стесняемся поздороваться с другими. Часть нашей социальной отчужденности берет начало в тех гранях человеческой природы, которые не заинтересованы в общественных ценностях, тех сторонах нашего характера, которым скучна или отвратительна верность, самопожертвование, сочувствие, а куда больше по нраву нарциссизм, зависть, злоба, половая распущенность и неспровоцированная агрессия.

Религия прекрасно осведомлена об этих тенденциях и признает: если общности хотят существовать нормально, им необходимо на это воздействовать, но не просто подавлять, а искусно очищаться и избавляться от них. Религия предлагает набор ритуалов, многие из которых на первый взгляд кажутся странными, но их цель – безопасным образом избавить нас от злобного, разрушительного, нигилистического в нашей натуре. Эти ритуалы, разумеется, не афишируют свое назначение, потому что в этом случае многие потенциальные участники в ужасе разбегутся, но их продолжительное существование и популярность доказывают, что они способствуют достижению чего-то важного.

Первые общественные ритуалы эффективно находили золотую середину между потребностями индивидуума и группы в целом. Если позволить нашим импульсам свободно себя проявлять, они неизбежно разрушат наше общество. Если же жестко их подавлять, под угрозой будет поставлена психика индивидуумов. Ритуал, таким образом, примиряет индивидуума и коллектив. Это контролируемое и зачастую эстетически трогательное очищение. Ритуал определяет пространство, в котором наши эгоцентрические желания на какое-то время получают волю ради долгосрочной гармонии и гарантированного выживания общности.

2

Мы видим, как это работает в иудейских ритуалах, связанных со смертью члена семьи. Существует опасность, что скорбящий будет так сокрушен горем, что прекратит выполнять свои обязанности по отношению

к общности. Последнему по этой причине выдана инструкция, с одной стороны, разрешать скорбящему выражать свое горе, но при этом усиленно на него воздействовать, чтобы со временем он вернулся к нормальной жизни.

Семь дней *шивы*, которые следуют за смертью, разрешается без ограничений выражать свои чувства, далее наступает период, с 8-го по 30-й день, большей сдержанности (*шлошим*), в который скорбящий освобождается от многих групповых обязанностей, а затем более продолжительный период до года (*шнейм асар чодош*), когда усопший поминается в молитвах во время служб в синагоге. В конце года, после установки памятника (*мацевы*), молитвы, еще одной службы и домашних поминок, скорбящий должен полностью вернуться к нормальной жизни и выполнять все обязанности, возлагаемые на него обществом.

3

За исключением похорон, большинство коллективных религиозных ритуалов отличает ярко выраженное веселье. Они проходят в залах с горами еды на столе, танцами, обменом подарками, тостами и в атмосфере легкомыслия. Но под радостью зачастую прячется и грусть людей, которые находятся в центре событий, потому что они отдают что-то такое, чем выделялись в общности. Ритуал, по правде говоря, это форма компенсации, трансформационный момент, когда изменение должно быть переварено и подслащено.

Трудно бывать на большинстве свадеб, не осознав, что эти празднества на каком-то уровне отмечают печаль, кончину сексуальной свободы и индивидуального любопытства ради детей и сексуальной стабильности, а компенсацией от общности служат подарки и речи.

Иудейская церемония бар-мицва – еще один внешне веселый ритуал, который призван снизить внутреннее напряжение. Хотя очевидно, что связан он с празднованием момента, когда еврейский юноша становится взрослым, он во многом сосредоточен на том, чтобы примирить родителей с тем, что их сын стал взрослым. Родителям трудно смириться, что под периодом воспитания, начавшимся с рождения, подводится черта и – особенно это касается отца – скоро им самим придется бороться с угасанием, завистью и негодованием, потому что новое поколение уже стоит с ними наравне и скоро их превзойдет. В день церемонии отца и мать сердечно поздравляют с достижениями их ребенка, но при этом мягко побуждают позволить ему идти своим путем.

Религия мудра в том, что не ожидает от нас самостоятельного обуздания наших эмоций. Она знает, как сложно и унижительно признаваться в отчаянии, сладострастии, зависти и эгоизме. Она понимает, как трудно приходится нам, когда надо найти способ сказать матери, что мы злимся на нее, или нашему ребенку, что мы завидуем ему или ее будущему супругу, так что его свадьба пугает нас в той же мере, в какой и радует. Религия, таким образом, дает нам специальные дни, под прикрытием которых можно перебороть негативные чувства. Она дает нам стихи, чтобы произносить их вслух, и песни, чтобы их петь, пока ведет нас по опасным закоулкам нашей психики.

Как выразить печаль, не позволив ей поглотить человека целиком? Она может заставить забыть про жизнь и общество. Открытие надгробного камня на могиле отца через год после смерти на еврейском кладбище.

Но прежде всего религия понимает, что принадлежать к общности и крайне желательно, и совсем нелегко. В этом смысле религия куда изощреннее, чем мирские политические теоретики, которые так проникновенно пишут о потере чувства общности, одновременно отказываясь признавать неизбежные отрицательные аспекты социальной жизни. Религия учит нас быть вежливыми, уважать друг друга, быть верными и трезвыми, но она также знает: если не разрешать время от времени вести себя иначе, можно сломать нашу душу. Искушенная в

житейских делах, религия отдает себе отчет, в каком долгу доброта, вера и нежность перед своими противоположностями.

Средневековое христианство определенно понимало эту раздвоенность. Большую часть года оно проповедовало серьезность, порядок, сдержанность, братство, искренность, любовь к Богу и половое воздержание, а потом в канун Нового года отпирало замки коллективной психики и объявляло *festum fatuorum*, Пир дураков. Четыре дня мир стоял на голове: священники играли в кости на алтаре, ругались, как биндюжники, вместо того чтобы говорить «аминь», устраивали пьянки в нефе, выпускали газы под аккомпанемент «Аве Мария» и пародировали Святое Писание (Евангелие от куриной гузки, Евангелие от ногтя мизинца святого Луки) в проповедях. Упившись элем, они переворачивали священные книги вверх тормашками, адресовали молитвы растениям, мочились с колоколен. Они привязывали огромные вязаные члены к своим рясам и вступали в половые контакты с любым, будь то женщина или мужчина, кто изъявлял такое желание.

Нужны ли нам ритуальные праздники, если в них совершенно нет грусти? Церемония бармицвы, штат НьюЙорк.

Все это не рассматривалось как шутка. Это было священнодействие, *parodia sacra*, направленное на то, чтобы в остальное время года все шло как должно. В 1445 году Парижская кафедра теологии объяснила епископам Франции, что Пир дураков – необходимое событие в христианском календаре: «...для того, чтобы глупость, которая составляет нашу вторую натуру и изначально заложена в человеке, свободно исторгалась хотя бы раз в год. Винные бочки взрываются время от времени, если мы не открываем их и не даем выйти воздуху. Все мы, люди, те же бочки, вот почему в определенные дни мы даем свободу глупости: чтобы потом с еще большим рвением вернуться к служению Господу».

Для сохранения здравомыслия необходим краткий период времени, когда можно произнести проповедь на основе Евангелия от ногтя мизинца святого Луки. Иллюстрация XIX века средневекового «Пира дураков».

Из этого нам нужно вынести следующее: если нам нужна слаженно функционирующая общность, нельзя идти против человеческой природы.

Мы должны осознать глубину наших разрушительных, антиобщественных чувств. Нельзя сдерживать пиршество и загул в каких-то рамках, под надзором полиции и суровыми взглядами комментаторов. Мы должны хотя бы раз в год передавать бразды правления хаосу и организовать мероприятия, где сможем избавиться от двух главных психологических нагрузок мирской жизни: сохранять здравомыслие и верность. Нам надо разрешить нести чушь, привязывать к одежде вязаные пенисы, уходить на всю ночь и радостно совокупляться с первым встречным, чтобы утром вернуться к своим партнерам, которые провели эту ночь аналогичным образом, причем обе стороны отдавали себе отчет, что в этом нет ничего личного, что их заставил это сделать Пир дураков.

Мы узнаем от религии не только о достоинствах общности. Религия учит нас, что хорошая общность понимает, сколь многое в нас на дух не переносит коллективности или, по крайней мере, не может постоянно терпеть ее упорядоченные рамки. Если мы заведем пиры любви, нам также следует иметь пиры дураков.

Глава 3

Доброта

а) Либертарианство и патернализм

1

Как только мы повзрослеем, нас редко официально побуждают любить ближнего своего. Ключевое положение современной западной социальной мысли состоит в том, что нас надо оставить в покое, мы можем жить, как нам заблагорассудится, не боясь, что нам будут на что-то указывать, без страха перед моральным осуждением и независимо от причуд властей. Свобода стала нашей главной общественной ценностью. Считается, что не государственное это дело – указывать, как мы должны вести себя по отношению друг к другу, или отправлять нас на лекции о галантности и вежливости. Современные политики, и левые, и правые, в большинстве придерживаются, как мы можем это назвать, либертарианских взглядов.

В своей статье «О свободе» (1859) Джон Стюарт Милль, британский экономист и философ, один из первых и наиболее красноречивых адептов принципа «руки прочь», объяснял: «Государство может демонстрировать свою власть над любым членом цивилизованного сообщества, даже против его воли, только в том случае, если необходимо уберечь от вреда других. Его личное благо, физическое или духовное, недостаточное для того основание».

Следуя этому принципу, государство не должно питать никаких иллюзий относительно воздействия на внутренний мир или образ жизни своих граждан. Их фобии не комментируются и не критикуются из страха превращения государства в наиболее осуждаемый и неприемлемый для либертарианства тип власти – государство-няньку.

2

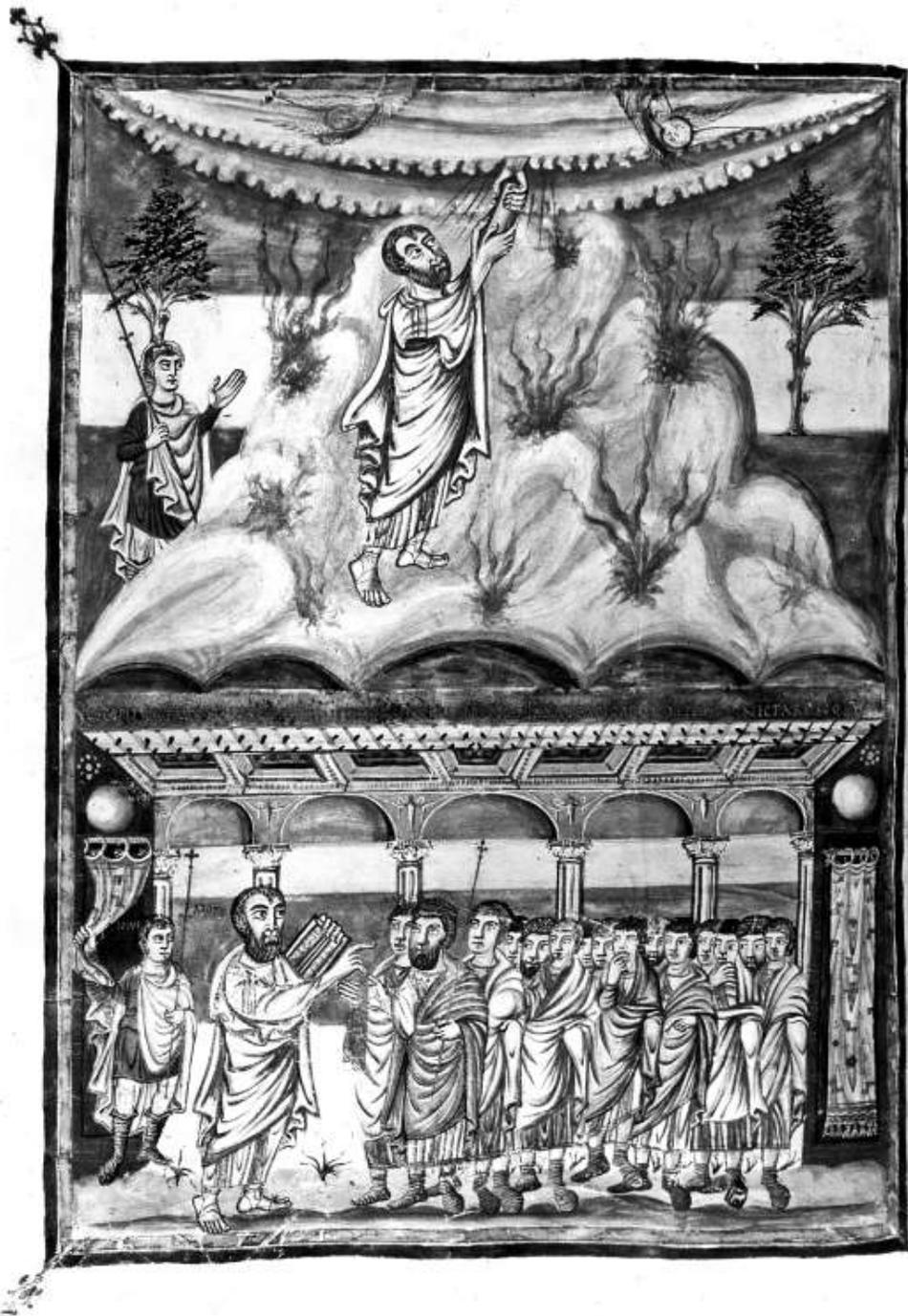
Религия, напротив, всегда уходила гораздо дальше по части директив, продвигая самые различные идеи о том, как члены общности должны вести себя по отношению друг к другу.

Рассмотрим, к примеру, иудаизм. Для некоторых положений еврейского правового кодекса, Мишны, не составит труда найти параллели в современных законах. Не воруй, не нарушай обещаний, не допускай

чрезмерной мести врагам во время войны... что-то в этом слышится знакомое.

Однако многие другие положения простираются гораздо дальше, чем позволяет себе современная либертарианская идеология. Еврейский правовой кодекс до мельчайших деталей прописывает, как следует вести себя с родственниками, коллегами, незнакомцами и даже с животными. Он указывает, что мы не должны садиться за стол, пока не накормлены наши козы и верблюды, что мы обязаны спросить разрешения у родителей, если отправляемся в достаточно долгую поездку и не сможем вернуться до следующего утра, что весной мы должны приглашать живущих по соседству вдов к нашему столу и трясти наши оливковые деревья только раз в году во время сбора урожая, оставляя достаточно бездомным и бедным. К этим рекомендациям добавляются и указания насчет секса. Мужчина, который взял жену перед лицом Бога, должен регулярно исполнять свой супружеский долг, правда, регулярность эта зависит от профессии. «Каждый день для ничего не делающих, дважды в неделю для работников, один раз в неделю для погонщиков ослов, один раз в тридцать дней для погонщиков верблюдов и один раз в шесть месяцев для моряков» (Мишна, Ктубот, 5:6).

Либертарианские теоретики согласятся, что это прекрасно – удовлетворять сексуальные запросы супруги, не обтрясать деревья до последней оливки и держать родителей в курсе своих разъездов. Однако при этом они осудят, как неприемлемую и безобразную, любую патерналистскую попытку превратить намерения в догмы. Когда кормить собак и приглашать вдов на обед, согласно либертарианским взглядам на мир, решать исключительно индивидууму, не спрашивая мнения коллектива.

Иудейский правовой кодекс говорит не только о том, что воровать нельзя, но и указывает, что погонщики ослов должны исполнять супружеский долг раз в неделю. Моисей получает скрижали Закона. Из французской Библии (834)

В мирском обществе, по мнению либертарианца, необходимо четко разделять поведение, диктуемое законом, и поведение, которое зависит

исключительно от индивидуума. Парламенты, полиция, суды и тюрьмы нужны для того, чтобы не наносился урон здоровью и собственности гражданина, но в более неопределенных случаях индивидуум решает проблемы, как ему подсказывает совесть. То есть кража вола расследуется сотрудником полиции, тогда как моральный урон, нанесенный двадцатью годами пренебрежения своими обязанностями в спальне, никого не касается.

Нежелание вникать в вопросы личностных отношений основано не столько на безразличии, сколько на скептицизме, а если точнее, на серьезных сомнениях в том, что кто-то может точно знать, что есть добродетель, не говоря уже о том, чтобы судить о ее наличии или отсутствии у других. Осознавая бесконечную сложность этического выбора, либертарианцы не могут не замечать, сколь редко действие человека можно однозначно оценить как правильное или неправильное. Оглядываясь на столетия самоуверенности церкви, либертарианцы замирают, замороженные опасностями такой убежденности. Ужас перед нравоучениями изгнал из общественной сферы разговоры о морали. Желание задать вопрос о поведении других не идет с языка, поскольку в ответ, скорее всего, раздастся: «Кто ты такой, чтобы указывать мне, как поступать?»

4

Однако есть одна область, где мы без колебаний ставим нравоучения выше нейтралитета; область, которая для многих из нас является доминирующей в нашей жизни и по важности превосходит все остальное: я говорю о воспитании детей.

Родитель неизбежно вмешивается в жизнь своих отпрысков в надежде, что они вырастут не только законопослушными, но и хорошими... и в результате, чуткие по отношению к партнерам, великодушно настроенные к тем, кто остался без отца, осознающие их мотивы и не склонные бездельничать или предаваться жалости к себе, родители своими запретами соперничают с теми, что приведены в иудейской Мишне.

Поставленные перед теми же вопросами, которые так волнуют либертарианских теоретиков в социальной сфере – «Кто ты такой, чтобы указывать мне, как поступать?» и «Откуда ты знаешь, что правильно?» – родители без труда находят приемлемые ответы. Даже если они обламывают сиюминутные желания детей (зачастую криками, от которых грозят лопнуть барабанные перепонки), они склонны считать, что указывают детям, как жить в соответствии с нормами, которые те, конечно же, уважали бы, будь у них здравомыслие и самоконтроль взрослых.

Сам факт, что такие родители в собственном доме отдают предпочтение патернализму, не означает, что они отбрасывают все этические сомнения. Они будут утверждать, что естественно сомневаться при обсуждении серьезной проблемы, скажем, можно ли делать аборты после того, как зародышу исполнилось больше двадцати четырех недель, но зато с более мелкими у них всегда полная ясность: правильно ли бить младшего брата по лицу и можно ли выплескивать яблочный сок на потолок спальни?

Чтобы придать конкретную форму своим утверждениям, родители часто принимают рисовать звездные таблицы, эти сложные домашние политические соглашения (обычно крепятся к дверце холодильника или двери кладовой), где подробно изложено, какое поведение ожидают от детей и что им за это будет.

Отмечая значительные поведенческие сдвиги, которые обычно обеспечивают эти таблицы (не говоря уже о парадоксальном удовольствии, которое получают дети, осознавая, что их нарушающие порядок выходки фиксируются и количественно сокращаются), либертариански настроенным взрослым, возможно, захочется, с легким смешком, вызванным очевидной абсурдностью идеи, порассуждать, что выгадают они сами, прикрепив к стене звездную таблицу, чтобы фиксировать их собственные странности.

Если идея звездной таблицы для взрослого кажется необычной, но не без достоинств, причина в том, что мы понимаем, если подходим к ситуации здраво, уровень нашего несовершенства и глубину нашего ребячества. Есть много такого, что мы хотели бы сделать, однако не делаем, и сердце подсказывает нам, как мы могли бы себя вести, но мы игнорируем эти призывы в повседневной жизни. Однако в мире, одержимом идеей свободы, слишком мало голосов, которые решаются убеждать нас вести себя хорошо.

Наставления, которые нам необходимы, не такие уж сложные: прощать других, не давать волю злости, попытаться поставить себя на место другого, оценить ситуацию в перспективе... Мы считаем себя слишком умными, если уверены, что нам незачем слушать вовремя сказанные, четкие и ясно выраженные напоминания о доброте. Тогда как мудростью было бы признать, что в большинстве ситуаций мы нуждаемся в доброжелательных, но твердых исходных наставлениях ничуть не меньше, чем дети и домашние животные.

Истинные опасности, которые грозят нашему благополучию, отличаются от тех, которые видятся либертарианцам. Недостаток свободы в

большинстве развитых обществ уже не проблема. Наши падения вызваны неспособностью разумно пользоваться большей частью той свободы, которую наши предки завоевывали для нас три предыдущих столетия. Нас уже тошнит, поскольку нам предоставили право делать все, что заблагорассудится, не обладая достаточной мудростью для того, чтобы поставить эту свободу себе на службу. Дело совсем не в том, что мы оказались в когтях патерналистской власти, чьи требования вызывают у нас негодование и от которой мы стремимся освободиться. Опасность грозит с другого бока: мы сталкиваемся с искушениями, которым можем противостоять, если находимся от них достаточно далеко, но не в силах устоять перед ними, если они на расстоянии вытянутой руки, пусть даже это вызывает отвращение к себе и разочарование. Зрелая сторона нашей личности с отчаянием наблюдает, как инфантилизм топчет наши самые возвышенные принципы и плюет на то, что мы больше всего ценим и уважаем. И, возможно, наше самое сокровенное желание: пусть кто-то придет и спасет нас от нас же самих.

Сделанное изредка патерналистское напоминание, что надо вести себя хорошо, не должно рассматриваться как посягательство на нашу «свободу», если правильно понимать этот термин. Настоящая свобода не означает, что человек полностью предоставлен самому себе, она должна и сдерживаться, и направляться.

Даже самые либертариански настроенные родители склонны прибегать к помощи звездных таблиц, имея дело с четырехлетними детьми.

Современные браки – наглядный пример проблем, возникающих из-за отсутствия нравственной атмосферы. Мы начинаем с лучшими намерениями и при максимальной окружающей поддержке. Все взгляды

сосредоточены на нас, родственники, друзья, государственные служащие всей душой надеются на наше взаимное счастье и хорошее отношение друг к другу. Но достаточно скоро мы обнаруживаем, что остались наедине с нашими свадебными подарками и конфликтующими натурами, а поскольку мы существа со слабой волей, союз, в который мы только что вступили, начинает разрушаться. Романтические мечты, рожденные в голове, слишком хрупкий материал, чтобы строить из него взаимоотношения. По отношению друг к другу мы становимся невнимательными и нечестными. Мы сами удивляемся нашей грубости. Мы становимся злобными и мстительными.

Мы даже стараемся уговорить друзей, которые приезжают к нам на уик-энд, задержаться подольше, потому что их расположение и доброе отношение напоминают нам о больших надеждах, которые возлагал на нас весь мир. Но в душе мы знаем, что страдаем по одной простой причине: нет никого, кто подсказал бы нам, как изменить наше поведение и шагнуть навстречу друг другу. Религия это понимает: она знает, как сохранить теплоту, помогает найти тех, кто выслушает. Религия обеспечивает нас свидетелями при церемониальном начале нашей семейной жизни, а потому отводит своим святым важную роль наблюдателей. Какой бы дурной ни показалась поначалу идея такого наблюдения, на самом деле она, скорее, успокаивает: приятно сознавать, что за нами приглядывают и кто-то надеется, что все у нас сложится наилучшим образом. Осознание того, что наше поведение не отдано нам на откуп, радует, и становится чуть легче прилагать усилия, чтобы вести себя как положено.

Либертарианцы могут согласиться, что такое приглядывание теоретически может принести пользу, но начнут жаловаться, что проделать это нет никакой возможности по одной простой причине: никто уже не знает, что хорошо, а что – плохо. И мы этого не знаем, потому что, как утверждает один очаровательный и впечатляющий, и оттого часто цитируемый афоризм, бог умер.

Современное дидактическое мышление во многом парализовано идеей, что коллапс веры нанес непоправимый урон нашей способности создать для себя убедительную этическую систему. Но этот довод, атеистический по своей природе, представляется весьма странным человеку верующему: если на каком-то уровне сознания мы верили, что Бог когда-то существовал и основы морали имеют сверхъестественное происхождение, почему

нынешнее *несуществование* Бога должно каким-то образом влиять на наши нравственные принципы?

Однако, если мы с самого начала допустим, что Бог всего лишь наша выдумка, тогда спор быстро скатывается в тавтологию: зачем заморачиваться этическими сомнениями, если мы знаем, что все эти правила, приписываемые сверхъестественным существам, на самом деле придуманы нашими от головы и до пят человеческими предками?

Совершенно понятно, что источник религиозной этики – утилитарная потребность ранних сообществ контролировать своих членов, склонных к насилию, и развивать у них противоположные привычки: стремление к гармонии и умение прощать. Религиозные кодексы начинаются как предостерегающие заповеди, которые проецировались на небо, а потом возвращались на землю в бесплотных и величественных формах. Запреты должны быть доброжелательными, иначе человек не захочет признать, что они необходимы, чтобы объединить мелкие общности и не дать им уничтожить друг друга. И эти правила оказались столь важными для нашего выживания, что и через тысячи лет мы не решаемся допустить, что мы сами их и сформулировали, не говоря уж о том, чтобы подвергнуть их критическому переосмыслению или относиться к ним с неуважением. Мы вынуждены притворяться, что мораль послали нам небеса, чтобы обезопасить ее от наших предпочтений и слабостей.

Но если теперь мы сами можем одухотворять наши этические законы, нам уже нет нужды уходить от этих законов. Нам по-прежнему необходимы наставления, что без сочувствия никак не обойтись, даже если мы не верим, что есть Бог, который мог заставить нас помнить об этом. Нас больше не принуждает подчиняться угроза ада или обещание рая, но нам необходимо напоминать, что это мы сами – во всяком случае, самая зрелая и здравомыслящая наша часть (которая, правда, редко дает о себе знать, когда мы переживаем кризисы или навязчивые состояния) – хотим жить таким образом, каким требовали от нас воображаемые сверхъестественные существа. Естественная эволюция морали от суеверий к здравомыслию означает признание, что мы и есть авторы наших моральных законов.

Разумеется, наша готовность принять руководящие указания в известной мере зависит от того, в каком тоне они предложены. Среди наиболее неприятных особенностей религий – привычка священнослужителей говорить с людьми так, будто они и только они

являются зрелым нравственным авторитетом для всех остальных. Но при этом христианство находит наиболее обтекаемые формы, отрицая деление на детей и взрослых и признавая, что мы все в равной степени инфантильны, несовершенны, легко поддаемся искушениям и впадаем в грех. Мы с большей готовностью внимаем урокам о добродетелях и грехах, если их преподают нам те, кто уже хорошо знаком с обеими категориями. Отсюда идет по-прежнему действенное обаяние и практическая ценность идеи Первородного греха.

Приходится чемто пугать себя, чтобы делать именно то, что в глубине души мы считаем правильным. «Муки ада», французский иллюстрированный манускрипт (1454).

Иудео-христианская традиция регулярно подчеркивала, что от изменения к лучшему остановить нас может только ощущение, что мы уже совсем плохие и спасти нас нет никакой возможности. Эти религии с завидной невозмутимостью заявляли, что мы все, без единого исключения, устрашающе грешные создания. «Ибо вот, я в беззаконии зачат, и во грехе

родила меня мать моя», – гремит Ветхий Завет (Псалом 50:7), а Новый отзывается эхом: «Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, *потому что* в нем все согрешили».

Однако признание этого мрака не есть последняя точка, как полагает современный пессимизм. Наша склонность к обману, воровству, неверности, оскорблениям других, эгоистическому невниманию к чьим-либо интересам принимается без удивления. Вопрос не в том, поддались ли мы всем этим шокирующим искушениям, но можем ли мы на какое-то время устоять перед ними.

Доктрина Первородного греха поощряет нас двигаться к нравственному улучшению, понимая, что недостатки, которые мы презираем в себе, свойственны всем представителям нашего вида. И потому мы можем открыто допускать их наличие и пытаться очиститься от них при свете дня. Доктрина знает, что стыд – не самое полезное чувство и только мешает, когда мы пытаемся хотя бы по чуть-чуть избавляться от того, чего стыдимся. Просвещенные мыслители верили, что оказывают нам услугу, декларируя исходную и естественную чистоту человека. Однако, если тебе постоянно твердят, что изначально ты белый и пушистый, не парализуют ли нас угрызения совести от понимания, что нет никакой возможности вернуться к этому исходному состоянию. Признание всеобщей греховности, как выясняется, более удобная отправная точка для первых робких шагов на пути к добродетели.

Упор на Первородный грех в дальнейшем служит подспорьем для ответа на любые сомнения по поводу того, кто имеет право давать нравственный совет в век демократии. На возмущенный вопрос: «Кто ты такой, чтобы учить меня жить?» – верующему достаточно дать обезоруживающий ответ: «Такой же грешник, как и ты». Мы все потомки одного и единственного предка, согрешившего Адама, а потому нас донимают одинаковые тревоги, искушения, жажда любви и – иногда – тяга к праведности.

Нам никогда не открыть железных правил хорошего поведения, отвечающих на все возникающие вопросы о том, каким образом люди смогут жить в мире и дружбе. Но отсутствие абсолютного согласия на понимание, что такое хорошая жизнь, не должно лишать нас желания исследовать пути и продвигаться к теоретическому идеалу.

Приоритетом для моральных наставлений должно быть нечто общее, пусть даже список грехов и добродетелей для каждого из нас свой, учитывая, что мы все склонны выбирать на удивление индивидуальный путь к идиотизму и злобе.

Одно обобщение, которое мы можем решиться почерпнуть из иудео-христианского понимания хорошего поведения, следующее: нам следует сосредоточить внимание на относительно мелких, лишенных драматизма проступках. Гордыню, легко устранимое, ненавязчивое состояние рассудка, христианство сочло необходимым заметить, точно так же, как иудаизм не видел ничего предосудительного в рекомендациях по части половой жизни для семейных пар.

Какой контраст по сравнению с тем, сколь запоздало и резко врывается в нашу жизнь современное государство. Оно вмешивается, когда поезд уже ушел, после того, как мы взяли в руки оружие, украли деньги, обманули детей или выбросили свою вторую половину из окна. Оно не исследует, как большие преступления вырастают из мелких. Достижение иудео-христианской этики в том, что она обращала внимание не только на главные и очевидные грехи человечества. Ее рекомендации адресованы к самым различным видам мелких прегрешений и дурных поступков, которые портят повседневную жизнь и формируют базу для ужасных преступлений. Она знает, что грубость и эмоциональное унижение вредят добропорядочному обществу в не меньшей степени, что грабежи и убийства.

Десять заповедей стали первой попыткой удержать в узде человеческую агрессивность по отношению к себе подобным. В положениях Талмуда и в средневековых христианских списках грехов и добродетелей мы находим и другие, более мелкие, но не менее злокозненные и взрывоопасные правонарушения. Легко объявить неправильным убийство и воровство; требуется гораздо более высокий уровень нравственного воображения, чтобы предупредить о последствиях брошенной в сердцах уничижительной фразы или невыполнения супружеских обязанностей.

б) Нравственная атмосфера

1

Христианство никогда не возражало против создания нравственной атмосферы, в которой люди могли указывать на недостатки друг друга и признавать, что есть возможности для самоулучшения.

И не видя особых различий между взрослыми и детьми, христианство никогда не останавливалось перед тем, чтобы предложить своим последователям эквиваленты звездных таблиц, которые направляли бы их в нужном направлении. Один из наиболее известных примеров можно увидеть в Падуе под сводчатым кирпичным потолком капеллы Скровеньи.

В начале четырнадцатого века флорентийский художник Джотто получил заказ расписать четырнадцать стенных ниш капеллы. На фресках предлагалось изобразить различные грехи и добродетели. На правой стене капеллы, которая располагалась ближе к нефу, Джотто нарисовал так называемые кардинальские, то есть главные, добродетели: Благоразумие, Стойкость, Умеренность и Справедливость, за которыми последовали христианские: Вера, Милосердие и Надежда. Напротив них в соответствующих нишах появились семь грехов: гордыня, алчность, сладострастие, чревоугодие, зависть, гнев, лень. Для каждого из абстрактных символов художник нашел образ, и вызывающий восхищение, и пробуждающий чувство вины. Так Гнев (Злоба) показана разрывающей одежду, кричащей в небо от негодующей жалости к себе, тогда как в двух нишах от нее Сладострастие щурит лживые глаза. По замыслу прихожане должны были сидеть на скамьях и размышлять, какую избрали бы добродетель и жертвой какого греха пали бы, в то время как Бог наблюдает за ними с небосвода, положив руки на звезды.

Религиозная традиция, к которой принадлежала звездная таблица Джотто, не испытывает трудностей с тем, чтобы показывать, как человек должен себя вести, и четко разграничивает добродетель и ее противоположность. Списки добродетелей и грехов приводились повсеместно – на задних обложках Библий, в молитвенниках, на стенах церквей и общественных зданий – с чисто дидактической целью: они служили компасом, с которым верующие сверялись при движении по жизни в нужном направлении.

В противоположность стремлению христианства создать нравственную атмосферу, либертарианские теоретики утверждают, что общественное пространство должно оставаться нейтральным. Не должно быть напоминаний о доброте ни на стенах наших зданий, ни на страницах наших книг. Дидактика входит в противоречие с нашей столь высоко ценимой «свободой».

Тем не менее, мы уже видели, почему эта забота о свободе не всегда соответствует нашим глубинным потребностям, учитывая наши мятущиеся и переменчивые натуры. Теперь пришло время признать, что в любом случае наши общественные места никоим образом не остаются нейтральными. Они – для этого вывода достаточно взглянуть на любую центральную улицу – заполнены коммерческой рекламой. Даже в обществах, декларативно бьющихся за то, чтобы оставить нам свободу выбора, нашим разумом постоянно манипулируют, привлекая наше внимание к тому, на что мы сами никогда бы и не посмотрели. Иногда рекламные агентства заявляют, в профилактическом приступе ложной скромности, что реклама на самом деле *не срабатывает*. Мы взрослые, утверждают они, и не теряем способности мыслить здраво в тот самый момент, когда наш взгляд падает на прекрасные фотографии на рекламном щите или в каталоге. Понятное дело, дети подобным здравомыслием похвастать не могут, и их, конечно же, надо ограждать от некоторой информации, которую они получают по телевизору до восьми вечера, чтобы ими не овладело маниакальное желание стать обладателем какого-нибудь игрушечного поезда или газированного напитка. Но взрослые благоразумны и обладают достаточным самоконтролем, чтобы не менять шкалу своих ценностей или предпочтения в сфере потребительских товаров из-за постоянно растущего потока искусно поданной информации, которая льется на них со всех сторон и в любое время дня и ночи.

Злоба

Непостоянство

Зависть

Умеренность

Стойкость

Милосердие

Джотто. «Грехи и добродетели». Капелла Скровеньи, Падуя (1304)

Надо отметить, что отличие между ребенком и взрослым подозрительно удобно для интересов коммерческой рекламы. Если говорить начистоту, мы все переменчивы в наших пристрастиях и страдаем от слабоволия, слыша песни рекламных сирен, так что трехлетний ребенок не может оторвать глаз от экрана, увидев игрушечный набор фермы с надувной собачьей конурой, в той же степени, что и сорокадвухлетний взрослый, прельщенный набором для барбекю с дополнительными щипцами и плиткой.

Атеисты склонны жалеть членов религиозных сообществ, поскольку на них обрушивается огромный вал пропаганды, но при этом упускают из виду, что в мирских сообществах пропаганды ничуть не меньше. Либертарианское государство, достойное этого названия, должно пытаться выровнять баланс сообщений, которые обрушиваются на его граждан, не отдавать все на откуп рекламе. В соответствии с честлюбивым замыслом фресок Джотто, эти новые сообщения должны рассказывать нам о многих благородных путях поведения, которыми мы в настоящее время так восхищаемся, но при этом и беззаботно игнорируем.

Мы просто не можем надолго сосредоточиться на высоких добродетелях, раз уж позволили убедить себя, что они достойны лишь случайного упоминания в плохо продающейся, а по большей части и вовсе проигнорированной книге-эссе так называемого философа, тогда как повсюду акулы мирового рекламного бизнеса пускают в ход всю свою фантазмагорическую алхимию и бьют по всем нашим органам чувств ради нового вида чистящего порошка или пряной закуски.

Нам нужны напоминания не только о преимуществах вкусной еды. На рекламном щите: Прощение.

Если нам приходится так часто думать о воске для пола с ароматом лимона или чипсах с черным перцем и так крайне редко – о стойкости и справедливости, вина в этом не только наша. Она также базируется и на двух кардинальских добродетелях, которые не могут позволить себе стать клиентами рекламного агентства «Янг-и-Рибикам».

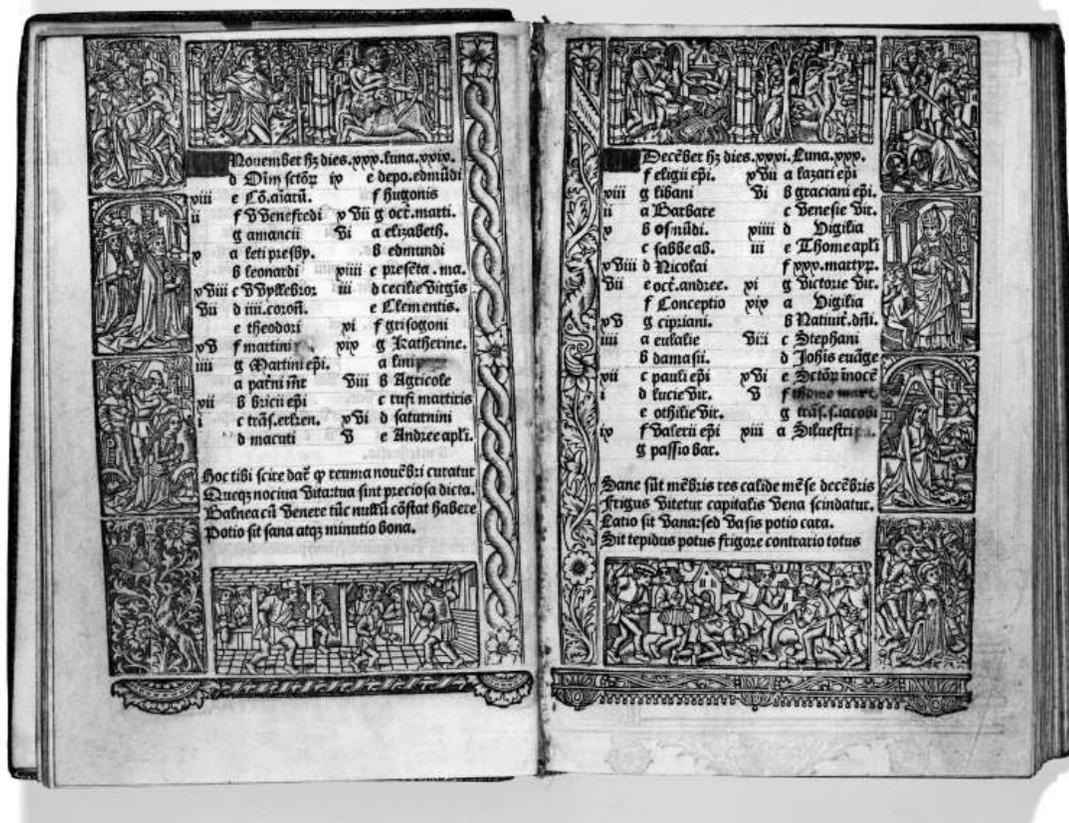
в) Образцы для подражания

1

Уделяя внимание посланиям в общественных местах, христианство также мудро признает и тот факт, что наше восприятие понятий добра и зла во многом определяется людьми, с которыми мы проводим время. Оно знает, что мы чрезвычайно зависимы от мнений нашего социального круга и чрезвычайно склонны усваивать отношение большинства и повторять его поведение. Соответственно, оно принимает ту специфическую компанию, которой мы обзаводимся, начиная с детства, в школе, по месту жительства, на работе. Среди нескольких сотен людей, с которыми мы обычно общаемся, не так уж много замечательных личностей, которые потрясают наше воображение своими добродетелями, укрепляют нашу душу и чьи голоса мы хотим постоянно слышать, потому что они помогают нам стать лучше.

2

Малое число образцов для подражания в нашем окружении помогает объяснить, почему католицизм выставляет перед верующими более двух с половиной тысяч величайших, самых добродетельных личностей, которые когда-либо жили на земле. Эти святые, каждый по-своему, демонстрировали качества, которые мы еще надеемся взрастить в себе. Святой Иосиф, к примеру, может научить нас, как спокойно справляться с проблемами молодой семьи и как сдержанно и без жалоб переживать трудности, связанные с работой. Случаются в жизни моменты, когда нам хочется сломаться и рыдать в компании святого Иуды, чья мягкость принесет нам утешение без необходимости незамедлительно найти решение проблем и даже без надежды. В моменты тревоги мы можем обратиться к святому Филиппу Нери, который никогда не посчитает наши проблемы мелкими и не унижит нас, но обратится к толике абсурда в нашей душе и заставит нас посмеяться – уж он-то знал терапевтический эффект смеха – над нашим же положением. И мы сможем окончательно успокоиться, раздумывая над тем, как бы невозмутимый святой Филипп решал проблемы восстановления семьи или поломки жесткого диска.

Возможность вспомнить друзей – месяцы ноябрь и декабрь из английской псалтыри шестнадцатого века: таблицы с упоминанием дня смерти, среди прочих, святого Гуго, святой Екатерины, святого Теодора, святого Эдмунда, святого Климента, святой Варвары, святой Лючи и святого Осмунда.

Чтобы расширить наши воображаемые связи со святыми, католицизм предлагает нам календари с указанием дат их смерти, чтобы у нас появлялась постоянная возможность выйти из пределов своего социального круга и поразмышлять над жизнью людей, которые раздали все свои деньги и ходили по земле, творя добрые дела, зачастую в одежде из грубой ткани для смирения плоти, как святой Франциск, или, благодаря силе своей веры, были способны прирастить отрезанное ухо обратно к голове потерпевшего, как святой Катберт.

К тому же католицизм понимает, что очень неплохо видеть наших идеальных друзей в доме, пусть в миниатюре, но трехмерными. В конце концов, большинство из нас начинало жизнь с полезного для себя общения с

медведями и другими животными, с которыми мы говорили сами, а потом отвечали себе от их лица. Пусть и неподвижные, эти зверушки, тем не менее, могли и успокоить, и стать добрыми друзьями. Мы могли говорить с ними, когда нам было грустно, и утешались, глядя, как они стоически бодрствуют ради нас. Католицизм не видит смысла отказываться от подобных взаимоотношений и предлагает нам покупать деревянные, каменные, резиновые или пластмассовые статуэтки святых и расставлять их по полкам и нишам наших комнат и коридоров. Когда в семье разлад, мы можем взглянуть на пластмассовую статуэтку и мысленно спросить святого Франциска, что бы он порекомендовал сказать разъяренной жене и бьющимся в истерике детям. Ответ находится у нас в голове, но обычно не является и не кажется эффективным, пока мы не пройдем ритуала обращения за ним к статуэтке святого.

И что теперь? Франциск Ассизский на любой вкус в самых разнообразных видах.

Отлаженно функционирующему мирскому обществу не грех подумать об образцах для подражания. Оно могло бы предлагать нам не только кинозвезд и певцов с певицами. Отсутствие веры несколько не уменьшает потребности в «святых покровителях» для таких качеств, как Стойкость, Дружба, Верность, Терпение, Уверенность или Скептицизм. Мы по-прежнему можем извлечь пользу от общения со статуэтками людей, которые были более уравновешенными, более мужественными и более великодушными, чем мы, – с Линкольном или Уитменом, Черчиллем или Стендалем, Уорреном Баффетом или Полом Смитом, и с их помощью, возможно, и сами станем лучше и научимся принимать более взвешенные решения.

Даже величайшие атеисты могут получить что-то полезное от образцов для подражания. Внизу: письменный стол Зигмунда Фрейда в Лондоне, уставленный ассирийскими, египетскими, китайскими и римскими статуэтками. Наверху: Кто-то может предпочесть Вирджинию Вулф.

Религиозный взгляд на нравственность полагает признаком инфантилизма недовольство тем, что к тебе относятся как к ребенку. Либертарианская одержимость свободой отказывается замечать, какая существенная часть изначальной детской потребности в сдерживании и наставлениях остается в нас, а потому сколь многому мы готовы научиться,

благодаря патерналистской политике. Не такое это благо, и не очень-то освобождает, если тебя, когда ты вырастаешь, оставляют одного, чтобы ты мог делать все, что пожелаешь.

Глава 4

Образование

а) Чему нас учат

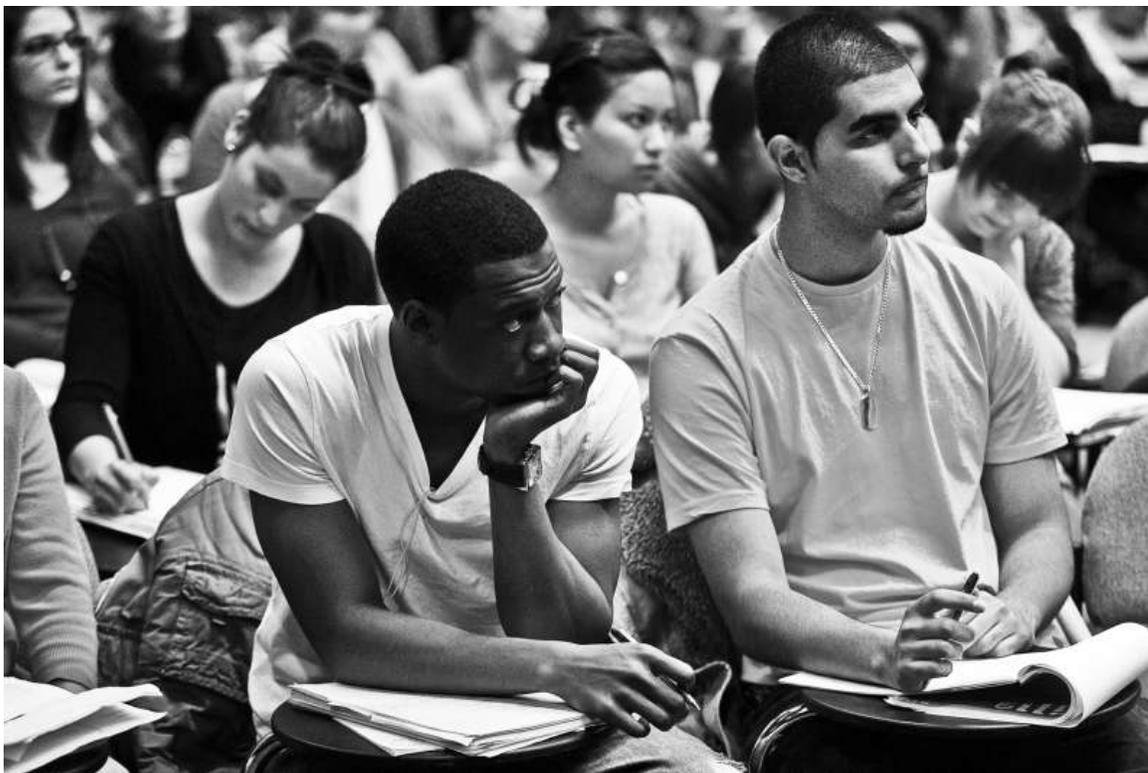
1

Деловая широкая улица в северном Лондоне. В округе полно кипрских пекарен, ямайских парикмахерских, бенгальских домовых кухонь, и среди них расположен кампус одного из новейших британских университетов. Доминантой высятся двенадцатиэтажная асимметричная стальная башня, где вдоль коридоров, выкрашенных в яркие пурпурный и желтый цвета, расположены лекционные аудитории и классы для семинарских занятий гуманитарного отделения университета.

Всего в университете обучается двести тысяч человек, которые могут получить дипломы по одной из четырехсот специальностей. Гуманитарное отделение открылось несколько месяцев назад в присутствии министра образования и кузины королевы. Об этой церемонии теперь напоминает надпись, выгравированная на гранитной доске, украшающей стену неподалеку от туалетов.

«Дом для всего лучшего, что высказано и выдумано в этом мире», – надпись на плите цитирует знаменитое определение культуры Мэтью Арнольда. Цитата, похоже, имеет важное значение для университета, потому что красуется и на справочнике, который вручается студенту при поступлении, и на стенной росписи у автомата с газированными напитками в подвальном кафетерии.

Нынешнее мирское общество мало во что верит так же истово, как в образование. Со времени эпохи Просвещения образование – от начальной школы до университета – представлялось наиболее эффективным средством от широкого спектра самых серьезных социальных болезней; столбовой дорогой к формированию цивилизованного, процветающего и здравомыслящего гражданского общества.

«Университеты предназначаются не для того, чтобы научить знанию, нужному людям для какого-нибудь специального способа приобретать средства к существованию. Цель их состоит не в том, чтобы приготовить искусных юристов, медиков или инженеров, а чтобы приготовить способные и образованные человеческие существа», – Джон Стюарт Милль.

Перечень специальностей, по которым студенты этого нового университета могут получить диплом, показывает, что большая часть ориентирована на практические навыки, чтобы дать выпускникам успешный старт в самых различных областях: химия, менеджмент, микробиология, юриспруденция, маркетинг и здравоохранение.

Но громкие заявления, которые делались от имени образования, вроде тех, которые можно прочитать в рекламных проспектах или услышать на выпускных церемониях, дают понять, что колледжи и университеты нечто большее, чем просто фабрики для штамповки технократов и предпринимателей. Предполагается, что они предназначены для исполнения более высокой миссии: им по силам сделать нас лучше, счастливее и мудрее.

Как говорил Джон Стюарт Милль, еще один защитник целей образования: «Университеты предназначаются не для того, чтобы научить знанию, нужному людям для какого-нибудь специального способа приобретать средства к существованию. Цель их состоит не в том, чтобы приготовить искусных юристов, медиков или инженеров, а чтобы приготовить способные и образованные человеческие существа». Или,

возвращаясь к Мэтью Арнольду, правильное культурное образование должно вдохновить нас на «любовь к нашим соседям, желание расчистить путаницу в головах людей и приуменьшить человеческую нищету». А если говорить о самой амбициозной задаче образования, добавлял он, так оно должно ни больше ни меньше, как «стремиться сделать мир лучше и счастливее, чем мы его нашли».

Что объединяет эти амбициозные и соблазнительные заявления, так это их страстность... и неопределенность. Не очень понятно, каким образом образование может развернуть студентов к великодушию и истине от греха и ошибок, хотя что тут можно сделать, кроме как пассивно ждать согласия человека на движение к этой высокой цели, учитывая, что она так знакома и столь прекрасна.

Тем не менее представляется справедливым разобраться в этой высокопарной риторике в свете неких приземленных реальностей, которые открываются во второй половине обычного понедельника на факультете гуманитарных наук современного университета, расположенного в северной части Лондона.

Выбор факультета не случаен, поскольку декларирующие изменения и лирические заявления от лица образования практически всегда связаны с гуманитарными науками, а не с эндокринологией или биостатистикой. Именно изучение философии, истории, искусства, классики, языков и литературы должно внести наибольший вклад в реформирование человеческой общности.

В угловой аудитории на седьмом этаже группа студентов второго курса слушала лекцию о реформе сельского хозяйства во Франции восемнадцатого века. Профессор, положивший на изучение этого предмета двадцать лет, говорил, что причиной падения урожайности между 1742-м и 1798 годами стали не столько погодные условия, сколько относительно низкая цена на землю, занятую сельскохозяйственными угодьями, что толкало землевладельцев вкладывать деньги в торговлю, а не в повышение плодородия почвы.

Этажом ниже, на кафедре классики, пятнадцать студентов сравнивали использование образов природы в произведениях римских поэтов Горация и Петрония. Профессор указывал, что Гораций отождествляет природу с беззаконием и разложением, тогда как Петроний, во многом более пессимистичный, почитает в ней прямо противоположные качества.

Возможно, из-за недостатков вентиляционной системы или наглухо закрытых окон в аудитории было душновато. Несколько студентов слушали профессора с тем интересом, на который он и надеялся, когда двадцатью годами раньше защищал в Оксфорде докторскую диссертацию («Примеры метавысказываний в «Ионе» Еврипида»).

Отношение университетских преподавателей к своей работе вызывает уважение. Но при этом трудно понять, каким боком содержание их дисциплин и вопросы экзаменационных билетов соотносятся с идеалами Арнольда и Милля. Какими бы риторическими ни выглядели рекламные проспекты, современные университеты, похоже, не имеют ни малейшего желания обучать студентов эмоциональным или этическим жизненным навыкам, не говорят им ни слова о том, как любить соседей или оставить мир более счастливым, чем в момент появления в нем.

Требования для получения степени бакалавра по философии, к примеру, ограничены знакомством с центральными темами метафизики (материя, индивидуальное, всеобщее) и написанием диссертации по концепциям интенциональности у Куайна, Фреге или Патнэма. Аналогичную степень по английской литературе получают те, кто сможет успешно разобрать поэму Томаса Стернза Элиота «Бесплодная земля» на аллегорическом и анагогическом уровнях или проследить влияние теории драматургии Сенеки на развитие яacobинского театра.

Надписи на стене, сверху вниз: изменяя жизни; отвечая потребностям; строя карьеры

Речи выпускников стереотипно отождествляют либеральное образование с обретением мудрости и самопознанием, но эти цели практически не реализуются в повседневной учебе и экзаменах. Если судить по тому, что они делают, а не громогласно заявляют, университеты заняты тем, что выпускают из своих стен по большей части профессионалов узкой специализации (адвокатов, врачей, инженеров) и лишь малую часть гуманитариев, обладающих знаниями по культуре, но с этическим хаосом в головах, которые пребывают в панике, потому что они не представляют себе, чем будут заниматься всю оставшуюся жизнь.

Как жить, в учебном плане не значилось. Выпускная церемония, Оксфордский университет.

Мы возложили на нашу систему высшего образования две, возможно, противоречащие друг другу миссии: учить, как заработать на жизнь, и учить, как жить. И вторую безрассудно оставили неопределенной и неприкаемой.

И что с того? К чему тревожиться о недостатках университетского образования в книге, главным образом посвященной религии?

Причины начинают проясняться, если мы рассмотрим взаимосвязь между спадом в изучении Святого Писания и подъемом в изучении

культуры. Когда в начале девятнадцатого столетия религиозная вера дала трещину, возникли болезненные вопросы, как в отсутствие христианской структуры люди сумеют находить смысл жизни, понимать самих себя, соотносить свое поведение с нормами морали, прощать ближних и примиряться с тем, что они смертны. На это влиятельные авторитеты ответили, что отныне человек будет консультироваться с великими произведениями искусства, а не с библейскими текстами. Культура заменит собой Святое Писание.

Надежда возлагалась на то, что культура покажет себя не менее эффективной, чем религия (под которой понималось христианство), в умении направлять, облагораживать, утешать. В исторических примерах, картинах, философских идеях и литературе предполагалось найти все необходимое для обучения людей, не уступающее Библии по этическому содержанию и эмоциональному воздействию. То есть человек получал те же самые знания, но не обремененные суевериями. Правила поведения Марка Аврелия, поэзия Боккаччо, оперы Вагнера и картины Тернера могли стать новыми священными символами мирского общества.

На основе этих идей в учебный план университетов Европы и Соединенных Штатов начали проникать дисциплины, никогда ранее не фигурировавшие в формальном образовании. Литература, прежде считавшаяся достойной внимания только юных девиц и выздоравливающих от ран, во второй половине девятнадцатого века получила в университетах Запада статус серьезного предмета, достойного исследования. Вновь обретенный престиж романов и стихов основывался на понимании, что эти формы, похожие на Евангелия, смогут передавать сложные нравственные послания, вплетенные в канву эмоционально окрашенных произведений, и, таким образом, побудят читателей к самоопределению и самоанализу. В своей инаугурационной речи в 1922 г. Джордж Гордон, профессор литературы, определил уровень задач, которые призвана решить его дисциплина: «Англия больна и... английская литература может ее спасти. Церкви (насколько я понимаю) в этом провалились, социальные лекарства запаздывают, и у английской литературы теперь тройная функция: по-прежнему, я полагаю, веселить и обучать нас, но также, и это главное, спасти наши души и излечивать государство».

Утверждения, что культура может заменить собой Святое Писание – роман «Маддлмарч» Джордж Элиот возьмет на себя функции псалмов, эссе

Шопенгауэра утолят все потребности, с которыми ранее справлялся труд Августина Блаженного «О Граде Божьем», – до сих пор представляются эксцентричными или безумными из-за сочетающихся в них неуважения к религии и честолюбия.

Тем не менее, предложение это не столь абсурдно, сколь непривычно. Те самые качества, которые верующие находят в священных текстах, очень часто можно обнаружить и в произведениях искусства. Романы и исторические хроники могут нести в себе аналогичные нравственные указания и наставления. В великих картинах реализуются наши представления о счастье. Философию можно с пользой применить для выявления наших тревог и получить утешение. Литература может изменить нашу жизнь. Эквиваленты этических уроков религии действительно рассыпаны по всему корпусу культуры.

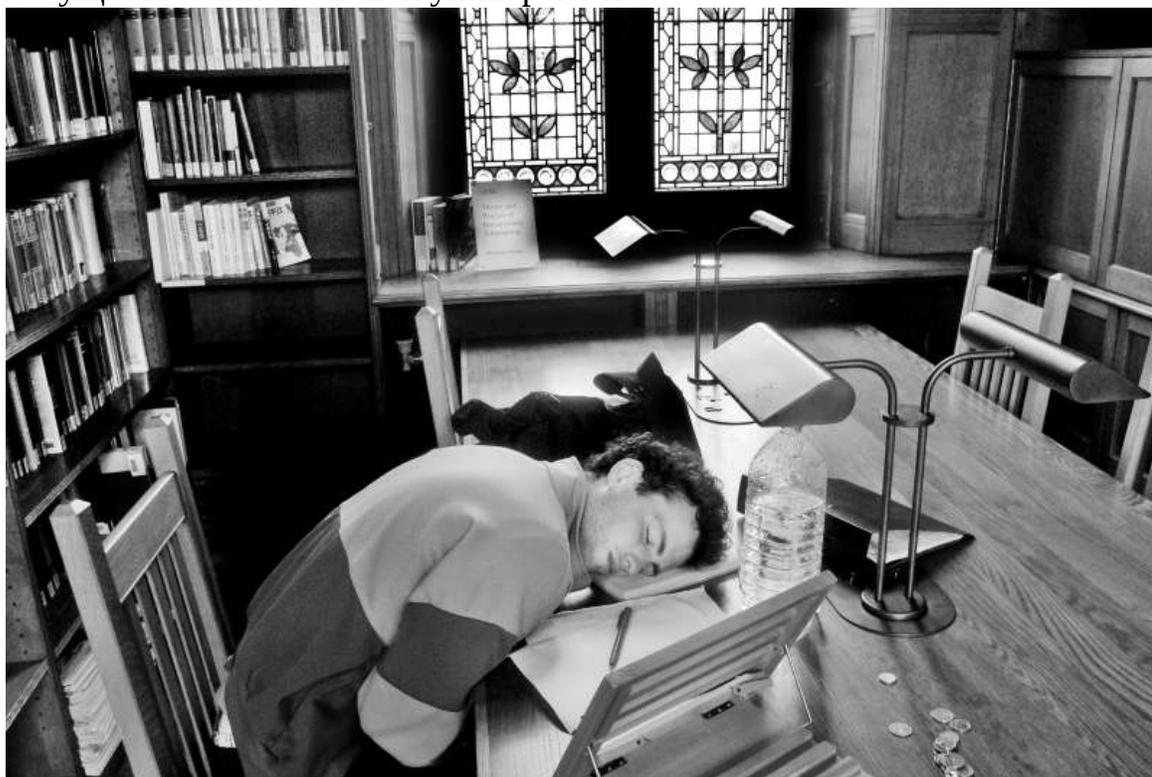
Почему же тогда идея замены религии на культуру, жизнь согласно урокам литературы и искусства, как верующие живут согласно урокам веры, по-прежнему представляется нам странной? Почему атеисты не могут обратиться к культуре так же решительно и твердо, как верующие обращаются к своим священным текстам?

Чтобы разобраться с тем, что нас сдерживает, придется вернуться к влиянию самого главного сторонника и пропагандиста культуры в современном мире – университета. Методики, которые на сегодняшний день используют университеты, препарировав культуру, принципиально не совпадают с теми неорелигиозными честолюбивыми замыслами, которые питали такие бывшие или скептически настроенные христиане, как Арнольд и Милль. Хотя университеты достигли беспрецедентных высот в накоплении фактической информации о культуре, они по-прежнему не заинтересованы в том, чтобы учить студентов использовать ее как *repertoire* мудрости: этим последним термином обозначаются знания о том, что имеет не только внешнюю сторону, но и оказывает благотворное воздействие на внутренний мир, знания, которые могут принести нам успокоение, когда мы сталкиваемся с бесконечными вызовами существования, от тирана-работодателя до смертельного заболевания нашей печени.

Нам, несомненно, хватает материалов, которыми мы могли бы заменить священные тексты, просто мы используем эти материалы неправильно. Мы не хотим видеть мирскую культуру достаточно религиозной, другими словами, источником наставлений. Агрессивное неприятие многих атеистов религиозной веры привело к тому, что они предпочли не замечать ее вдохновляющую и по-прежнему важную и значимую цель: обеспечивать нас ясными и понятными советами, как нам строить свою жизнь.

Разницу между мирским и религиозным подходом к образованию, в принципе, можно свести к вопросу, а для чего надо учиться.

Этот момент обычно раздражает тех, кто руководит изучением культуры в университетах. Вопросы о том, а почему, собственно, людям следует изучать историю или литературу, эти руководители считают дерзкими и спорными, и они часто остаются без ответа. Ученые-гуманитарии понимают, что их коллеги с факультетов естественных или точных наук могут без труда объяснить необходимость своей работы нетерпеливым государственным чиновникам или спонсорам практической пользой (маловероятно, чтобы кто-нибудь не понял, для чего нужна ракетно-космическая техника или здравоохранение). Из опасения, что они не смогут эффективно конкурировать со своими соперниками, гуманитарии предпочитают прикрываться неопределенностью и молчанием, дальновидно рассчитав, что нисколько не потеряют в престиже, не проясняя причин своего существования в стенах университета.

Студент изучает средневековую литературу, Оксфордский университет.

Когда же являются те, кто заявляет, что культура должна служить людям и приносить пользу, что от нее должны ждать совета по части выбора карьеры, сохранения брака, сдерживания сексуального вожделения,

поведения в случае, когда медицинский диагноз выносит смертный приговор, хранители культуры становятся в позу презрительной надменности. Их идеальные слушатели – студенты, не склонные к драматизации и самокопанию, зрелые, независимые, способные какое-то время прожить с вопросами, а не с ответами и готовые забыть о собственных потребностях ради двадцати лет мало кому интересного исследования урожаев в Нормандии восемнадцатого века или категории бесконечного в ноуменальном мире Канта.

6

Христианство, тем временем, смотрит на образование под иным углом, потому что исходит совсем из другой концепции человеческой природы. Оно не терпит теорий, рассуждающих о нашей независимости или нашей зрелости. Вместо того оно уверено, что в душе мы отчаявшиеся, хрупкие, ранимые, грешные существа, мудрости у нас куда меньше, чем знаний, мы постоянно на грани паники, нас мучают взаимоотношения с другими, мы в ужасе от смерти... а прежде всего нам необходим Бог.

Какое образование может принести пользу таким несчастным? Хотя способность к абстрактному мышлению ни в коей мере не рассматривается христианством как что-то постыдное, более того, считается знаком божественной милости, по важности она уступает практическим навыкам нести облегчение и вынашивать идеи, тесно связанные с нашими тревожными и нерешительными «я».

Мы достаточно хорошо знакомы с основными гуманитарными дисциплинами, которые преподают в университетах – историей и антропологией, литературой и философией, – и экзаменационными вопросами, которые предлагаются студентам: кто такие Каролинги? С чего берет начало феноменология? Чего хотел Эмерсон? Мы знаем, что при таком подходе эмоциональные аспекты наших личностей развиваются спонтанно – или в свободное от учебы время, когда мы находимся в кругу семьи или когда в одиночестве гуляем на природе.

Христианство, наоборот, с самого начала заботила наша внутренняя мятущаяся сторона, оно заявляло, что никто из нас не родился, зная, как жить, что мы по природе своей хрупки, непостоянны и нерешительны, склонны к фантазиям о всемогуществе и далеки от того, чтобы взять под контроль хоть толику здравого смысла и душевного спокойствия, а именно последние служат отправной точкой для педагогики, применяющейся в мирском образовании.

Христианство сконцентрировалось на помощи той нашей части, которую мирской язык боится даже называть, которая вроде бы не интеллект и не эмоции, не характер или личность, но что-то еще, нечто абстрактное, каким-то боком связанное со всем вышперечисленным, но отличающееся от них дополнительным этическим и необыкновенным измерением... той части, которую мы можем называть, следуя христианской терминологии, душой. Это главный труд христианской педагогической машины: лелеять, подбадривать, успокаивать и направлять наши души.

Всю свою историю христианство вело продолжительные дебаты о природе человеческой души, размышляя о том, как она может выглядеть, где находится и как наилучшим способом ее обучать. В далекие времена душа виделась теологам миниатюрным телом, которое Бог вкладывал в уста младенца при рождении.

А на другом конце жизни индивидуума, в момент смерти, дитя-душа вылетает опять же через рот. Но дальше траектория может быть двоякой: или душа поднимется к Богу, или ее утащит дьявол, в зависимости от того, хорошо или плохо заботился о ней владелец все эти годы. Хорошей являлась душа, которой удавалось находить правильные ответы на все важные вопросы и тяготы существования, душа, отмеченная такими добродетелями, как вера, надежда, милосердие и любовь.

Хотя мы, возможно, и не соглашаемся с христианством относительно насущных потребностей наших душ, трудно опровергнуть исходный тезис, который, похоже, столь же уместен в мирском мире, как и в религиозном: внутри нас есть что-то маленькое, детское, ранимое, и мы должны кормить и лелеять это на протяжении всего бурного жизненного пути.

По своим собственным стандартам у христианства нет выбора, кроме как подстраивать образование под следующие ясные и понятные вопросы: как нам удастся жить вместе? Как мы терпим недостатки других? Как нам удастся принимать собственные ограничения и сдерживать раздражение? Степень настойчивого нравоучения здесь требование, а не оскорбление. Разница между христианским и мирским образованием особенно заметна, когда мы рассматриваем характерные для каждого модели обучения: мирское образование – это *лекции*, религиозное – *проповеди*. С точки зрения намерений первое заботит передача информации, второе стремится изменить наши жизни. Одни лишь названия проповедей Джона Уэсли, одного из самых знаменитых английских проповедников восемнадцатого века, показывают, что христианство стремится давать практические советы по самым обыденным вопросам души: «О том, как быть добрым», «О том, как оставаться послушным родителям», «О том, как навещать больного», «О предостережении против фанатизма». Маловероятно, что проповеди Уэсли

могли своим содержанием соблазнить атеистов, но они, тем не менее, как и любые христианские тексты, несут слушателям полезные знания.

Малютка внутри нас, которую мы должны обучить. Получение души. Иллюстрация из Библии начала XV века.

И хотя поначалу Арнольд, Милль и другие надеялись, что университеты смогут читать студентам мирские проповеди, которые научат, как избежать фанатизма и что говорить при посещении больного, эти образовательные центры никогда не предлагали наставлений, на которых сосредоточены церкви, исходя из убеждения, что академическая наука должна воздерживаться от того, чтобы смешивать произведения искусства и личные горести. И вопрос, может ли роман «Тесс из рода д'Эрбервиллей» научить нас любить, показался бы шокирующим оскорблением университетского этикета. Точно так же, как предложение читать романы Генри Джеймса с тем, чтобы отыскивать в них иносказания о сохранении честности в этом скользком, меркантильном мире.

И однако поиск таких иносказаний и есть сердцевина христианского подхода к текстам. Уэсли сам был высокообразованным человеком по части тех знаний, которые ценятся в современных университетах. Он наизусть помнил Левит или Евангелие от Матфея, Послание коринфянам и Евангелие

от Луки, но цитировал Библию, лишь когда стихи органично укладывались в структуру притчи и с их помощью он мог облегчить тяготы слушателей. Как и все христианские проповедники, он воспринимал культуру, главным образом, как инструмент, рассматривал каждый библейский стих как инструмент, позволяющий более просто и понятно донести до слушателей общие правила поведения в обществе.

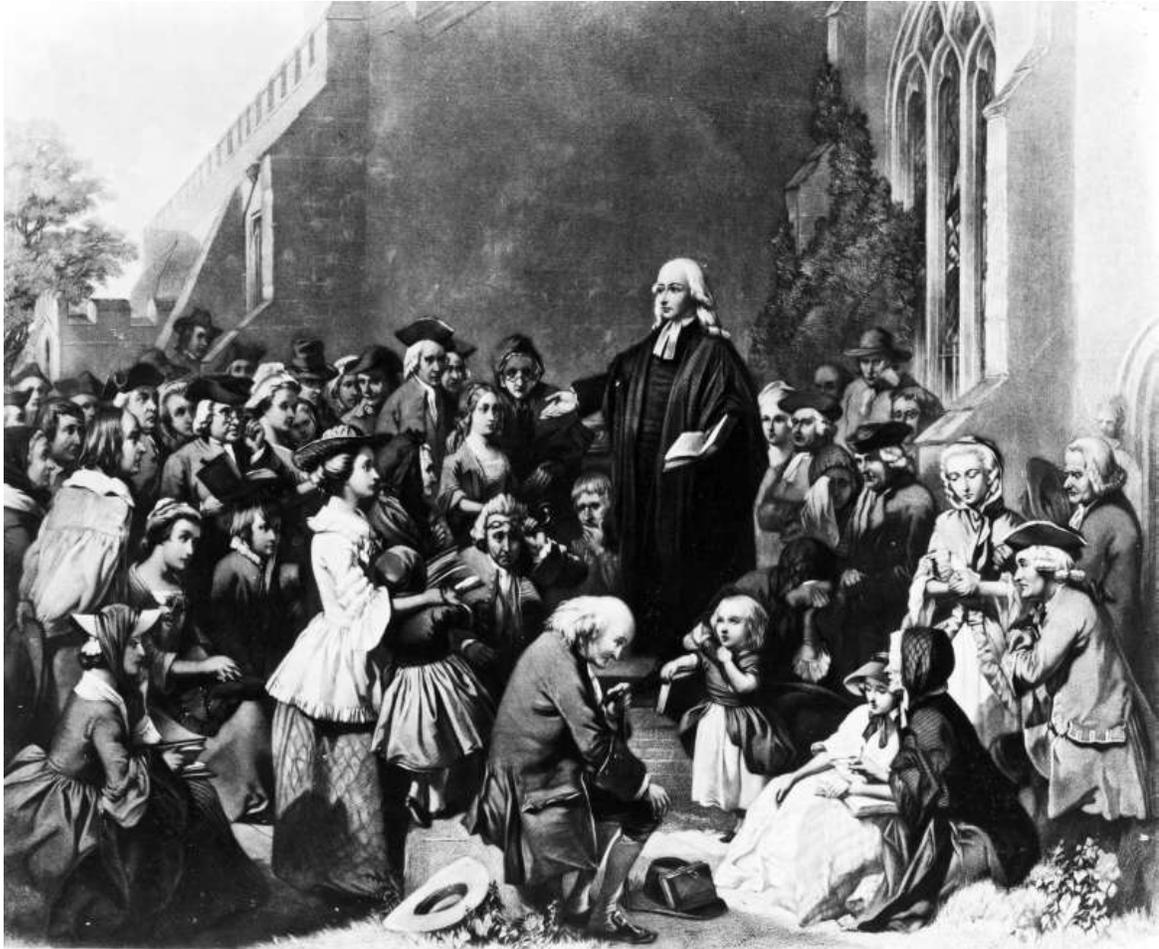
Иллюстрация из «Книги часов» начала XV века, показывающая душу, только что покинувшую тело усопшего, за которую борются дьявол и святой Михаил.

В мирской сфере мы можем читать правильные книги, но слишком часто не решаемся задать прямые вопросы, не находим в себе сил спросить о чем-то достаточно тривиальном, даже неорелигиозном, потому что

стесняемся признать истинную природу наших внутренних потребностей. Мы фатально влюблены в неопределенную, принимаемую без критики модернистскую доктрину, согласно которой великое искусство не должно нести нравственного содержания или стремиться изменить свою аудиторию. Наше сопротивление нравоучительной методологии идет от не очень понятно чем вызванной неприязни к практичности, дидактике, простоте и безусловному допущению, что все, понятное ребенку, по природе своей инфантильно.

А христианство исходит из другого: несмотря на внешность, важная часть нашей личности остается такой же, как в раннем детстве. Соответственно, как и детям, нам нужна поддержка. И знания должны подаваться нам медленно и осторожно, как еда, порезанная на удобные для пережевывания кусочки. И больше чем несколько уроков в день выжмут нас досуха. К примеру, вполне хватит и двенадцати строк Второзакония, снабженных несколькими комментариями, которые простым языком объяснят, что нам следовало заметить и, соответственно, прочувствовать.

Методики, которых академия панически боится – упор на связь между абстрактными идеями и нашей жизнью, понятное толкование текстов, предпочтение отрывкам перед целым текстом, – всегда использовала религия, поскольку ей приходилось бороться (за столетия до изобретения телевидения) за то, чтобы идеи, которые она упорно несла людям, выглядели яркими и интересными для нетерпеливых и легко отвлекающихся слушателей. Церковь прекрасно понимала, что величайшая опасность, которая ей грозит, это не свехупрощение концепций, а потеря внимания и поддержки из-за непонятности и равнодушия. Христианство не сомневалось, что его наставления достаточно ясны, чтобы их понимали на самых разных уровнях, и представить их можно как самым простым языком для йоменов в деревенском приходе, так и на латыни для теологов в университете Болоньи.

Обучаю мудрости, а не наукам. Джон Уэсли, уличная проповедь в Йорке (1746).

В предисловии к книге своих избранных проповедей Джон Уэсли объяснял и защищал свою тягу к простоте: «Я довожу простую правду до простых людей... Я воздерживаюсь от красивых философских рассуждений, от сложных и утонченных доводов; и, если возможно, даже от того, чтобы показаться ученым. Моя цель... забыть все, что я прочитал за свою жизнь».

Считанные смелые мирские писатели нашли в себе силы высказаться с такой откровенностью, наиболее известные из них Дональд Винникот в области психоанализа и Ралф Уолдо Эмерсон в литературе. Но таких исключительно мало, и большинство из них отталкивается от религиозного прошлого (Винникот начинал как методист, Эмерсон – как трансценденталист).

Величайшие христианские проповедники говорили просто в самом лучшем смысле этого слова. Они не упрятавали свои доводы в сложные и заумные фразы, потому что всего лишь хотели помочь тем, кто приходил их послушать.

И наоборот, мы создали интеллектуальный мир, наиболее знаменитые институты которого редко снисходят до того, чтобы задавать, не говоря уже о том, чтобы на них отвечать, самые серьезные вопросы души. Чтобы исправить эту ситуацию, нам, возможно, следует тщательно пересмотреть работу наших университетов, начав с таких дисциплин, как история и литература, которые, даже рассматривая важный материал, обходят наиболее болезненные темы и не привлекают наши души.

Преобразованные университеты будущего будут работать с тем же культурным наследием, что и их более традиционные современники, то есть изучать те же романы, исторические хроники, пьесы и картины, но подавать этот материал, связывая его с жизнью студентов, а не преследуя чисто академические цели. «Анну Каренину» и «Мадам Бовари» будут проходить в рамках предмета «О сложностях семейной жизни» вместо того, чтобы сосредотачиваться на повествовательных тенденциях литературы девятнадцатого века. Труды Эпикура и Сенеки появятся в программе курса об умирании, а не в обзоре философии древнего мира. От факультетов будут требовать строить программы, соотнося их с насущными проблемами нашей жизни. Идеи поддержки и преобразования, которые сейчас лишь призрачно звучат в речах на выпускных церемониях, приобретут конкретные формы и начнут открыто изучаться в мирских институтах, как они изучаются в церквях. Появятся курсы, которые среди прочего будут исследовать одиночество, смену места работы, улучшение отношений с детьми, восстановление близости с природой, сопротивление болезни. Университет, который поймет истинное предназначение культурных артефактов в секулярный век, учредит «Факультет взаимоотношений», «Институт умирания», «Центр самопознания».

Тут едва ли кто заснет. Надпись на рисунке: Факультет взаимоотношений.

Вступив на этот путь, как того и хотели Арнольд и Милль, мирское образование начнет преодолевать страхи, которые возникают у него в связи с уместностью и перестройкой своего учебного плана, чтобы напрямую заняться нашими самыми насущными личными и этическими проблемами.

б) Как нас учат

1

Перестраивая университетское образование в соответствии с идеями, почерпнутыми у религии, придется менять не только учебный план, но и, что не менее важно, сам процесс обучения.

В своих методах христианство с самого начала руководствовалось простым, но крайне важным наблюдением, которое, тем не менее, никогда не производило никакого впечатления на тех, кто руководит светским образованием: как легко мы многое забываем.

Христианские теологи знали, что наша душа страдает от, как назвали это греческие философы, акразии: понимание, что нужно делать, сочетается со стойким нежеланием это делать – то ли из-за слабости силы воли, то ли по рассеянности. Мы все обладаем мудростью, но нам не хватает духа должным образом использовать ее в нашей жизни. Христианство представляет себе мозг медлительным и слабым органом, на который легко произвести впечатление, но который склонен быстро переключаться на что-то другое и забывать о данных обещаниях. Соответственно, религия полагает, что главная задача обучения не противодействие невежеству – а именно так считают светские педагоги, – а борьба с нашим нежеланием действовать в соответствии с идеями, которые в теории уже полностью нами восприняты. Христианство следует за греческими софистами, настаивая, что все уроки должны воздействовать и на разум (*logos*), и на эмоции (*pathos*), а также руководствуется высказыванием Цицерона, что публичный оратор должен владеть тремя навыками: доказывать (*probare*), радовать (*delectare*) и убеждать (*flectere*). Действительно, бубнение потрясших мир идей едва ли принесет результат.

2

Однако защитники университетского образования редко тревожатся из-за акразии. Они безоговорочно уверены, что люди должным образом воспринимают идею, если слышат о ней раз или два в двадцатилетнем возрасте, перед тем как начать долгую, лет на пятьдесят, карьеру в финансах или маркетинге, от лектора, который монотонно бубнит, стоя в аудитории с

голыми стенами. Согласно этой точке зрения, идеи могут выпадать из разума в совершенно случайном порядке, совсем как содержимое перевернутой сумочки, или высказываться с неуклюжей банальностью руководства по эксплуатации, без лишней эмоциональной окраски. С тех самых пор, как Платон критиковал греческих софистов за то, что они предпочитают красиво говорить, а не честно мыслить, западные интеллектуалы крайне подозрительно относятся к красноречию, что в устной, что в письменной форме, пребывая в уверенности, что красноречивый педагог прячет под сладкозвучием неприемлемые или пустые идеи. Как подается идея – сущий пустяк в сравнении с самой идеей. По этой причине в современном университете ораторский талант не востребован, университет гордится тем, что интересуется его лишь истина, а не способы ее успешной и доходчивой подачи.

Такое едва ли ждет университетских лекторов. Помещенная в раку нижняя челюсть святого Антония Падуанского. Базилика Святого Антония, Падуя (1350).

Так что представляется маловероятным, чтобы хоть какого-нибудь современного университетского лектора после смерти положили на операционный стол, вскрыли горло, вырезали гортань, язык и нижнюю

челюсть, поместили в золотую раку, украшенную драгоценными камнями, и выставили в храме, воздвигнутом в память о его ораторском даровании. А ведь именно так поступили с Антонием из Падуи, монахом-францисканцем тринадцатого столетия, причисленным к лику святых за удивительный талант и запас жизненной энергии, которые он тратил без остатка на публичные выступления. Весь его голосовой аппарат выставлен на всеобщее обозрение в базилике его родного города и до сих пор притягивает паломников со всех концов христианского мира. Согласно преданию Антоний за свою жизнь прочитал десять тысяч проповедей и мог растопить сердца самых закоренелых грешников. По тому же преданию, однажды он оказался в Римини, на берегу моря, и начал проповедовать, хотя рядом не было ни души, но вскоре обнаружил, что у берега во множестве собрались любопытные и, вероятно, оценивающие его проповедь по достоинству рыбы.

3

Святой Антоний лишь один из примеров давней и скромной традиции христианского ораторского искусства. Проповеди Джона Донна, якобинского поэта и настоятеля собора Святого Павла, были не менее убедительны, на удивление ясно он с легкостью доводил до слушателей самые сложные идеи. Предполагая, что на его проповеди кто-то может и заскучать, Донн каждые несколько абзацев суммировал свои мысли во фразах, составленных так, чтобы они отпечатывались в забывчивых головах слушателей («Возраст – это болезнь, юность – это засада»). Как и все авторы афоризмов по необходимости, он изящно сводил противоположности («Если забрать естественный страх, с ним вместе уйдет и истинная любовь»), у него исполненные лирической сентиментальности, которая помогала ему парить среди редко используемых прилагательных, чтобы потом поразить паству афоризмом доморощенной простоты («Не спрашивай никогда, по ком звонит колокол; он звонит и по тебе»). Обращаясь к своим слушателям, он не позволял и намека на педантичность школьного учителя. И те еще сильнее ощущали истинность его идей, потому что слышали их из уст проповедника, который был таким же несовершенным, как и они сами («Я падаю на колени в своей келье, и молюсь, и призываю Бога и его ангелов, а когда они являются, я пренебрегаю Богом и ангелами, отвлекаюсь на жужжание мухи, на грохот проезжающей кареты, на скрип двери»).

Святой Антоний проповедует карну. Иллюстрированный манускрипт XVI столетия.

В последнее время христианская ораторская традиция получила дальнейшее развитие у негритянских проповедников, особенно у пятидесятников и баптистов. В церквях по всей территории Соединенных Штатов воскресная проповедь – не повод посидеть, косясь на часы, в то время как священнослужитель на кафедре бесстрастно разбирает по косточкам притчу о добром самаритянине. Вместо этого от верующих ждут, чтобы они открыли сердца, взяли за руки соседей, в нужных местах кричали: «Теперь все хорошо» или «Аминь, проповедник», позволяли Святому Духу войти в их души и, наконец, в экстазе разражались

очищающими рыданиями. На сцене проповедник раздувает огонь энтузиазма паствы посредством обращений и ответов, постоянно спрашивая гипнотизирующим тоном, отталкиваясь от Библии короля Иакова: «Вы скажете «аминь»? Я говорю, вы скажете «аминь»?»

Какой бы яркой ни казалась проповедь, она обретает дополнительную мощь, когда произносится перед пятью сотнями людей, в унисон восклицающих после каждого тезиса:

- ...благодарю Тебя, Иисус.
- ...благодарю Тебя, Спаситель.
- ...благодарю Тебя, Христос.
- ...благодарю тебя, Господи.

Может лекция о творчестве Уолта Уитмена так трогать сердца?

Нет практически никакой возможности устоять перед теологическим доводом, который слетает, как этот, со сцены баптистской церкви Нового видения в Ноксвилле, штат Теннесси.

– Никто из нас сегодня не в тюрьме.

(«Аминь, теперь все хорошо, аминь, проповедник», – говорят прихожане.)

– Бог милосерден.

(«Аминь».)

– Поэтому, братья и сестры, мы никогда не должны быть в тюрьме нашего разума.

(«Аминь, проповедник».)

– Вы слышите меня, братья и сестры?

(«Аминь, аминь, аминь».)

Едва ли контраст с типичной лекцией по гуманитарным дисциплинам может быть более разительным. И напрасно. Какой цели служит академическая сухость? Насколько впечатляющим воспринимался бы смысл эссе Монтегю, если бы хор из ста человек выражал одобрение каждому предложению! Насколько дольше философские истины Руссо оставались бы в нашем сознании, если бы они подавались на манер обращений и ответов! Светское образование никогда не реализует свой потенциал полностью, пока лекторов-гуманитариев не отправят на практику к негритянским проповедникам-пятидесятникам. Только тогда наши застенчивые педагоги смогут стряхнуть бремя самоограничения, рассказывая студентам о Китсе или Адаме Смите, не сдерживая себя ложными понятиями о приличиях, и всколыхнуть сонную аудиторию. «Вы слышите меня? Я говорю, вы слышите меня?» И студенты, уже на грани слез, упадут на колени, позволив некоторым из наиболее важных в этом мире идей войти в души и трансформировать их.

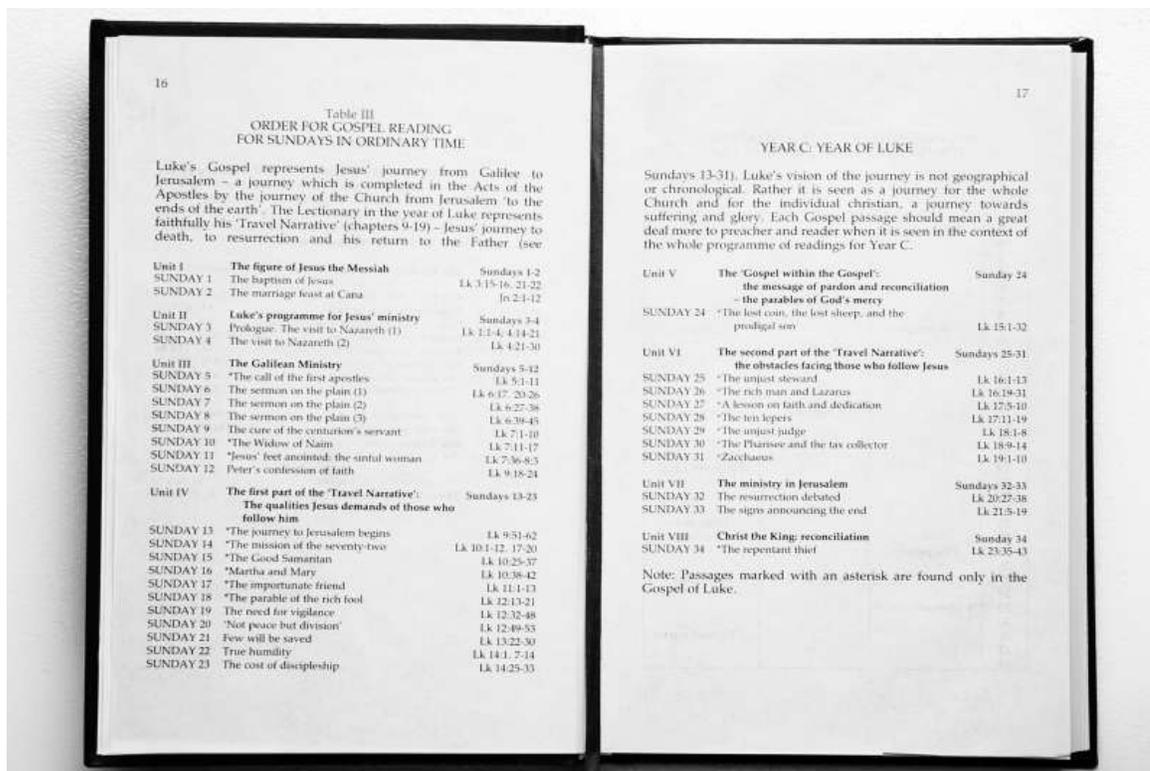
Помимо красноречия, с которым следует доносить идеи, их необходимо постоянно повторять. Три, пять, десять раз на дню нам необходимо насильно напоминать об истинах, которые мы любим, но в ином случае никак не можем держаться за них. Прочитанное в девять утра мы забываем к ленчу, а к сумеркам нам уже надо это перечитать. Нашей внутренней жизни необходимо придать структуру и укрепить наши лучшие мысли, чтобы противостоять нашей привычке отвлекаться и забывать.

У религии хватило мудрости, чтобы составить подробные календари и расписания, организующие жизнь верующих, не оставляющие ни месяца, ни даже дня без того, чтобы они не получили тщательно отмеренную дозу идей. Эти календари и расписания очень подробно растолковывают верующим, что надо читать, петь или делать чуть ли не в каждую минуту. Религиозный распорядок дня представляется и возвышенно одержимым, и умиротворяюще подробным одновременно. Книга общей молитвы, к примеру, определяет, что ее читатели должны собраться в шесть тридцать вечера двадцать шестого воскресенья от начала года после Троицы и среди

зажженных свечей, отбрасывающих тени на стены церкви, послушать текст из второй главы второканонической книги Варуха, точно так же, как 25 января они должны всегда думать об обращении святого Павла, а утром 2 июля размышлять о явлении Пресвятой Девы Марии и усваивать нравственные уроки третьей главы Книги Иова. Расписания очень важны для католиков, которым предлагается молиться не реже семи раз в день. Каждый вечер, в десять часов, они должны, сверившись с совестью, прочитать псалом, объявить «*In manus tuas, Domini*» («В твои руки, Господи»), пропеть «*Nunc dimittis...*» (Песнь Симеона Богоприимца) из второй главы Евангелия от Луки и завершить ангельским приветствием Богоматери («Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей»).

И наоборот, насколько свободными оставляет нас мирское общество. Оно ожидает, что мы самостоятельно найдем путь к идеям, которые важны для нас, и дает нам выходные дни для потребления информации и отдыха. Как и наука, мирское общество привечает открытия. Повторение ассоциирует с наказанием, предлагая нам бесконечный поток новой информации, и, таким образом, побуждает забыть все.

К примеру, мы соблазнились пойти в кинотеатр, чтобы посмотреть новый фильм, который вызывает у нас массу эмоций, где-то печалит, но где-то и радует. Выходя из кинотеатра, мы даем себе слово пересмотреть нашу жизнь в свете увиденного на экране, отказаться от упадочнических настроений и поспешности. Но уже к следующему вечеру, после целого дня встреч и огорчений, наши впечатления от фильма почти выветрились у нас из головы, как и многое другое, что произвело на нас впечатление, но очень скоро забылось: развалины Эфеса, вид с горы Синай, поэтические чтения в Эдинбурге, чувства, которые мы испытывали, прочитав повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича». В конце концов, во всех современных художниках есть что-то от поваров: плоды их трудов, возможно, не меняются, но реакция на них тех, кто эти плоды потребляет, – обязательно. Мы уважаем власть культуры, но редко признаем, с какой поразительной легкостью забываем ее конкретные памятники. Перевернув последнюю страницу шедевра, через каких-нибудь три месяца мы с трудом можем вспомнить какой-нибудь эпизод или фразу из него.

Мы не помним того, что не перечитываем. Католическое расписание чтения священных текстов.

Наши любимые светские книги не подсказывают нам, насколько неадекватно прочитать их только один раз. Они не связаны с определенными днями в году, когда нам следует в них заглянуть, как случается со святыми книгами, обычно в окружении еще пары сотен человек и под звуки органа. Сомнительно, что в рассказах Чехова мудрости меньше, чем в Евангелии, но сборников его рассказов не найти в календарях, напоминающих читателям, что пора в них заглянуть. Мы рискуем, что на нас навесят ярлык эксцентричного человека, если попытаемся составлять литургии из произведений светских авторов. В лучшем случае, мы подчеркиваем фразы, которые больше всего нас восхитили и которые, возможно, мы когда-нибудь пробежим глазами, ожидая прибытия такси.

У верующих таких проблем нет. Для иудеев ритуал чтения вслух Пятикнижия Моисеева, по две главы за раз, по понедельникам и четвергам, составляет сердцевину их религии со времен вавилонского пленения в 537 году до Рождества Христова. Двадцать второй день еврейского месяца тишрей, праздник Симхат Тора, знаменует завершение одного цикла чтения Книг и начало следующего, причем последняя глава Второзакония и первая глава Бытия прочитываются одна за другой. Прихожанин, которому

выпадает честь читать стихи 1—12 главы 34 Второзакония, причудливо именуется Хатан Тора («жених Торы»), тогда как тот, кто читает первую главу Бытия, именуется Хатан Берешит («жених Бытия»). Мы, представители секулярного мира, возможно, думаем, что любим книги, но как жалко выглядит наше пристрастие к ним на фоне двух женихов, которые семь раз обходят синагогу, радостно умоляя Бога: «Hoshiah ua» («Прими нас»), а остальные в это время размахивают флагами, целуют друг друга и одаривают сладостями присутствующих детей. Как жаль, что, закрывая «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста, члены нашего общества не задумывается над тем, что неплохо бы пойти дальше и выбрать жениха «По направлению к Свану» (Chatan bereshit shel betzad shel Swann).

Мирская жизнь, разумеется, знакома и с календарями, и с расписаниями. Мы всю используем их на работе и понимаем их достоинства, если речь идет о напоминании о встрече за ленчем, прогнозе изменения ликвидности и последнем сроке уплаты налогов. Но почему-то почувствуем ущемление нашей свободы, если нам будут напоминать о необходимости перечитать Уолта Уитмена или Марка Аврелия. Безмерно тронутые «Листьями травы» или «Размышлениями», мы отрицаем, что может возникнуть такая необходимость, хотя, возможно, эти книги могли бы оказать более заметное влияние на нашу жизнь, если бы мы постоянно к ним обращались. Нас больше тревожат потенциально угнетающие эффекты от необходимости внимать идеям строго по расписанию, чем опасность напрочь их забыть.

И мы их забываем. Современный мир переполнен стимуляторами, но нет среди них более настойчивого, чем поток, как уже понятно, новостей. Он занимает в мирском мире примерно столь же важное положение, что и календарь литургий в религиозном, его главные сообщения повторяют канонические часы со сверхъестественной точностью: заутреня трансформировалась в новостной выпуск за завтраком, вечеря – в вечерний.

Престиж новостей основан на невысказанном предположении, что наши жизни вечно балансируют на грани критических изменений, спасибо двум движущим силам современной истории: политике и научно-техническому прогрессу. А потому землю надо опутать оптоволоконными кабелями, в залах ожидания аэропортов во множестве установить мониторы, а общественные площади городов заполнить бегущими строками с текущими ценами акций.

Для религии, наоборот, практически нет необходимости менять откровения или с жаром сообщать о новых в выпусках новостей. Великие неизменные истины можно записать на пергаменте или вырубить в камне, а не посылать на экраны смартфонов. Для 1,6 миллиарда буддистов в мире не произошло ничего существенного после 483 года до Рождества Христова. Для их христианских современников знаменательные события истории происходили накануне Пасхального Воскресенья тридцатого года нашей эры. Что же касается иудеев, то ими черта подведена после разрушения Второго храма римским военачальником Титом в семидесятом году нашей эры.

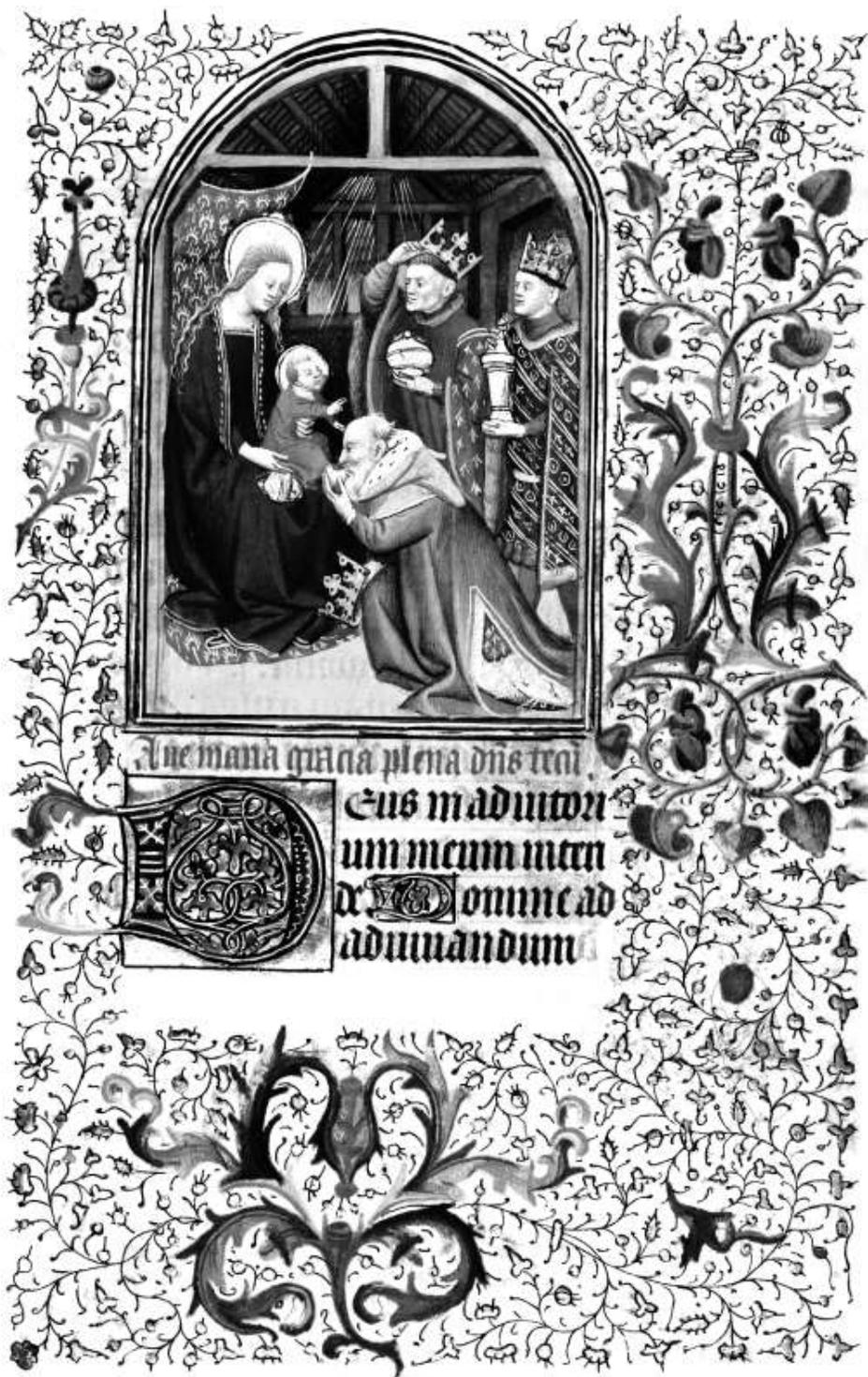
Даже если мы не согласны с определенными сообщениями, которые религии посылают нам строго по расписанию, мы все-таки должны признать, что заплатили немалую цену за неразборчивое увлечение новостями. Иногда мы чувствуем горечь нашей утраты к концу вечера, когда наконец-то выключаем телевизор после того, как посмотрели репортаж об открытии нового железнодорожного вокзала или бурном завершении дебатов об иммиграции, и понимаем, что в попытке следовать честолюбивому человеческому прогрессу на пути к техническому и политическому совершенству мы пожертвовали возможностью напомнить себе тихие и спокойные истины, прекрасно известные нам в теории, но по которым мы забываем жить на практике.

Наш особый подход к культуре переносится с образования на смежные области. Те же самые принципы действуют, к примеру, в книгоиздании и при продаже книг.

Здесь нам тоже предлагается бесконечно больше материала, чем мы можем переварить, и мы изо всех сил пытаемся ограничиваться только тем, что представляется важным для нас. Современный трудолюбивый выпускник, который корпит над дипломом по одной из гуманитарных дисциплин в начале двадцать первого века, должен до выпускного вечера прочитать порядка 800 книг. Для сравнения, богатая английская семья в 1250 году полагала себя счастливой, владея тремя книгами. Эта скромная библиотека состояла из Библии, молитвенника и жизнеописаний святых, но стоила столько же, сколько и дом. Если мы сожалеем о нашем заваленном книгами веке, то лишь потому, что чувствуем: главное не в том, чтобы читать больше. Надо углублять и освежать наше понимание нескольких книг, которые в наибольшей степени развивают наш разум и чувства. Мы

чувствуем себя виноватыми за то, что еще не успели прочитать, но забываем, что мы куда более начитанные, чем Августин или Данте, таким образом игнорируя простой факт: проблема в нашей способности усваивать знания, а не в объеме их поступления.

Нам часто предлагают порадоваться не только количеству книг, которые есть в нашем распоряжении, но и их низкой цене. Однако ни одно из этих обстоятельств не обладает неоспоримым преимуществом. Дорогие книги, предшествовавшие Библии Гуттенберга, изготовление которых требовало и времени, и усердия – с цветочками на полях, с наивными иллюстрациями Ионы и кита, с ярко-синими небесами, с экзотическими птицами над головой Девы Марии, – являли собой продукт общества, которое принимало ограничение одним из основных жизненных принципов и желало видеть каждую отдельную книгу предметом необыкновенной красоты, чтобы подчеркивать их духовную и нравственную ценность.

Книга, которая стоит, как дом. Иллюстрированная пергаментная страница из молитвенника XV века, изображающая поклонение волхвов.

Хотя благодаря техническому прогрессу обладание книгой уже не признак достатка, психологически отношение к редким книгам не изменилось. Мы благоговеем перед трудом, положенным на изготовление

иудейской Сефер-Торы, священного свитка Пятикнижия, на создание которой у писца уходило полтора года. Для изготовления пергамента использовалась шкура особым образом убитого козла, которую потом девять дней вымачивали в приготовленном раввином растворе из яблочного сока, морской воды и дубильных орешков. Нам следует быть готовыми к обмену нескольких быстро разваливающихся книжек в обложках на тома, которые своим весом и качеством материалов, благородством текста и красотой иллюстраций оповещают о своем содержимом в уверенности, что оно займет постоянное место в наших сердцах.

в) Духовные упражнения

1

Но нужно не только введение новых учебных планов для университетов с упором на необходимость повторения и усвоения знаний. Религия более радикальна, чем светское образование, и в том, чтобы выносить обучение за пределы классной комнаты и совмещать его с другими занятиями, поощряя верующих учиться через все свои органы чувств, не только слушая и читая, но и *действуя* – когда он ест, пьет, принимает ванну, прогуливается или поет.

Дзен-буддизм, к примеру, предлагает идеи о важности дружбы, неизбежности раздражения и несовершенстве человеческих устремлений. Но он не просто читает об этом лекции своим приверженцам; он помогает им оценить эти истины через действия, такие как составление букетов, каллиграфия, медитация, прогулки, разравнивание гравия и, наиболее знаменитое, чаепитие.

Поскольку последнее общепринято на Западе, пусть и лишено духовной составляющей, кажется на удивление странным, но при этом и радостным, что дзен-буддизм воспринимает чайную церемонию как одну из своих важнейших педагогических практик, настолько же важную для буддистов, как месса – для католиков. Во время *тя-но-ю*, как называется церемония, некоторые из тех чувств, которые парят над обычным английским чаем, усиливаются и символически связываются с буддистской доктриной. Каждый аспект ритуала имеет значение, начиная с чашек, чья неопределенная форма отражает любовь дзена ко всему естественному и простому. Медленное нагревание напитка мастером чайной церемонии заставляет на время отступить от требования эго, простая обстановка чайного домика призвана отвлечь мысли от тревог, связанных со статусом, тогда как ароматный пар над чайником позволяет прочувствовать истины, притаившиеся за китайскими иероглифами, написанными на свитках на стенах и сообщающими о главных буддистских ценностях, таких как «гармония», «чистота» и «спокойствие».

Цель чайной церемонии не в том, чтобы научить новой философии, придать большую яркость существующей через действие, которое тонко воздействует на чувства. Это механизм для привнесения в жизнь идей, о

которых участники в полной мере осведомлены, но их необходимо чуть подтолкнуть, чтобы они этих идей придерживались.

Если говорить о сравнительном примере из другой религии, иудейские тексты не устают повторять о важности Дня искупления и возможности обновления через признание греха. Но в самой религии о таких идеях можно узнать не только из книг, они привносятся через телесные ощущения: как, например, превращение в ритуал принятия ванны. Со времен вавилонского пленения иудаизм советовал своим общинам строить миквы – священные ванны, каждая из которых вмещала 575 литров чистой родниковой воды, – в которые евреи могли погрузиться после признания в своих сомнительных, с духовной точки зрения, поступках, чтобы восстановить чистоту и связь с Богом. Тора рекомендует полное погружение в микву каждую пятницу во второй половине дня, перед Новым годом и началом последующих сезонов.

Институт миквы соотносится с ощущением обновления, о котором мирские поклонники ванны кое-что знают, но обладает большей глубиной, смыслом и важностью. Атеист может ощущать себя чистым после ванны и грязным без нее, но ритуал миквы ассоциирует внешнюю гигиену с открытием особого вида внутренней чистоты. Как и в случае с многими другими символическими практиками, применяемыми религией, здесь удается использовать физическое действие для проведения духовного урока.

Религия понимает ценность регулярной тренировки нашего разума, которую мы привыкли применять только к нашим телам. Она предлагает нам набор духовных упражнений, призванных укрепить нашу склонность к добродетельным мыслям и нормам поведения: нас усаживают в незнакомых местах, показывают позу, в которой удобно сидеть, регулируют наше питание, дают нам сценарии, в которых четко прописано, что мы должны говорить друг другу, и постоянно отслеживают мысли, которые проносятся в нашем сознании. Это делается не для того, чтобы отнять у нас нашу свободу, но чтобы мы победили тревоги и размяли наши нравственные способности.

Это двойное открытие – мы должны тренировать наш разум точно так же, как и тело, более того, отчасти делать это через тело, – привело к основанию всеми основными религиями религиозных убежищ, где приверженцы веры могли проводить какое-то время, укрывшись от

обыденной жизни и восстанавливая внутренний мир духовными упражнениями.

Урок о смысле жизни вплетен в чайную церемонию.

Светский мир не предлагает ничего подобного. Наш ближайший эквивалент – загородные отели и спа, хотя такое сравнение лишь показывает, как далеко нам до достижений религии. Рекламные проспекты таких заведений обещают нам возможность вновь открыть наиболее дорогое для нас, показывают пары, прогуливающиеся в роскошных нарядах, расхваливают качество матрасов и туалетов, гордятся круглосуточным обслуживанием номеров. Но упор делается на физические удобства и смену обстановки, а не на реальное утоление потребностей души. Одними отелями не обойтись, если наши взаимоотношения достигают низшей точки, если чтение воскресной газеты пробуждает страх за свою карьеру, если мы чуть свет просыпаемся в ужасе, потрясенные мыслью о том, как коротка отпущенная нам жизнь. А сочувствующий консьерж может лишь указать, где взять лошадь для прогулки верхом, и направить на поле для мини-гольфа, но, увы, промолчит, если мы спросим его, как бороться с чувством вины, сбивающими с пути желаниями или отвращением к себе.

Религиозные убежища, к счастью, в большей степени соответствуют подобным потребностям. Святой Роберт Молезмский, основатель первого из цистерцианских монастырей (эти организации в его дни служили убежищами для мирян и местами постоянного проживания для монахов),

полагал, что человеческое существо состоит из трех частей: *corpus* (тело), *animus* (разум) и *spiritus* (душа), и добропорядочный хозяин должен в равной степени присматривать за каждой из них.

По традиции, установленной святым Бернаром, католические монастыри даже теперь продолжают обеспечивать гостей комфортабельными апартаментами, обширными библиотеками и упражнениями для души, начиная с «ехатеп» – общения с совестью, которое трижды в день проводится в одиночестве и в молчании (обычно с зажженной свечой и статуэткой Христа), – заканчивая беседами с консультантами, которые специально подготовлены для того, чтобы добавить здравомыслия и нравственности в процессы мышления верующего.

Использование ванны для поддержки идеи: иудейская миква в Уилсдене, северозападный Лондон.

Хотя по существу уроки могут значительно различаться, буддийские монастыри служат тем же целям. Услышав, что один из них, расположенный в английской глубинке, специализируется на медитации, как сидячей, так и во время прогулок, я решил увидеть своими глазами, какую пользу может принести курс духовных упражнений.

В шесть утра в одно июньское воскресенье, где-то через 2573 года после рождения Будды, неподалеку от Капилавасту в бассейне реки Ганг я и

еще двенадцать новичков сидим полукругом в реконструированном амбаре в Суффолке. Наш учитель, Тони, начинает цикл занятий, приглашая нас понять состояние человека, каким оно видится глазами буддиста. Он говорит, что большую часть времени, и в этом вопросе мы не имеем никакого выбора, в нас доминирует эго, или, если переходить на санскрит, наш *атман*. Этот центр познания по природе эгоистический, нарциссический и ненасытный, непримиримый к своей смертности и стремящийся избежать предстоящей смерти, убегая в иллюзии о спасительной мощи карьеры, общественного положения и богатства. Он раскручивается, точно волчок, в момент нашего рождения и не склонен замедлять ход до нашего последнего вздоха. Поскольку эго невероятно ранимо, его обычное настроение – озабоченность. Оно капризно, перескакивает с одного на другое, не может расслабиться, не умеет правильно общаться с другими людьми. Даже при самых благоприятных обстоятельствах эго не так уж и далеко от того, чтобы впасть в панику, а потому мешает неподдельному увлечению чем-либо, кроме себя. И однако у эго есть трогательная способность неотвязно верить, что его желания вот-вот исполнятся. Образы покоя и безопасности преследуют его: особенная работа, общественные достижения или материальные приобретения всегда, казалось бы, на расстоянии вытянутой руки. В реальности, однако, одну тревогу сменяет другая, одно желание вытесняет следующее, создавая неумолимый круг, который буддисты называют «привязанность», или *upadana*/упадана на санскрите.

Цистерцианский монастырь в Клерво (1708), место отдыха для тела, разума и души. Каждая зона монастыря служит для излечения чего-то одного. За телом присматривают кухни и общежития, за разумом – библиотека, за душой – часовня.

Тем не менее, как объясняет Тони, мрачная картина одной нашей части не определяет всей нашей личности, потому что нам также дарована редкая

способность, которую можно усилить духовными упражнениями, иногда не обращать внимания на требования нашего эго и входить в состояние, которое буддисты называют анатман, или «отсутствие эго», когда мы можем отойти от наших страстей и подумать о том, какой была бы наша жизнь, если бы мы не нагружали себя дополнительной и мучительной необходимостью быть самим собой.

Привычка западного человека мыслить рационально приводит к тому, что мы испытываем удивление, когда нам говорят, что мы должны начать с того, чтобы отбросить наше эго не через доводы рассудка, а просто научившись сидеть на земле по-новому.

Как уточняет Тони, наша способность переориентировать наши приоритеты в значительной степени зависит от того, сумеем ли мы подняться, с минуту потрясти руками, а потом сесть в семичастную позу Вайрочаны. В группе новичков неизбежно возникают сложности, потому что у многих тела уже не так молоды, и на всех нас, похоже, давит мысль, что мы раздеваемся чуть ли не до носков перед незнакомыми. Разумеется, хватает нервных смешков, кто-то от напряжения пускает голубка, когда мы все пытаемся имитировать позу Тони, которую вроде бы принимал и сам Будда со своими первыми учениками, когда они медитировали под священным деревом Бодхи в восточно-индийском штате Бихар более двадцати пяти столетий тому назад. Инструкции точны: ноги скрещены, согнуты в коленях и поджаты к телу, руки – ладонь к ладони, левая на правой – лежат на бедрах, спина прямая, плечи расправлены, голова чуть наклонена вперед, рот приоткрыт, кончик языка касается нёба, дыхание ровное и медленное.

Наконец вся группа усаживается, и в комнате воцаряется тишина, нарушаемая только уханьем совы на далеком поле. Тони предлагает нам сосредоточиться на заурядном и редко упоминаемом факте, что мы все дышим. В наших первых шагах по овладению анапанасати («осознанностью дыхания») мы узнаем, что это совсем не просто – спокойно сидеть в комнате и не делать ничего, кроме как существовать: мы осознаем, другими словами, драконью хватку, которой держат нас приоритеты и планы наших эго. Мы отмечаем наше стремление отвлечься. Пытаясь сосредоточиться исключительно на дыхании, мы чувствуем, как наше сознание лихорадочно пытается вернуться к привычным проблемам. Мы осознаем, до чего же сложно сделать подряд три ровных вдоха, чтобы в голове не сверкнула какая-нибудь суетная мысль, и начинаем со всей ясностью понимать, до чего трудно заниматься чем-либо, не оказавшись в щупальцах нашего атмана.

Цель нашего нового сидячего положения: создать небольшой зазор между сознанием и эго. Ощукая свое дыхание, мы замечаем, что наши тела подчиняются ритмам, не зависящим от наших управляемых эго желаний. Иная природа тела – один из элементов огромного мира анатмана, который эго не контролирует и не понимает. Именно с этим миром и пытается познакомить нас буддизм.

В ответ на наше стремление к спокойствию западное общество потребления за последние пятьдесят лет смогло предложить лишь идею солнечного загара. Буддизм совершенствует искусство медитации уже более тысячи лет.

Поскольку у эго есть привычка пытаться подмять под себя и использовать все, что встречается у него на пути, оно не замечает тела до тех пор, пока, используя последнее, получает чувственное наслаждение. При этом эго скрытно негодует и пребывает в ужасе от хрупкости тела. Эго не хочет думать о болезнях печени или, того хуже, поджелудочной железы. Эго приказывает телу выполнять все положенные ему функции, склоняться над столом, напрягая мышцы спины, выражая покорность и тревожное ожидание. И тут вдруг эго попросили уступить контроль такой жалкой и непродуктивной функции, как дыхание, естественному чередованию вдохов и выдохов, которого мы не замечаем и не ценим, считай, с рождения. Конечно, возникает замешательство, сравнимое с тем, которое испытывает король, если вынужден, так уж сложились обстоятельства, провести ночь на жесткой кровати в скромной таверне.

Но едва все наше внимание сосредотачивается на дыхании, а не на требованиях эго, хватка, с которой оно держит сознание, ослабевает, и к нам начинает поступать информация, которая обычно отфильтровывается. Мы замечаем – и внутри себя, и снаружи – много такого, что не имеет отношения к нашим обычным заботам. Наше сознание, сфокусировавшись

на дыхании, теперь ощущает наши конечности, потом скелет, поддерживающий нас, наконец, кровь, постоянно бегущую внутри. Нам открывается чувствительность наших щек, легкие колебания воздуха в комнате, прикосновение одежды к коже.

Позже, тем же утром, мы выходим из дома еще на одно духовное упражнение, которое называется «прогулочная медитация», возглавляемые вьетнамским дзенским монахом Тик Нат Ханом. Нам предлагают освободить разум от мыслей и позволить ему бродить по ландшафту, ограничиваясь лишь наблюдением, на время освободиться от привычек, навязанных эго, которые лишают природу свойственной ей красоты и дают нам неверное и тревожащее представление о нашей важности для космоса. Под чутким руководством монаха мы движемся со скоростью верблюда, наше сознание свободно от обычных честолюбивых планов и окриков эго: такое состояние, высоко ценимое буддизмом и напрочь отвергаемое капитализмом, на санскрите называется *апранихита*, или бесцельность, а потому мы заново настраиваемся на тысячи мелочей, которые нас окружают. Вот солнечный свет проникает сквозь листву, и в нем пляшут мельчайшие частички пыли. Вот звук бегущей воды, доносящийся от соседней речушки. Вот паук ползет по ветке над нашими головами. В буддийской поэзии масса описаний таких встреч, касающихся мелких подробностей окружающего мира, которые открываются нашим чувствам лишь после того, как наше эго ослабит контроль над ними.

По горной тропинке иду.
Вдруг стало мне отчего-то легко.
Фиалки в густой траве.

Так звучит стихотворение дзенского поэта Мацуо Басё. Пробираясь по подлеску, мы становимся независимыми наблюдателями нашего существования, а потому более терпеливо и сострадательнозираем и на планету, и на населяющих ее людей, и на маленькие лиловые цветочки.

Специфика упражнений, которым учат в буддийских или других религиозных убежищах, возможно, не так важна, как главная проблема, которую они высвечивают: необходимо осуществлять более жесткий контроль нашей внутренней жизни.

Если львиная доля наших несчастий вызвана состоянием нашей психики, представляется неправильным, что современная индустрия отдыха стремится обеспечить максимальный комфорт нашим телам, одновременно не пытаясь успокоить и приручить наши, как прозорливо назвали их буддисты, «обезьяньи умы». Требуются новые эффективные центры для

отдыха не только тела, но и всего остального, новые убежища, направленные на развитие, через комплексы духовных упражнений для мирян, нашей не только телесной, но и психической составляющей.

г) Обучая мудрости

1

В конечном счете, цель образования – сэкономить нам время и уберечь от ошибок. Это характерная черта любого общества, что религиозного, что мирского, – попытаться за определенное количество лет наделить своих членов знаниями, в течение многих столетий добытыми самыми умными и решительными представителями прошлых поколений.

Светское общество доказало, что готово следовать этой логике в области научных и технических знаний. Оно находит естественным, что студент университета, собирающийся получить диплом по физике, за несколько месяцев узнает большую часть того, что знал Фарадей, а через пару лет будет готов расширять внешние границы единой теории поля Эйнштейна.

Однако тот же самый принцип, такой очевидный и естественный в науке, встречает невероятное сопротивление, если прилагается к мудрости; к открытиям, относящимся к самопознанию и нравственному наставлению души. Здесь, что удивительно, защитники образования, которые найдут нелепой идею предложить будущим физикам, только-только переступившим порог университета, самостоятельно выучить теорию электромагнитного излучения, с пеной у рта примутся доказывать, что один человек никак не может научить мудрости другого.

Этот предрассудок так глубоко укоренился в преподавательской среде, что даже поставил под удар смелые замыслы Милля и Арнольда, как, впрочем, и высокопарные надежды Рильке, который в последней строке своего стихотворения «Архаический торс Аполлона» предположил, что заветное желание всех великих представителей культуры – вразумлять свою аудиторию: «Du musst dein Leben andern/Ты жить обязан по-иному».

Надо отдать должное религии: она никогда не соглашалась с теми, кто считал, что научить мудрости невозможно. И решалась напрямую обращаться к самым главным вопросам жизни человека: зачем я работаю? Как я люблю? Как мне быть хорошим? – прибегая к способам, которые заинтересуют атеистов, пусть даже они вряд ли согласятся с конкретными ответами.

Как уже предполагалось в этой главе, у культуры есть все необходимое, чтобы разрешить эти проблемы, не обращаясь к религиозным догмам.

Ошибки, которые вносят хаос в нашу личную и общественную жизнь, служили исходным материалом для произведений культуры с античных времен. В искусстве с избытком хватает примеров о глупости, жадности, похоти, зависти, гордости, сентиментальности или заносчивости. Все необходимое мы сможем найти в работах Фрейда, Маркса, Музиля, Андрея Тарковского, Кэндзабуро Оэ, Фернанду Пессоа, Пуссена или Сола Беллоу. Но эта сокровищница используется крайне редко и неэффективно из-за ни на чем не основанного убеждения, будто культура не может служить нашим горестям.

Ни один из существующих ведущих институтов культуры не проявлял интереса к тому, чтобы обучить нас искусству жить. Если искать аналогию из истории науки, то исследования этического поля находятся на уровне дилетантской возни с химикатами в садовом сарае, и когда еще они выйдут на уровень профессионалов, проводящих скрупулезно выверенные эксперименты в исследовательских лабораториях. Университетские ученые, очевидные кандидаты в учителя души, уходят от подобных задач, заявляя, что у них есть дела поважнее. Их пугает ответственность за оболечение своих слушателей, они смертельно боятся простоты, они предпочитают не замечать, какие мы хрупкие, и сознательно не желают видеть, с какой готовностью мы забываем все, даже самое важное.

Религия – кладезь навыков коррекции. Ее пример предлагает новую учебную программу: классификация знаний согласно проблемам, к которым они относятся, а не дисциплинам, в которые они каким-то образом попали; стратегия целенаправленности лекций (чтобы мы становились лучше и благоразумнее); овладение ораторским искусством; новые методы развития памяти и более эффективные стратегии в книгопечатании.

В том случае, если эти образовательные практики покажутся кому-то слишком христианскими, следует вспомнить, что их применяли задолго до Рождества Христова. Греков и римлян занимало, как определять знания для потребностей души; именно они первыми создали школы для распространения мудрости, приравнивали тексты к лекарствам, поняли важность риторики и повторения. Не следует позволять атеизму становиться на пути традиций, которые являются частью нашего общего, независимого от вероисповедания, прошлого, ранее отвергавшегося мирянами в силу того, что они ошиблись, определяя истинных создателей этих традиций.

Религия, в отличие от современных университетов, не ограничивает обучение каким-то конкретным периодом времени (несколько лет молодости), конкретным местом (кампус) или единственным форматом (лекция). Признавая, что мы в одинаковой степени и чувствующие, и обучаемые существа, религия понимает, что должна задействовать все

имеющиеся в ее распоряжении ресурсы, чтобы воздействовать на наш ум. Многие религиозные методы, пусть и далекие от современных образовательных идей, должны, тем не менее, считаться крайне важными, если мы хотим более эффективно доносить идеи, будь то теологические или сугубо мирские, до наших дырявых, точно сито, голов. Эти методики заслуживают изучения и адаптации, чтобы в оставшееся у нас время мы получили возможность сделать на пару ошибок меньше, чем предыдущее поколение.

Глава 5

Нежность

1

Церковь пятнадцатого столетия на боковой улочке безымянного городка Северной Европы. Самое начало второй половины темного зимнего дня, человек средних лет стряхивает капли с зонта и переступает порог. В церкви тепло и сумрачно, горят только несколько рядов свечей, отбрасывающих пляшущие тени на каменные стены. Вдоль центрального прохода стоят удобные, вытертые многими поколениями прихожан скамьи, на полу подушечки для молитвы, на каждой вышито «Mater Dolorosa» («Богоматерь Скорбящая»). На коленях в углу стоит пожилая женщина и что-то бормочет себе под нос, глаза закрыты.

Мужчина устал. Болят суставы. Он чувствует себя слабым, ранимым, того и гляди расплачется. Не какое-то отдельное событие привело его сюда, просто цепь мелких унижений, следующих одно за другим, вызвала угнетающее ощущение собственной посредственности, ненужности, отвращение к самому себе. Его карьера, когда-то многообещающая, давно уже катится под уклон. Он знает, что остальные видят его никчемность, на всяких мероприятиях стремятся держаться от него подальше, многие его письма и предложения остаются без ответа. У него уже не хватает уверенности в себе, чтобы продвигаться дальше. Он в ужасе от собственной нетерпеливости и тщеславия, которые и загнали его в этот профессиональный тупик. Его мучают угрызения совести и дурные предчувствия, он страдает от одиночества. Однако он знает, что не может показывать свои тревоги дома. Сыновья должны верить, что он сильный. У его жены, которая вертится как белка в колесе, и так хватает забот... да и опыт подсказывает, что, если прийти домой в таком настроении, закончится это плохо.

«Я понимаю...». Джованни Баттиста Сальви. «Мадонна в печали» (1650).

Он хочет заснуть, хочет, чтобы его обняли. Ему хочется плакать, хочется, чтобы его простили и приободрили. Из скрытых динамиков доносится музыка. «Страсти по Матфею» Иоганна Себастьяна Баха, ария «О Боже! Милостив мне буди ради слёз моих!». Человек ищет какие-то

идеи, за которые он мог бы ухватиться, но не находит ничего крепкого и надежного. Он не может мыслить логично, даже сама попытка лишает его последних сил.

Упав на колени, он бросает взгляд на картину, которая висит над алтарем. На ней изображена нежная, сострадательная, добрая молодая женщина с нимбом над головой. Она смотрит на него сверху вниз с бесконечной заботой... и ему не надо ничего говорить, она и так, похоже, все понимает.

Он вспоминает молитвы, которые выучил давным-давно, еще ребенком, когда всем казалось, что он далеко пойдет, когда он знал, что надо делать, чтобы другие им гордились, когда родители волновались, хорошо ли он поел, и вытирали ему жирные пальцы после еды, когда перед ним были открыты все пути: «Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей, аминь. – Он закрывает глаза и чувствует, как слезы наворачиваются на глаза. – К Тебе я пришел, и перед Тобой стою, печальный и грешный. О, Матерь Божия, не пренебрегай мольбами моими, но услышь меня в Своем милосердии и ответь мне...»

Хотя мы указали, что эта сцена происходила в Европе, она могла иметь место в любом уголке этого мира. В таком же отчаянии люди приходят в церковь Богоматери Доброго Здравия в Куала-Лумпуре, и в храм Богоматери Скорбей в Райнленде, штат Миссури, и в грот Унянг, посвященный Богоматери, в Южной Корее, и в церковь Отражения Богоматери в Венесуэле. В этих святых местах страждущие смотрят снизу вверх на Деву Марию, зажигают свечи, молятся и рассказывают о своих личных горестях женщине, которая не только *Redemptoris Mater*, Мать Спасителя, но также *Mater Ecclesia*, Мать Церкви во всей ее совокупности, то есть, символически, всех ее членов.

С чисто рационалистической позиции, поклонение Марии вроде бы характеризует религию крайне инфантильной и недалекой. Как может любой здравомыслящий взрослый человек верить в существование женщины, которая жила несколько тысяч лет тому назад (если вообще жила), не говоря уже о ее способности и ныне приносить утешение, благодаря вере в ее чистое сердце, бескорыстное сочувствие и безграничное терпение?

Такой вопрос трудно опровергнуть, однако он просто поставлен неправильно. Неважно, существует ли Дева Мария, но о чем говорит нам

хотя бы то, что так много христиан на протяжении более чем двух тысячелетий чувствуют необходимость ее выдумывать? Нам следует разобраться, что открывает Дева Мария в смысле наших эмоциональных запросов, и, в частности, что становится с этими запросами, когда мы теряем веру.

Молитвы Деве Марии. Вильнюс, Литва.

В самом широком смысле культ Девы Марии показывает, до какой степени, несмотря на наше взрослое благоразумие, лежащее на нас бремя ответственности и наше общественное положение, мы остаемся детьми со всеми присущими им потребностями. Продвигаясь все дальше и дальше по нашему жизненному пути, мы можем поверить в нашу зрелость, но нам никогда не удастся полностью защитить себя от катастрофических событий, которые сметут нашу способность рассуждать здраво, наше мужество, наше умение просчитывать последствия случившегося и отбросят нас назад, в состояние первобытной беспомощности.

Статуя Гуань Инь, остров Хайнань, Китай.

В такие моменты нам хочется, чтобы нас обняли и ободрили, как бывало несколько десятков лет назад, когда нас жалел кто-то из взрослых, скорее всего, мать, благодаря которой мы ощущали себя защищенными. Она гладила нас по головке, смотрела на нас доброжелательно и нежно, и, может быть, даже ничего не говорила, разве что: «Все хорошо».

Хотя про такие желания во взрослом обществе обычно не упоминают, одно из достижений религии состоит в том, что она знает, как вдохнуть в них новую жизнь и узаконить. Мария в христианстве, Исида в Египте, Деметра в Греции, Венера в Риме, Гуань Инь в Китае – все они служат каналами для воспоминаний о нежности, которую мы знали в детстве. Их статуи обычно ставят в затемненных, похожих на чрево местах, на их лицах читаются сострадание и поддержка, которые побуждают нас присесть, излить душу и поплакать с ними. Их сходство слишком велико, чтобы списать это на случайность. Мы имеем дело не с символами, которые эволюционировали из различных, не связанных между собой культурных источников, а с реакцией на универсальную потребность человеческой психики.

Китайские буддисты приходят к Гуань Инь по тем же причинам, которые влекут католиков к Марии. У нее тоже добрые глаза, и она может предложить что-то взамен презрению к самому себе. В храмах и на

площадях по всему Китаю взрослые позволяют себе проявлять слабость в ее присутствии. Ее взгляд побуждает людей плакать: многого для этого и не надо, если времена тяжелые, а ты наконец-то встречаешься с добротой и возможностью излить свои печали, которые так долго молча носил в себе. Как и Мария, Гуань Инь знает о трудностях, которыми чревата попытка вести относительно достойную взрослую жизнь.

По контрасту с религией, атеизм относится к этой нашей потребности с ледяной нетерпимостью. Желание утешиться, которое лежит в основе культа Девы Марии, представляется атеизму пагубно отсталым и противоречащим рациональному восприятию жизни, которым атеисты так гордятся. Мария и ее сестры кажутся им символами потребностей, которые взрослые обязаны быстро перерасти.

Наиболее горячо и нетерпимо атеизм нападал на религию, обвиняя ее в слепоте к собственным мотивам, нежелании признавать, что она в основе своей всего лишь сублимация детских желаний в новых одеждах, придавшая им новые формы и спроецированная на небеса.

Возможно, обвинение справедливое. Проблема в другом: те, кто его предъявляют, зачастую целиком и полностью отрицают потребности детства. В стремлении разоблачить верующих, чья душевная хрупкость привела их к признанию сверхъестественного, атеисты забывают о том, что хрупкость эта – неотъемлемая черта любого из нас. Они могут даже заклеить детские потребности, которые на самом деле правильнее назвать чисто человеческими, потому что невозможно достигнуть зрелости без разумных договоренностей с инфантильным, и никто не может считаться взрослым, если ему не хочется, чтобы иной раз его утешали как ребенка.

Мы хотим, чтобы нас гладили по голове и поддерживали, потому что это и мы, и не мы.
Джованни Беллини. «Мадонна с младенцем» (1480).

Христианство видит в умении признать необходимость опоры признак нравственного и душевного здоровья. Только гордые и тщеславные люди пытаются отрицать свои слабости, тогда как верующие могут без всякого

стеснения признаваться, видя в этом свидетельство своей веры, что провели какое-то время в слезах у подножия огромной деревянной статуи Богоматери. Культ Марии считает уязвимость добродетелью и, таким образом, исправляет нашу привычку верить в безусловное разделение в человеке на взрослого и ребенка. При этом христианство достаточно деликатно удовлетворяет эти наши потребности. Оно позволяет нам получить материнское утешение, обходя наше неизбежное желание оказаться лицом к лицу с нашей настоящей матерью. Оно не отправляет нас к *нашей* матери, а предлагает нам воображаемое удовольствие вновь стать совсем маленьким, чтобы нас баюкала и о нас заботилась та, кто есть *mater* всего мира.

4

Если и есть проблема в христианском подходе, то она заключается в другом: он показал себя слишком успешным. Потребность в утешении ныне целиком и полностью передана в ведение Девы Марии, хотя на самом деле все было иначе: потребность эта появилась задолго до Евангелия, она возникла в тот самый момент, когда первого ребенка взяла на руки его мать и прижала к себе в темноте и холоде первой пещеры, в которой поселились люди.

И пусть даже нет ни сочувствующей матери, ни заботливого отца, которые могут сделать так, чтобы все у нас стало хорошо, нет оснований отрицать, как сильно мы этого хотим. Религия учит нас быть добрыми к себе в кризисные моменты, когда, отчаявшиеся и перепуганные, мы в замешательстве зовем на помощь кого угодно: пусть даже мы упрямо ни во что не верим, наша мать давно уже умерла, отец отдалившийся и жестокий, а мы теперь занимаем ответственное место взрослого в этом мире.

Пример католицизма показывает, что в такой момент могут сыграть роль искусство и архитектура, потому что, глядя на родительские лица, с любовью взирающие на детей, обычно в тихом, сумрачном уединении церковного пространства, музея и других мест поклонения, мы чувствуем, что какая-то наша первобытная потребность не осталась без ответа и некое равновесие восстановлено.

Было бы очень неплохо, если бы светские художники иногда создавали картины, центральной темой которых служила бы родительская забота, а архитекторы – пространства, в музеях или – а почему бы не помечтать? – в новых храмах Нежности, где мы могли бы любоваться этими новыми картинами в покое и полумраке.

Культ Девы Марии решается напомнить всем атеистам, даже самым твердокаменным, что в душе они остаются ранимыми и неразумными и могут научиться помогать себе в самые тяжелые моменты своей жизни через примирение со своими вечно бесхитростными и незрелыми сторонами.

Взрослая жизнь невозможна без моментов, когда, чувствуя собственную бесполезность, мы можем сделать только одно: вернуться в детство. Мирской храм Нежности, на заднем плане картина Мэри Кассет. «Купание ребенка» (1893).

Отвергая суеверие, мы должны следить за тем, чтобы не возникло искушения оставить в стороне те наши неотъемлемые потребности, которые религия так успешно выявила и возвысила – и утолила.

Глава 6

Пессимизм

1

Немалую часть своей истории христианство делало упор на темную сторону земного существования. Но даже в рамках этой мрачной традиции французский философ Блез Паскаль стоит особняком в своем исключительно безжалостном пессимизме. В своем труде «Мысли», написанном между 1658-м и 1662 гг., Паскаль не упускает ни единой возможности поразить читателей, доказывая, сколь жалка и ничемна человеческая природа. На завораживающем классическом французском он сообщает нам, что счастье – это иллюзия («Любой, кто не видит суеты мира, суетен сам»), что страдания – норма («Будь мы истинно счастливыми, нам не приходилось бы отвлекать себя от мыслей об этом»), что настоящая любовь – химера («Как лживо и мерзко человеческое сердце»), что мы не только суетны, но и легкоранимы («Пустяк утешает нас, потому что пустяк и расстраивает»), что даже самые сильные из нас совершенно беспомощны перед болезнями («Мухи такие могучие, что могут парализовать наш разум и пожрать наше тело»), что все мирские институты продажны («Нет ничего вернее того, что человек может выказать слабину») и что у нас есть абсурдная привычка с невероятной легкостью переоценивать собственную важность («Как много королевств ничего о нас не знают!»). И самое лучшее, что мы можем сделать в таких обстоятельствах, предполагает он, так это с поднятой головой признать отчаянность нашего положения: «Величие человека идет от понимания, что он ничтожен».

Учитывая общую тональность, кажется удивительным, что чтение «Мыслей» Паскаля не вгоняет в черную меланхолию, чего можно было бы ожидать. Это произведение успокаивающее, греющее душу, а местами даже веселое. Парадоксально, но, оказавшись на грани отчаяния, не найти лучшей книги, к которой следует обратиться, чем эта, казалось бы, растирающая последнюю человеческую надежду в пыль. «Мысли» куда нагляднее, чем любое сладенькое повествование, показывают, что внутренняя красота, позитивное мышление или осознание скрытого потенциала и есть та сила, которая способна убедить самоубийцу отойти от высокого парапета.

Если пессимизм Паскаля может эффективно утешить, причина, возможно, в том, что в мрачное настроение нас загоняют не столько печали, сколько надежды. Это надежду – насчет нашей карьеры, любовных увлечений, детей, политиков и планеты – надобно прежде всего винить за наши горечь и отчаяние. Несоответствие между масштабом наших ожиданий и суровой реальностью нашего положения порождает горькое разочарование, которое портит нам жизнь и желчными морщинами портит лицо.

Отсюда и облегчение, которое может вылиться взрывами смеха, когда мы наконец-то находим автора, достаточно великодушного, чтобы подтвердить, что наши худшие подозрения не что-то уникальное и постыдное, а всего лишь обыденная, неизбежная человеческая реальность. Страх, что только мы ощущаем себя встревоженными, скучающими, ревнивыми, жестокими, порочными и самовлюбленными, оказывается совершенно беспочвенным, и это открывает перед нами неожиданные возможности для общения вне наших темных реальностей.

Мы должны чтить Паскаля и весь длинный ряд христианских пессимистов, к которым он принадлежит, за то, что они оказали нам неоценимую услугу, элегантно обнародовав все приметы нашего греховного и жалкого бытия.

Это не мнение, к которому с пониманием относится современный мир, потому что одной из доминант этого мира и, конечно же, самым большим его недостатком является безудержный оптимизм.

Несмотря на случайные приступы паники, вызванные кризисами на фондовой бирже, войнами или эпидемиями, для секулярной эпохи характерна иррациональная уверенность в непрерывном прогрессе, основанная на мессианской вере в три великих движителя изменений: науку, технику и торговлю. Материальные изменения к лучшему с середины восемнадцатого столетия столь разительны, комфорт, безопасность, богатство и мощь так возросли, что, казалось бы, нанесен смертельный удар нашей способности впасть в пессимизм и, таким образом, что гораздо важнее, нашей способности оставаться здравомыслящими и чувствовать себя удовлетворенными. Нет никакой возможности вынести взвешенную оценку тому, что жизнь уготовит нам после того, как мы стали свидетелями расшифровки генетического кода человека, изобретения мобильного

телефона, открытия супермаркетов западного типа в самых отдаленных уголках Китая и запуска телескопа «Хаббл».

Не отрицая, что научная и экономическая траектории человечества идут вверх на протяжении нескольких столетий, мы не скажем того же о самом человечестве: никто не может жить исключительно среди выдающихся достижений генетики и телекоммуникаций, которые наделяют наш век своими особенными и стойкими предрассудками. Разумеется, мы ощущаем пользу от возможности в любой момент принять горячую ванну или от компьютерных чипов, но наша жизнь ничуть не меньше зависит от несчастного случая, неудовлетворенного честолюбия, разбитого сердца, зависти, озабоченности или смерти, чем у наших средневековых предков. Наши предки, по крайней мере, жили в религиозное время, которое не допускало ошибок и не обещало людям, что счастье может надолго, если не навсегда, обосноваться на этой земле.

3

Про христианство, конечно же, нельзя говорить, что оно лишает людей надежды. Просто ему хватает здравого смысла переносить ожидание лучшего на последующую жизнь, где верующих ждет мир морального и материального совершенства.

Перенос осуществления надежд в столь далекие пространства предоставил церкви уникальную возможность объективно и без эмоций оценивать земную реальность. Церковь и не предполагает, что политики смогут создать справедливое государство, что хотя бы одна семейная пара сможет прожить без конфликтов и ссор, что деньги обеспечат безопасность, что друг никогда не предаст, или в более общем смысле, что рай небесный можно устроить на земле. Со дня своего возникновения религия смотрит предельно честно – на что секулярный мир не способен в силу своей сентиментальности и трусости – на наши шансы улучшить гнусную человеческую натуру.

Нынешний период истории характеризуется тем, что миряне настроены гораздо оптимистичнее верующих: есть в этом какая-то ирония, если учесть, как часто первые упрекали вторых в наивности и доверчивости. Именно в мирянах стремление к совершенству так немислимо разрослось, и они уже представляют себе, что рай можно построить на земле – еще через несколько лет роста финансового благосостояния и медицинских исследований. Для них не существует никаких противоречий, когда, решительно отрицая веру в ангелов, они искренне верят, что МВФ,

медицинская наука, Силиконовая долина и демократическая политика совместными усилиями излечат все болезни человечества.

Наиболее честолюбивым и целеустремленным особенно необходимо как следует окунуть свои несбыточные надежды во тьму, которую так обстоятельно исследовала религия. Прежде всего это относится к неверующим американцам, возможно, самым встревоженным и разочарованным людям на Земле, поскольку их страна внушает своим гражданам самые безумные надежды относительно достижимого трудолюбием и коллективными усилиями. Нужно перестать считать, что пессимизм принадлежит одним только верующим или что он неотделим от надежд на спасение души. Надо постараться позаимствовать пронцательный взгляд на мир у тех, кто верит в рай, даже если мы сами намерены всю жизнь следовать фундаментальному атеистическому принципу: этот мир единственный, который нам дано познать.

Нам хватало мудрости размещать идеалы совершенства совсем в другом мире. Ян Брейгельмладший. «Рай» (1620).

Полезьа философии неорелигиозного пессимизма особенно наглядно проявляется в отношении брачного союза, одного из наиболее загубленных институтов современного общества, который ныне выглядит чудовищно только из-за удивительного предположения неверующих, что женятся исключительно ради счастья.

Христианские и еврейские молодожены, пусть и не всегда радостные, по крайней мере освобождены от дополнительной порции страданий, возникающих из-за ошибочного мнения, что неправильно и несправедливо быть в чем-то неудовлетворенным. Христианство и иудаизм рассматривают женитьбу не как союз, вызванный и вдохновляемый безудержным энтузиазмом, но как механизм, благодаря которому человек может занять в обществе положение взрослого и с помощью ближайшего друга взять на себя ответственность за воспитание и образование следующего поколения под божественным наблюдением. Эти ограниченные ожидания призваны предвосхитить подозрения, столь знакомые мирским семейным парам, что есть возможность найти где-то для себя более страстную, ангельскую или менее удручающую пару. В рамках религиозного идеала взаимные трения, споры и скука не признаки ошибки, а жизнь, продолжающаяся согласно плану.

Религии хватает здравого смысла, чтобы предлагать нам обожать ангелов и терпеть любимых.

Несмотря на практический подход, религии не принимают во внимание наше желание страстного обожания. Они знают о нашей потребности верить в других, восхищаться ими, служить им и находить в них идеал, которого мы сами достигнуть не способны. И настаивают, что объекты поклонения должны быть божественными, а не земными. Поэтому и предлагают нам вечно молодых, симпатичных и добродетельных божеств, чтобы те вели нас по жизни, при этом денно и нощно напоминая нам, что человеческие существа довольно-таки скучные, да и недостатков у них хватает, а потому их надо терпеть и прощать. Эта подробность обычно ускользает от нашего внимания в пылу семейной ссоры. «Почему ты не можешь быть более совершенным?» – этот важный вопрос маячит за большинством мирских споров. Стремясь удержать нас от завышенных ожиданий в отношении другого человека, религия демонстрирует здравый смысл, предлагая обожать ангелов и терпеть любимых.

Пессимистический взгляд на мир не означает, что жизнь совершенно лишена радости. У пессимистов гораздо больше возможностей порадоваться, чем у оптимистов, поскольку они никогда не ждут ничего хорошего, и их потрясают даже маленькие просветы на темном горизонте. Современные мирские оптимисты, с другой стороны, с их развитым чувством восприятия происходящего вокруг них как должного, обычно не умеют наслаждаться радостями повседневной жизни, потому что слишком заняты построением земного рая.

Признание, что окружающий мир только раздражает, а суровая реальность постоянно тюкает, может побудить нас почаще говорить: «Спасибо». Вообще надо отметить, что секулярный мир не так уж и обучен искусству благодарности: мы больше не благодарим за жатвы, трапезы, пчел или хорошую погоду. Навскидку можно предположить – причина в том, что теперь некому сказать «спасибо». Но, если копнуть глубже, это вопрос честолюбия и ожиданий. Многие из тех благодеяний, за которые наши набожные и пессимистические предки считали нужным благодарить, мы в своей гордыне принимаем как само собой разумеющееся. Есть ли необходимость, спрашиваем мы себя, высказывать благодарность закату или абрикосу? Может, есть более высокие цели, к которым мы должны стремиться?

И наоборот, стремясь призвать нас к смирению, иудейская Книга молитв объединенной конгрегации рекомендует особую молитву, которую надо произнести перед тем, как «первый раз в году съесть какой-то фрукт», и еще одну, на случай покупки «новой дорогой одежды». Есть даже молитва для выражения восхищения сложностью пищеварительной системы человека:

«Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь Вселенной, Который создал по мудрости Своей человека, сотворив его тело со многими полостями и отверстиями. Открыто и известно Тебе, восседающему на славном престоле Своем, что если закроется одно из отверстий или откроется одна из полостей, не сможет человек просуществовать далее короткое время. Благословен Ты, Господь, исцеляющий всякую плоть и творящий чудеса!»

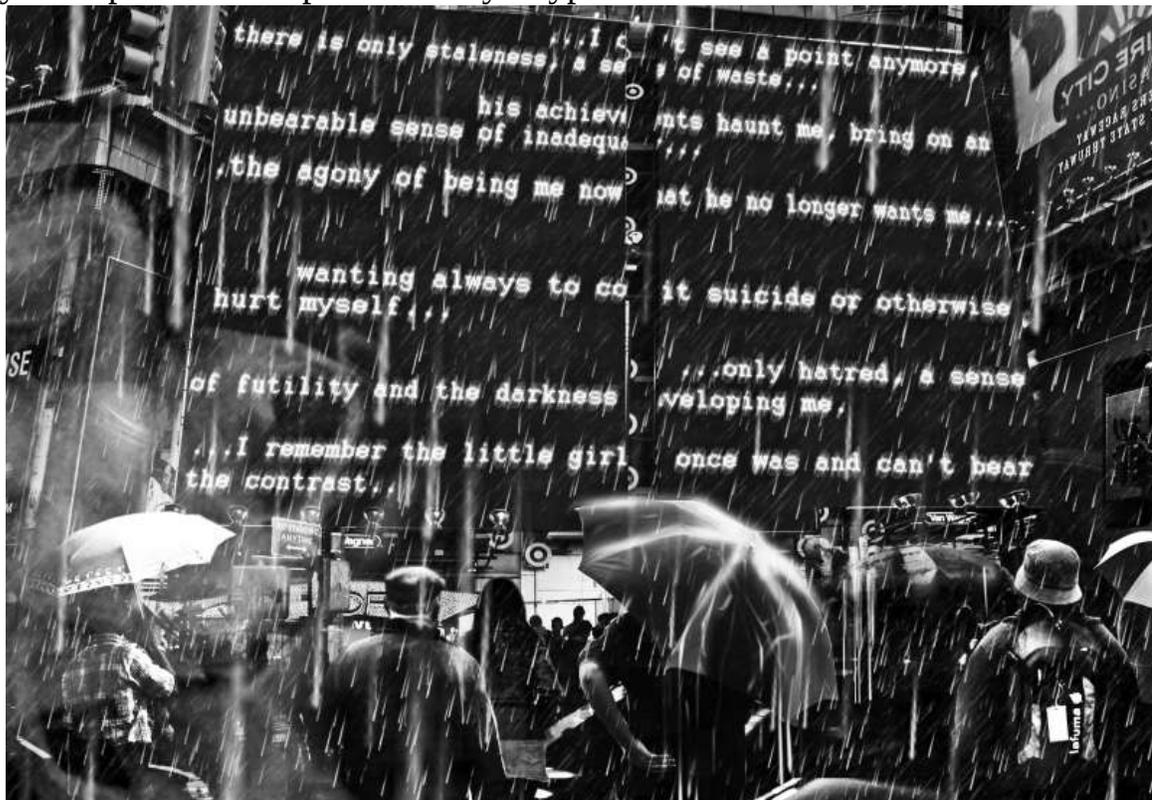

Стена Плача, Иерусалим.

Религия в мудрости своей настаивала, что мы изначально существа с изъяном: неспособны постоянно радоваться, осаждаемы будоражащими сексуальными желаниями, одержимы желанием повысить свой статус, подвержены несчастным случаям и всегда рано или поздно умираем.

Люди, разумеется, обычно верили, что божество может нам помочь. Подобное сочетание отчаяния и надежды хорошо заметно в символическом значении Иерусалимской западной стены, или Стены Плача, у которой со второй половины шестнадцатого века собираются евреи, чтобы высказать свои горести и попросить своего Создателя о помощи. Они записывают свои печали и просьбы на маленьких клочках бумаги, вставляют их в щели между камней и надеются, что Бог откликнется на их мольбы и облегчит их страдания.

Уберите Бога из этого уравнения, и что останется? Оружие люди, напрасно взывающие к пустым небесам. Это трагично, но, если мы хотим получить хоть толику утешения от пустоты, по крайней мере, отверженные хотя бы поплачут *вместе*. Слишком уж часто ночью, в постели, мы терзаемся от напастей, которые, казалось бы, уникальны и наваливаются только на нас. Такое невозможно у Стены Плача. Там становится ясно, как мы все одиноки. Стена – то самое место, где душевная боль, которую мы иначе молча носили бы в себе, открывает свою истинную сущность: это всего лишь наперсток невзгод в океане страданий. Стена убеждает нас в повсеместности бедствий и категорично правит улыбочные допущения, бездумно принятые современной культурой.

Самые серьезные проблемы не имеют решений, но нас может поддержать мысль, что наказан не кто из нас в отдельности, а мы все.

Надписи на электронной «Стене Плача»:

«...я больше не вижу смысла в жизни, все застыло, меня окружает ощущение...»

«его достижения не дают мне покоя, создают невыносимое чувство никчемн...»

«...какая же мука осознавать, что я больше ему не...»

«...хотелось совершить самоубийство или причинить себе какойто иной...»

«...только ненависть, чувство обреченности и темнота окружают меня...»

«...я помню маленькую девочку, какой она когда-то была, и не могу вынести сопоставления...»

Среди рекламы джинсов и компьютеров, которая сияет над улицами наших городов, необходимо разместить электронные версии Стены Плача, которые будут анонимно транслировать наши внутренние горести и таким образом давать нам более четкое представление о том, каково это – жить. Такие стены будут действовать особенно успокаивающе, если позволят взглянуть на то, что в Иерусалиме доступно только взору Бога, – подробности чужих неудач, свидетельства разбитых сердец, рухнувших честолюбивых надежд, сексуальных фиаско, ревнивых подозрений, разорительных банкротств, которые обычно скрыты за нашими бесстрастными масками. Такие стены представят нам убедительные доказательства, что других тоже тревожит абсурдность их существования, что они тоже считают, сколько им осталось жить, что они плачут, скорбя о ком-то, умершем десять лет назад, и гробят свои шансы на успех идиотизмом и нетерпением. На этом пути не найти решений, не положить конец страданиям, зато есть возможность осознать – и это, конечно же, утешает, – что никто из нас не одинок в своих проблемах и жалобах.

Глава 7

Перспектива

1

Для атеистов одним из наиболее приемлемых текстов Ветхого Завета наверняка должна быть Книга Иова, главный тезис которой посвящен проблеме, почему несчастья случаются с хорошими людьми. И на этот вопрос Книга Иова, что весьма любопытно, отказывается дать простой, основанный на вере ответ. Вместо этого она указывает: нам не дано знать, почему случается то, что случается, не следует всегда истолковывать страдание как наказание, нельзя забывать, что мы живем в мире, полном загадок, из которых капризы нашей судьбы далеко не самая главная, и мы, конечно же, сумеем это понять, если попытаемся взглянуть на ситуацию со стороны.

Книга Иова начинается представлением одноименного героя, проживавшего в земле Уц, к которому Бог крайне благоволит. Первое, что мы узнаем о нем, то, что Иов живет в большом доме, он добродетелен и всем доволен, у него семь сыновей и три дочери, семь тысяч овец, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов и пятьсот ослиц. Потом, в один прекрасный день на него, его семью и домашний скот валятся катастрофические несчастья. Сначала отряд воинственных савеев уводит всех волов и ослиц. Потом разражается великая гроза, и молнии сжигают всех овец. Соседнее племя, халдеи, крадут всех верблюдов. А хуже всего, из пустыни прилетает ураган и обрушивает дом старшего сына Иова, убив при этом и его самого, и всех его братьев и сестер, которые собрались в доме на пир.

Но и этим дело не заканчивается, потому что тело Иова покрывается язвами, отчего каждое движение причиняет невыносимую боль. Сидя в пепле, сокрушенный горем, Иов скребет себя куском черепицы и в ужасе и тоске спрашивает Господа, почему все это случилось с ним.

Друзья Иова думают, что знают ответ: Иов согрешил. Вилдад Савхейнин уверен, Бог не убил бы детей Иова, если бы они – или он сам – не совершили чего-то очень неправильного. «Бог не отвергает непорочного», – утверждает Вилдад. Софар Наамитянин идет еще дальше, намекая, что преступления Иова должны быть ужасны, и Бог великодушен в

наказании своем, потому что он всегда прощает в большей степени, чем наказывает.

Иов отмечает эти объяснения. По его словам, «напоминания ваши подобны пеплу; оплоты ваши – оплоты глиняные». Он знает, что не грешил. Почему же тогда на него свалилось столько бед? Почему Бог оставил его? Да и существует ли Бог вообще?

Наконец, после долгих дебатов, которые вели люди между собой, Яхве решает сам ответить Иову. Из пустыни приходит буря, и из нее гремит голос разъяренного Бога: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла свои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: Где ты был, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь... По какому пути разливается свет и разносится восточный ветер по земле?.. Из чьего чрева выходит лед и иней небесный – кто рождает его?.. Знаешь ли ты уставы неба?.. Твоею ли мудростью летает ястреб?.. Можешь ли ты удою выгнать левиафана?..»

На прямой вопрос Иова: отчего Господь не отвечает ему, следует непрямой ответ, в котором божество обстоятельно расписывает, как мало люди знают о чем-либо. Хрупкие, ограниченные существа, да разве могут они понять пути Господни? – вопрошает Он. А с учетом их невежества, какое они имеют право использовать такое выражение, как «не по заслугам»? Во вселенной еще много такого, что человечество не может правильно истолковать, а потому не должно полагаться на свою логику, которая не лишена изъянов. Вселенную создали не люди, пусть некоторые иной раз и утверждают обратное, они не контролируют ее, и она им не принадлежит. Бог пытается убедить Иова не замыкаться на событиях собственной жизни, привлекая его внимание к необъятности и разнообразию природы. Он старается показать Иову всю полноту мироздания, от ядра Земли до далеких созвездий, от высот, где кружит ястреб, до родовых схваток горной козы, в надежде вселить в человека из Уца искупляющее чувство благоговения.

Стратегия срабатывает: Иову напоминают о весах, на одной чашке которых все, что произошло с ним, а на другой – возраст, размеры и загадки вселенной. Буря, поднятая Богом, и Его громкие возвышенные слова вызывают должный ужас у зрителей, они ясно дают понять, сколь жалкими являются беды одного человека в сравнении с вечностью, и оставляют Иова и всех нас, возможно, в чуть большей готовности склонить голову перед непостижимым и добавляют нам выдержки переносить неизбежные в жизни трагедии.

Через тысячу лет после того, как Иов получил урок от Бога, другой еврей Бенедикт Спиноза взял на себя труд перевести те же доводы в более доступную форму.

Спиноза отвергал образ человекоподобного Высшего существа, которое может говорить со своим народом с вершины горы и восседать на облаках. Для него «Бог» представлял собой научный термин для обозначения силы, которая создала вселенную, первопричины или, как предпочитал говорить сам философ, «*причина самой себя*», *causa sui*.

Как философская конструкция, этот Бог предлагает Спинозе утешение. В минуты отчаяния или невзгод философ рекомендовал иначе взглянуть на ситуацию – как бы в космической перспективе – согласно его знаменитому и поэтическому высказыванию, «с точки зрения вечности», *sub specie aeternitatis*. Зачарованный научно-техническими достижениями своего века – и, прежде всего, телескопами и полученными с их помощью знаниями о других планетах, – Спиноза предполагает, что мы можем использовать наше воображение, чтобы выйти за пределы тела и попытаться подчинить свою волю законам вселенной, пусть намерения у нас прямо противоположные.

Это не так уж далеко от совета, который Господь дал Иову: вместо того, чтобы пытаться исправить положение, в которое мы попали из-за обрушившихся на нашу голову несчастий и унижений, настаивая на недооценке нашей значимости, лучше постараться осознать и оценить нашу основополагающую ничтожность. Опасность жизни в лишенном Бога обществе состоит в том, что нет больше напоминаний о сверхъестественном, потому мы остаемся неподготовленными к разочарованиям и возможной гибели. Когда Бог мертв, человеческие существа – в ущерб себе – рискуют занять главенствующее положение. Они воображают себя хозяевами собственной судьбы, попирают природу, забывают ритмы земли, плюют на все важное и ценное, что выскальзывает из их рук, – до того момента, пока жестко не наткнутся на острые углы реальности, и вот тут-то и наступает катастрофа.

Нашему секулярному миру недостает ритуалов, которые мягко вернули бы нас на положенное нам место. Этот мир исподтишка побуждает нас думать, будто именно текущий момент и есть высшая точка истории, а достижения людей – мера всего сущего... Именно самомнение и толкает нас в пучину озабоченности и зависти.

Религия, прежде всего, символ того, что превосходит нас, она показывает нам преимущества признания нашей ничтожности. Она находит полное взаимопонимание со всеми аспектами существования, которые спасают нас от иллюзии, будто мы – пуп земли: ледниками, океанами, микроскопическими формами жизни, новорожденными или торжественным языком «Потерянного рая» Мильтона: «Потоп и вихри бурного огня...» Если в нашем мире есть что-то более крупное, древнее и великое, чем мы, это не унижение. Наоборот, принимать это надобно с облегчением, поскольку в этом случае наши безумные честолюбивые надежды не уничтожат нашу жизнь.

Религия проницательнее философии в понимании, что недостаточно просто прописывать идеалы в книгах. Конечно, не хотелось бы и желать чего-то еще, если бы мы могли, равно верующие и неверующие, постоянно видеть все *sub specie aeternitatis*, но мы практически наверняка забудем эту привычку, если только нам не будут твердо и настойчиво об этом напоминать.

Одна из самых хитроумных методик религии – постоянное напоминание о сверхъестественном, на утренней молитве и на недельной службе, на празднике жатвы и при крещении, на Йом Кипур или в Вербное воскресенье. Светскому миру недостает эквивалентного круга напоминаний, когда мы хотя бы в воображении можем отстраниться от обыденности и измерить наши жизни по другой, более масштабной, космической шкале.

Если в системе такой переоценки удастся найти какой-то общий эталон и для атеистов, и для верующих, вероятно, это будет природный феномен, упомянутый и в Книге Иова, и в «Этике» Спинозы: звезды. Именно наблюдая за ними, секулярный мир получает оптимальную возможность ощутить искупительное чувство благоговения.

Ученые, официально ответственные за наблюдения за звездами, редко признают их терапевтический эффект, и это недальновидно. Сухим научным языком космические агентства информируют нас о характеристиках и траекториях небесных тел, но редко рассматривают астрономию как источник мудрости или помощника в уменьшении страданий.

Наука должна служить нам не только тем, что помогает контролировать какие-то части этого мира. Ей надо взять на себя и другую функцию: показывать нам то, что никто никогда не сможет взять под контроль. Тогда мы будем ежедневно медитировать, представляя себе не Бога, как делают верующие, а девять с половиной триллионов километров, которые составляют один световой год, или, может, яркость самой большой из известных нам звезд галактики, которая называется Эта Карина, она находится на расстоянии семи с половиной тысяч световых лет, в четыреста

раз больше Солнца и в четыре миллиона раз ярче. Мы могли бы внести в наш календарь свои праздники, скажем, отметить звезду VY Canis Majoris, красный сверхгигант в созвездии Большого Пса. От Земли до этой звезды пять тысяч световых лет, и она в две тысячи сто раз ярче Солнца. Поздним вечером, возможно, после выпуска новостей и до начала викторины со знаменитостями мы могли бы в молчании подумать о звездах нашей Галактики (от двухсот до четырехсот миллиардов числом), о ста миллиардах галактик, о трех септиллионах звезд вселенной. Какой бы ни была их важность для науки, для человечества ценность звезд в том, что они могут служить достойным ответом на нашу манию величия, жалость к себе и суетность.

Каталог Мессье 101, галактика Цевочное колесо в созвездии Большой Медведицы, какой ее видит телескоп «Хаббл».

Чтобы удовлетворить потребность в постоянной связи наших чувств с категориями сверхъестественного, мы должны добиться, чтобы часть стационарных телеэкранов, установленных в общественных местах, напрямую подсоединили к мониторам орбитальных телескопов.

Тогда появится возможность соотнести наше отчаяние, разбитое сердце, обиду на тех, кто не позвонил и не позвал в гости, сожаления об упущенных возможностях с образом галактик, например, со спиральной галактикой Мессье 101, которая находится в нижнем левом углу созвездия Большой Медведицы в двадцати трех миллионах световых лет от нас и, как ни странно, не имеет ни малейшего понятия о том, кто мы такие, и утешительно безразлична ко всему, что разрывает нам сердце.

Глава 8

Искусство

1

Для некоторых атеистов самое трудное в разрыве с религией – отказаться от духовного искусства, от его красоты и эмоций, которые оно вызывает. Однако выражение сожаления по этому поводу в присутствии столь многих неверующих может привести к тому, что тебя осудят за сентиментальную ностальгию и назидательно напомнят, что мирское общество разработало свои, весьма эффективные способы утоления тяги к прекрасному, которые ранее обеспечивались только в рамках веры.

Эти неверующие, скорее всего, укажут, что мы, пусть больше и не строим соборы, тем не менее, возводим великолепные здания, реализуя наши эстетические идеалы. Они выступают доминантами наших городов, привлекая туристов со всего мира, и мы инстинктивно понижаем голос до шепота, когда входим в их вызывающие благоговение залы. Таким образом, аналогия налицо: художественные музеи стали нашими новыми церквями.

Довод более чем убедительный. От сходства никуда не деться. Как и церкви, музеи наслаждаются беспрецедентным статусом: именно туда мы сможем привести группу заезжих инопланетян, чтобы показать, что нас радует больше всего и чем мы гордимся. Как и церкви, это институты, которым богатые с готовностью жертвуют часть своих денег в надежде очиститься от грехов, которые, возможно, пришлось совершить, накапливая эти богатства. Далее время, проведенное в музее, по степени психологического воздействия приносит такую же пользу, как и посещение церковной службы: мы испытываем схожие чувства, соприкасаясь с тем, что выше нас, и отсекаем от себя оставшийся за его стенами скомпрометированный и нечестивый мир. Иногда мы можем даже немного заскучать, как случается и в церкви, но из музея мы выходим с ощущением, что стали чуть лучше, чем прежде, хотя это и невозможно объяснить словами.

Как и университеты, музеи обещают заполнить пробелы, оставшиеся после отказа от религии, они тоже пытаются донести до нас смысл, не искаженный суевериями. Точно так же, как светская литература лелеет

надежду заменить собой Святое Писание, музеям, возможно, удастся взять на себя эстетические функции церквей.

Однако пусть это предположение и звучит заманчиво, оно обладает теми же недостатками, которые указывались выше при обсуждении преподавания культуры в университетах. Теоретически у музеев может быть все необходимое, чтобы утолять потребности, которые ранее обслуживала церковь, но, как и университеты, на практике они отказываются использовать большую часть потенциала вверенных им сокровищ. Представляя нам объекты подлинной ценности, музеи, однако, оказались неспособны адекватно связать их с потребностями наших душ. Мы слишком часто смотрим на правильные картины сквозь кривые очки. Но основание для оптимизма все-таки есть, и оно относится к еще одной общей черте музеев и университетов: и те, и другие существуют для того, чтобы использовать опыт, наработанный религией.

Фундаментальный вопрос, с ответом на который у современного музея, как это ни странно, возникают существенные трудности, звучит следующим образом: почему искусство так важно? Музеи громогласно настаивают на важности искусства и, соответственно, добывают под это деньги у правительств, спонсоров, посетителей. Но почему-то напрочь теряют красноречие и умолкают, когда требуется прояснить, в чем же эта важность заключается. И остается ощущение, что мы упускаем какие-то главные аргументы, которые музей, если на то пошло, так и не привел, предпочитая повторять вновь и вновь: искусство имеет значение, потому что оно важно для нас.

В результате мы входим в музейные залы с серьезными, пусть и стараясь держать их при себе, сомнениями насчет того, а что мы собираемся там делать? Чего нам, разумеется, никак нельзя, так это относиться к произведениям искусства как к иконам, особенно если (а это не редкость) они были созданы на религиозной основе. Современный музей – не то место, где посетители опускаются на колени перед некогда святыми предметами, плачут и молят о поддержке и наставлениях. Во многих странах музеи создавались как новые, мирские заведения, где религиозное искусство (против воли авторов) очищалось от теологического контекста. Это же не совпадение, что, когда к власти во Франции в 1792 году пришло революционное правительство, уже через три дня после объявления декрета об отделении католической церкви от государства появился декрет о

преобразовании Лувра из дворца в первый государственный национальный музей. И галереи Лувра очень скоро наполнились предметами, которые насильственно забирали из французских католических церквей, а потом, во время наполеоновских походов, из монастырей и церквей Европы.

Что нам с ней делать, когда мы не можем ей молиться? Статуэтка «Мадонна с младенцем» (1324), конфискованная из аббатства Сен-Дени, Париж, в 1789 г.

И если теперь нельзя чему-то молиться, мы начинаем собирать об этом информацию. И «эксперт» в области искусства ныне, прежде всего, кладезь информации: он знает, где и кем сделана работа, сколько за нее заплатили, откуда родом родители автора и кто оказал влияние на его манеру и стиль.

В витрине одного из залов средневекового искусства Лувра мы находим статуэтку, названную «Мадонна с младенцем», конфискованную из аббатства Сен-Дени в 1789 г. Века – до того как статуэтка попала в музей – люди преклоняли перед ней колени и черпали силу в сострадании и чистоте Марии. Однако, если судить по табличке и статье, посвященной статуэтке в музейном каталоге, с точки зрения современного Лувра, нас должно интересовать следующее: статуэтка изготовлена из позолоченного серебра, в свободной руке Мария держит хрустальную лилию, это типичный образчик парижской работы по металлу первой половины четырнадцатого столетия, общая форма скопирована с византийской статуи «Дева нежности», и это первый пример использования во Франции полупрозрачной поливной эмали по гравированному орнаменту, техники, изобретенной тосканскими мастерами в конце тринадцатого столетия.

К сожалению, если искусство представляется нам набором сухих информативных фраз, интерес к нему сохранит лишь узкий круг специалистов. Степень возникающего безразличия наглядно видна в сериях работ немецкого фотографа Томаса Штрута, который показывает нам туристов, осматривающих величайшие музеи мира. Не в силах почерпнуть духовную пищу из окружающих их сокровищ, они стоят, ошеломленные, перед «Благовещениями» и «Распятиями», заглядывают в каталоги, возможно, запоминают дату создания и фамилию художника в то время, как перед ними по мускулистой ноге Сына Божьего течет алая кровь или голубь парит в лазурном небе. Они вроде бы и хотят, чтобы искусство изменило их к лучшему, но гром, которого они ждут, никогда не грянет. Они напоминают разочарованных участников спиритического сеанса, в котором с вызовом призрака что-то не сложилось.

«Это же так трудно – не подумать о кафетерии». Томас Штрут, Национальная галерея I, Лондон (1989).

Недоумение, которое испытывают посетители музеев, только усиливается, когда мы обращаемся к современному искусству. Мы смотрим на гигантскую неоновую версию алфавита. Заглядываем в чан со студенистой жидкостью, где на алюминиевой пластине покачивается взад-вперед мотор под усиленные динамиками удары человеческого сердца. Смотрим фильм, отснятый на пленке с крупным зерном: пожилая женщина режет яблоко на дольки, процесс перебивается кадрами бегущего по саванне льва. И думаем про себя, что только идиот или ретроград решится спросить, что все это значит. Ясно одно: ни автор, ни музей нам с этим не помогут. Текста на настенной табличке минимум, каталоги только вызывают новые вопросы, ничего не объясняя. И требуется немалая смелость, чтобы поднять руку.

И что делать перед этим? Фиона Баннер. «Еще не написано ни слова» (2007).

Христианство, наоборот, ясно и понятно объясняет, для чего нужно искусство: оно призвано напоминать нам о самом важном. Направлять нас к тому, чем мы должны восторгаться и что должны ценить, если хотим быть здравомыслящими, хорошими людьми и иметь покой в душе. Искусство вновь и вновь показывает нам, что мы должны любить и за что благодарить, а также от чего нам следует держаться подальше и чего бояться.

Искусство как чувственное воплощение идей имеет важнейшее значение для здоровья наших душ. Наверху: Филиппино Липпи. «Поклонение младенцу Христу», (начало 1480х гг.). Внизу: Одри Барду. «Бабушка и дедушка с внуками» (2008).

По определению немецкого философа Гегеля, «искусство происходит из самой абсолютной идеи и... его целью является чувственное изображение абсолютного». Оно, как указывал философ, передает концепции, как обычный язык, только воздействует на нас и через наши чувства, и через разум, отсюда и его уникальная эффективность.

Возвращаясь к одной из уже знакомых тем этой книги: нам нужно искусство, потому что мы такие забывчивые. Мы существа не только разумные, но и телесные, и искусство необходимо нам, чтобы тормозить наше ленивое воображение и объяснять непонятное более наглядно, чем сухие философские доводы. Большинство из наиболее важных идей сглаживаются и упускаются в нашей повседневной жизни, их истинность затирается от небрежного использования. Умом мы понимаем, что должны быть добрыми, прощающими, отзывчивыми, но все эти прилагательные постепенно теряют смысл, пока мы не сталкиваемся с произведением искусства, которое бьет по нашим органам чувств и не позволяет нам уйти, пока мы не вспоминаем, почему эти качества столь важны и необходимы обществу для сохранения его равновесия и благоразумия. Даже слово «любовь» становится стерильным и банальным в отрыве от реальности, но

мы сразу вспоминаем, почему любовь лежит в основе человечности, когда смотрим на современную фотографию бабушки и дедушки, которые за ужином кормят внуков яблочным пюре, или на картину пятнадцатого века, где изображена Дева Мария со спящим сыном на руках.

Мы можем модифицировать изречение Гегеля и привести его в большее соответствие с христианскими постулатами: настоящее искусство – это чувственное воплощение идей, которые имеют наибольшее значение для здоровья и благополучия наших душ. Как раз эти идеи мы более всего склонны забывать, хотя именно они – основа нашего душевного покоя и добродетели.

Роль искусства в ключевые моменты жизни: таволетта.

Христианство никогда не беспокоило, что искусство выполняет образовательную, терапевтическую миссию. Чисто христианское искусство с готовностью принимало на себя функцию пропаганды. Хотя это слово стало одним из самых пугающих в нашем лексиконе – из-за той мрачной роли, которую отвели ему известные и уже ставшие частью истории режимы. – По сути пропаганда – совершенно нейтральная концепция, предполагающая влияние на умы, а не принуждение к действию. Мы можем ассоциировать пропаганду с коррупцией и безвкусными плакатами, но христианство считает ее синонимом использования искусства для

углубленного восприятия таких человеческих качеств, как скромность, дружба и мужество.

С четырнадцатого по конец девятнадцатого столетия римские монахи сопровождали осужденных на смерть к месту казни и держали перед их глазами таволетты – маленькие таблички с изображением какого-нибудь эпизода истории христианства, обычно распятого Христа или Мадонну с младенцем, – в надежде, что эти изображения принесут приговоренному утешение в его последние минуты. Трудно привести более разительный пример веры в искупительную силу образов, однако монахи всего лишь выполняли миссию, которой служит все христианское искусство, – показывать нам наиболее важные идеи христианства в самые трудные для нас моменты: помогать нам жить и умирать.

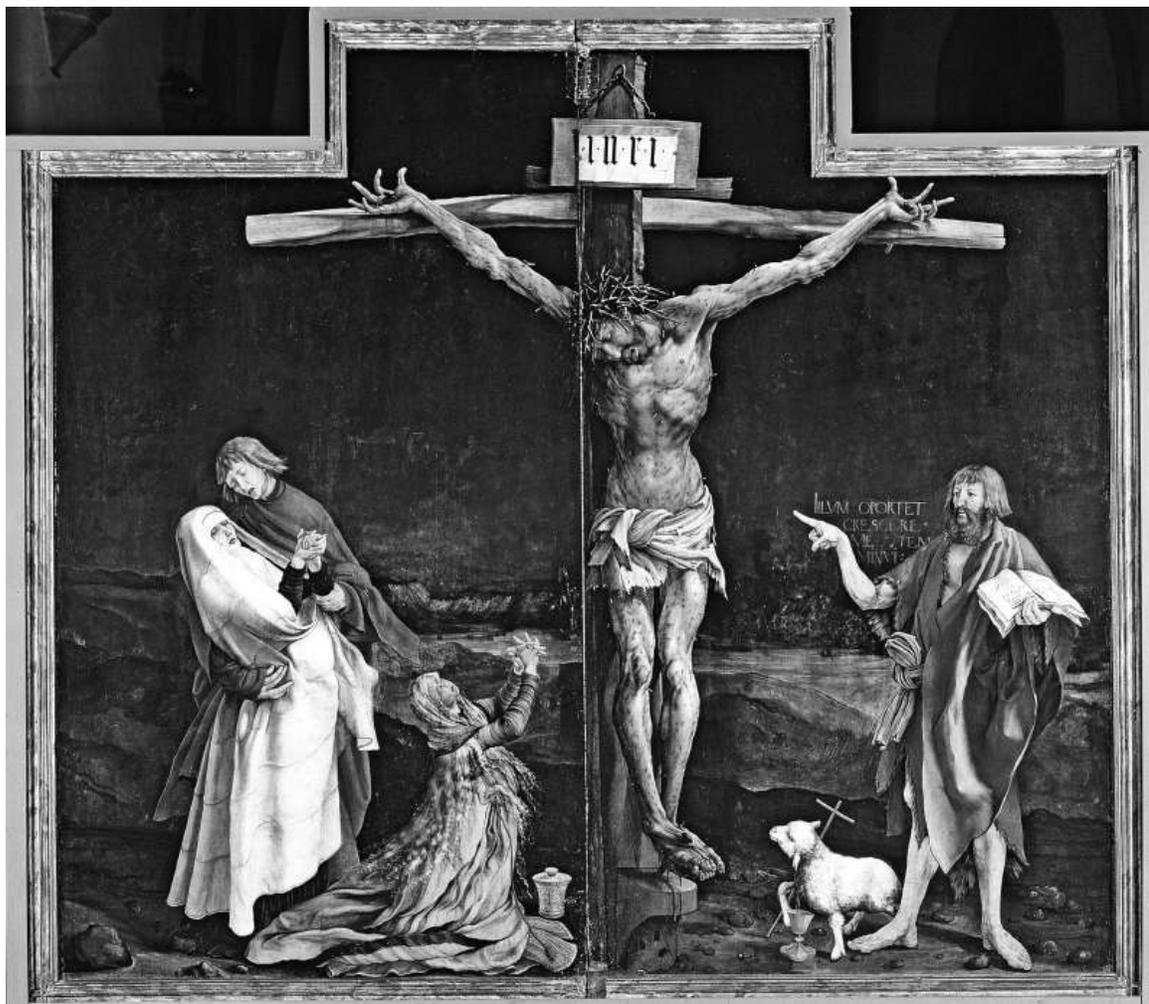
4

Среди самых важных идей нет для христианства более значимой, чем страдание. Мы все в глазах религии изначально ранимые существа, которые не могут пройти по жизни, не столкнувшись с ужасными бедами для разума и тела. Христианство также знает, что любая боль усиливается ощущением, что справиться с ней приходится в одиночку. При этом мы, как правило, не очень-то умеем поделиться нашими проблемами с другими или почувствовать, какие печали скрывают они за собственными бесстрастными масками. Поэтому-то нам и нужно искусство, которое помогает понять нашу собственную боль, осознать то, что ускользает по ходу беспредметного разговора, и вытащить нас из не приносящей никакой пользы самоизоляции в компании наших не самых лучших качеств.

Более тысячи лет христианские художники направляли всю свою энергию, чтобы заставить нас почувствовать, каково это – ощущать, как большие ржавые гвозди пробивают наши ладони, кровь течет из раны в бок, а ноги подгибаются под тяжестью креста, который мы несем, взбираясь по крутому склону. Изображение такой боли не должно быть отвратительным, скорее, оно должно способствовать нашему нравственному и психологическому развитию, усиливать чувство общности и способность к состраданию.

Весной 1512 года Матиас Грюневальд начал работу над запрестольным образом в монастыре Святого Антония в городе Изенгейм на северо-востоке Франции. Монахи этого ордена специализировались на лечении больных, особенно пострадавших от эрготизма (отравления спорыньей), носившего тогда название антонова огня, приводящего к летальному исходу,

сопровождающегося судорогами, галлюцинациями и гангреной. После завершения лечения для пациентов стало традицией по прибытии в монастырь приходить в часовню, чтобы понять, что те же самые страдания, которые они в тот момент испытывали, а может, и большие, выпали на долю Сына Божьего.

Итак, мы все должны знать, что такое страдание, осознавать, что никому из нас его не избежать, и становиться добрее от понимания этого. Матиас Грюневальд. Изенгеймский алтарь (1516).

Это фундаментальный момент для величия истории о страстях Христовых: Спаситель умер в страданиях, которые не доводилось испытывать никому из людей. Он предлагает всем человеческим существам, которые мучаются от болезни или от горя, свидетельство того, что в этом состоянии они не одиноки, освобождая их если не от самого страдания, то от надрывающего душу ощущения, что только они избраны для такого необычного наказания.

Житие Христово – это реестр боли (предательство, одиночество, сомнения в себе, пытка), благодаря которому мы можем оценить и переосмыслить собственную боль, изменить наши представления о ее исключительности. А сформировать такие представления – невелик труд, учитывая, сколь энергично наше общество отмахивается от наших трудностей и окружает нас сентиментальными рекламными образами, которые несут в себе серьезную угрозу, поскольку слишком уж далеки в своих обещаниях от нашей реальности.

Христианство признает способность лучших произведений искусства придавать боли эстетическую форму и, таким образом, снимать тяжесть нашей паранойи и уменьшать отчужденность. Католические художники с давних пор создают циклы картин, известные как «Семь скорбей Девы Марии», которые отражают наиболее болезненные эпизоды жития Марии, от пророчества Симеона до смерти и погребения Христа. Традиция диктует, что верующие должны осмыслять эти произведения и через них лучше понимать испытания, через которые пришлось пройти не только Марии, но и всем матерям этого мира. Пусть и отрицая принципы католицизма, атеисты могут черпать вдохновение в самой идее таких циклов. Мы можем представить себе современных мастеров культуры, взявших на себя труд создать «Семь скорбей родительского бремени», или «Двенадцать скорбей юности», или «Двадцать одна скорбь развода».

Бернард ван Орлей и Педро Кампана. «Семь скорбей Девы», фрагмент (1520–1535).

Искусство смягчает чувства, неподвластные пониманию. Франсуа Кокюрель, фотография из воображаемого цикла «Двенадцать скорбей юности».

Самый знаменитый из католических циклов страданий – четырнадцать стояний креста, который иллюстрирует трагическую финальную главу жития Христа, начинающуюся с Осуждения и заканчивающуюся Уложением во гроб. Размещенные в нишах или на колоннах церкви, Стояния обходят против часовой стрелки, и каждое проливает свет на отдельный аспект страстей Господних.

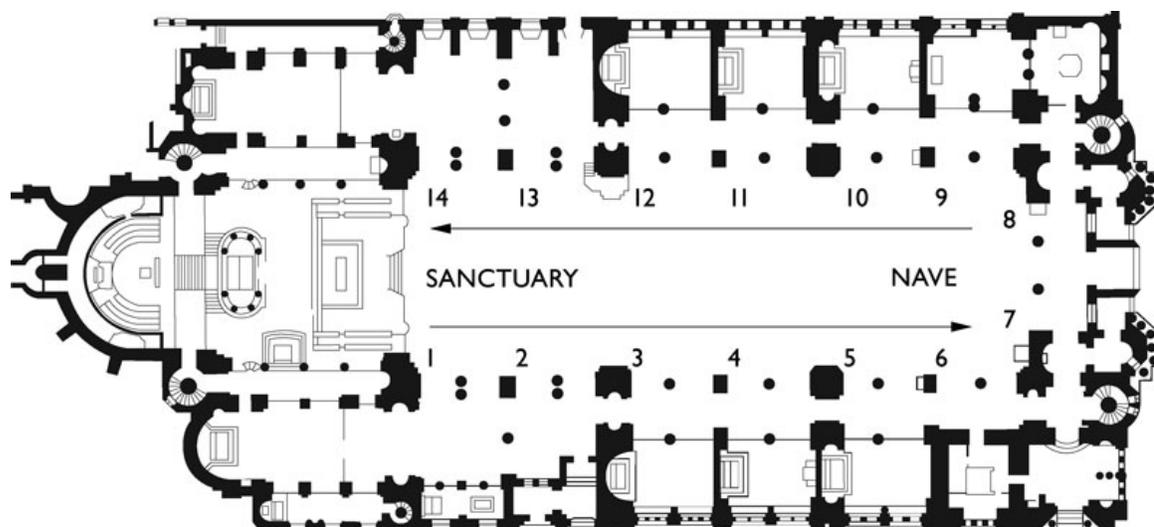
Если смерть Христа можно назвать исключительно варварской, стратегия создания цикла образов мук, снабжение их комментариями и расположение в определенном порядке в специальном месте для размышлений могут оказаться эффективными как для светского, так и для христианского мира. Жизнь по своей природе причиняет нам общие для всех разновидности боли, основанные на общих психологических и социальных параметрах; мы все боремся с проблемами детства, образования, семьи, работы, любви, старения и смерти, многие из которых уже получили полуофициальные названия («подростковые страхи», «послеродовая депрессия», «кризис среднего возраста»). Новые мирские циклы, представляющие печали, могут быть созданы на основе этих «стояний» и четко выразить их закамouflированную природу. Они могут преподать нам уроки о подлинном течении жизни в безопасности и

спокойствии музейного зала до того, как эти события произойдут с нами с характерной для них неистовостью и внезапностью.

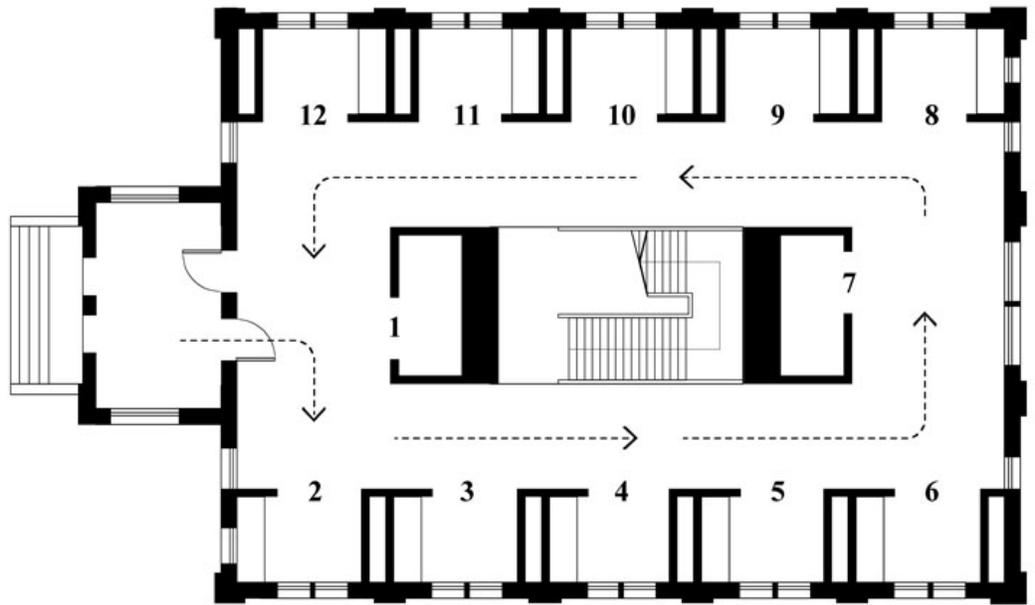
Христианское искусство понимает, что образы важны отчасти и потому, что могут вызывать сострадание, то хрупкое свойство человеческой натуры, которое способно разрушать границы нашего эго и помогает нам узнать себя в деяниях других и почувствовать их боль как свою собственную.

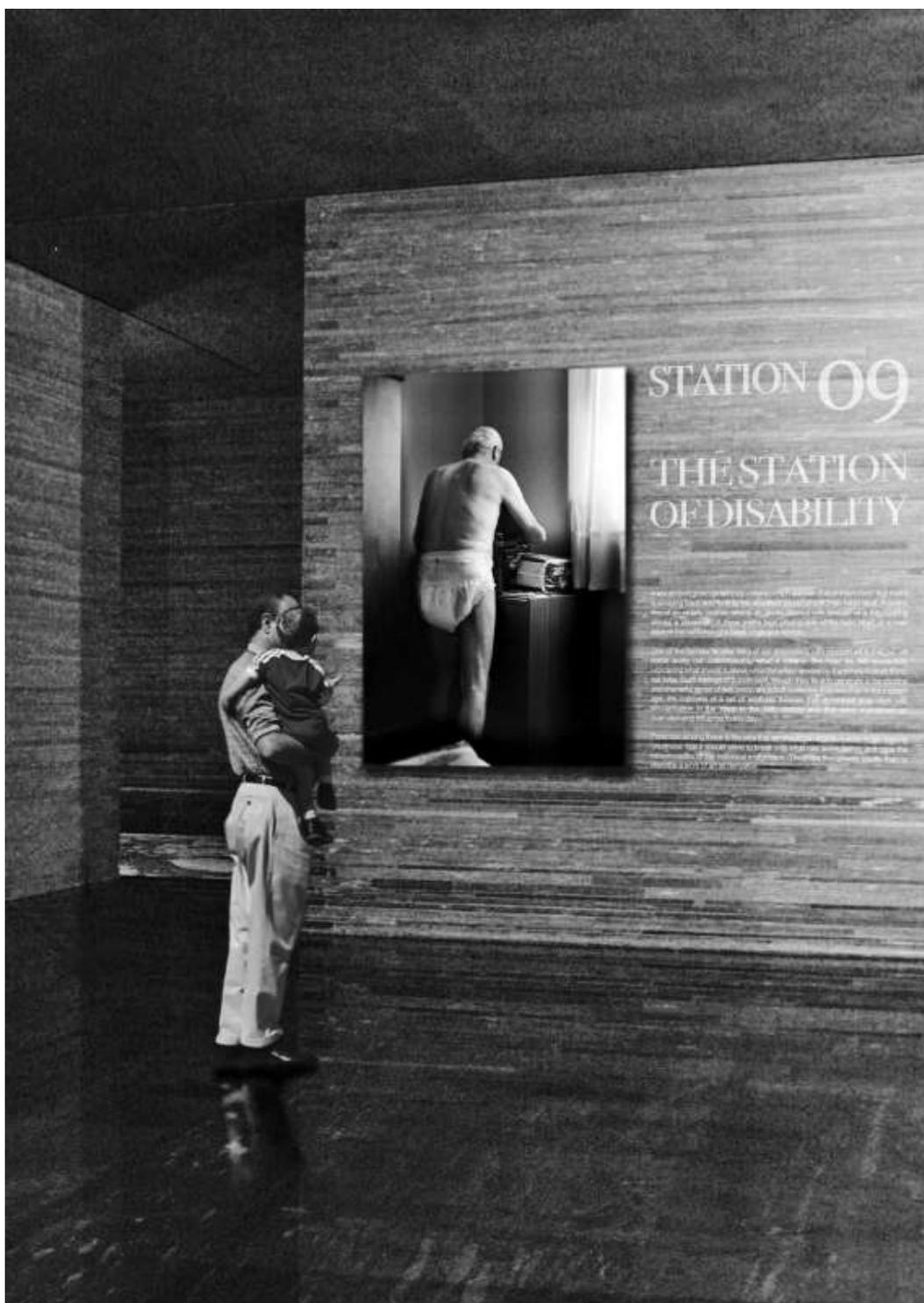
Искусство играет особую роль в этом процессе, на котором, и это не случайно, основана наша цивилизация, потому что нелюбимые предположения, которые возникают у нас в отношении других, – это результат привычки смотреть на всех через кривые очки со стеклами, затуманенными тревогой, изнеможением, страхом. Эти очки скрывают от нас тот факт, что все люди, несмотря на тысячи различий, всего лишь измененные версии нас самих: хрупкие, неуверенные в себе, с множеством недостатков, они также жаждут любви и стремятся получить прощение.

Словно затем, чтобы наиболее отчетливо показать, каково это – быть человеком, и в первую очередь подчеркнуть всеобщую уязвимость перед неудачами, болезнью, насилием, христианское искусство безжалостно возвращает нас к плоти – то в форме пухлых щечек младенца Христа, то к окровавленной, обтягивающей ребра коже его последних часов. Смысл понятен: даже если мы не истекаем кровью на кресте, только из-за того, что мы люди, каждому из нас придется выстрадать свою долю страстей и унижений, каждому предстоит встретиться с ужасными, непреодолимыми трудностями, которые, тем не менее, могут пробудить в нас стремление помочь друг другу. Христианство намекает, что будь наши тела нечувствительными к боли или старению, мы были бы чудовищами.

«Стояние 9: Иисус падает в третий раз», из «Четырнадцати стояний Креста» Эрика Гилла, Вестминстерский кафедральный собор (1918). Надписи на плане собора (слева направо): Алтарь, Неф.

Стояние 9: Стояние немощи из воображаемого мирского цикла «Двенадцать стояний старости». Надпись: Стояние 9: Стояние немощи.

Представляя образы детей, можно добиться того, что в зрителе пробудится дремлющий в нем ребенок. Не случайно, что, за исключением распятия, наиболее частый сюжет в христианстве – младенчество Христа.

Его невинность и нежность выступают разительным контрастом с тем жестоким концом, который уготован ему судьбой. Образы Христа-младенца, спящего на руках у матери, подчеркивают его совет воспринимать всех человеческих существ как детей. Наши враги когда-то тоже были младенцами, требующими неусыпного внимания, спали на животе, от них пахло молоком и тальком.

Микеланджело Буонарроти. «Оплакивание Христа» (1499).

Престон Ганнауэй. «Раковая больная после химиотерапии» (2008).

Хотя разрушительные силы в нас с годами нарастают, хотя мы стараемся отгородиться от сочувствия других, даже в ситуации, когда нас есть за что пожалеть, при нас всегда остается простодушие и отсутствие коварства, с которых мы начали наш жизненный путь. Показывая путь человека от яслей до креста, христианство рассказывает квазиуниверсальную историю о судьбе невинности и мягкости в жестоком мире. Мы в большинстве своем ягнята, которым нужны хорошие пастухи и милосердное стадо.

Слабость нашего неразвитого воображения усиливает потребность в искусстве. Мы зависим от художников, способных изобразить моменты страдания, которые будут постоянно вызывать наше сочувствие, создать условия, необходимые для того, чтобы чувства, которые мы испытываем по отношению к образам искусства, мы когда-нибудь перенесли и на живых людей из плоти и крови, которые окружают нас в жизни.

Наверху: Франсиско де Сурбаран. «Агнец Божий» (1635). Внизу: Элен Левитт. «НьюЙорк» (1940). Точка зрения – вот что разделяет сострадание и безразличие.

Способность сострадать неразрывно связана с углом зрения. В зависимости от того, как мы воспринимаем ситуацию, мы можем увидеть

самодовольного мужа, отчитывающего жену, или двух оскорбленных и униженных людей, которые неспособны должным образом выразить свою печаль; батальон солдат, гордо вышагивающих по городской улице, или испуганную девочку, прячущуюся от захватчиков за дверью; пожилого человека, идущего домой с пакетом продуктов, или бывшего чемпиона мира по плаванию, превратившегося в сгорбленного, высохшего старика, в котором он и сам не может себя узнать.

Глядя на фотографию Элен Левитт, на которой она запечатлела четырех мальчиков, мы, скорее всего, почувствуем желание утешить одного из них, забившегося в угол, который очевидно на грани слез. Возможно, только полчаса назад мать застегнула все пуговицы на его красивом пальто, а теперь на его лице написана невыносимая внутренняя боль. Но совсем иначе эта сцена выглядит с расстояния метра и с позиции другого человека. Для мальчика справа, похоже, самое главное – внимательно рассмотреть игрушку его друга. Он уже совершенно потерял интерес к красиво одетому мальчишке в углу, готовому расплакаться, которому он и его одноклассники ради забавы только что отвесили несколько тумачков, как, впрочем, бывало и в другие дни.

Андреа Мантенья. «Распятие» (1459).

Точно так же сострадательный отклик на изображенной Андреа Мантенья панораме, открывающейся с вершины холма, зависит от отношения к Голгофе. Начало второй половины солнечного дня, легкие облачка на синем небосводе кажутся очень милыми солдату, беззаботно шагающему домой с копьем на плече, который думает только об омлете или куриной ножке, которые подадут на ужин. Глядя на лежащую внизу долину, с виноградниками и реками, он не слышит привычных стонов преступников, распятых на крестах. Для других солдат, сидящих на земле, главный вопрос в день смерти Сына Божьего – кому достанутся пять денариев в игре, которая идет на лицевой поверхности щита.

Спектр возможных перспектив в любой ситуации – и, соответственно, спектр точек зрения наблюдателя – показывает ответственность, которая ложится на создателей образов: направлять нас к тем, кто заслуживает, но зачастую не удостоивается нашего сочувствия, кто остался, чтобы засвидетельствовать случившееся, хотя гораздо проще было убежать. Важность этой задачи объясняет привилегированное положение, которое занимает в христианской традиции святой Лука, святой покровитель художников, который, согласно легенде, первым нарисовал Распятие и в дальнейшем создавал христианское искусство при помощи кистей и красок, рисуя то, что римские солдаты предпочитали не замечать.

Хотя вокруг серьезного вопроса, какого художника следует считать хорошим, всегда велись жаркие споры, религия предлагает меньше критериев, и они более простые: хорошим художником, по религиозным стандартам, является тот, кто способен успешно оживить важнейшие нравственные и психологические истины, которым постоянно грозит опасность потерять свое влияние на нас в суеете обыденного существования. Христианские художники знают, что их технические навыки – передача света и тени, композиция, цветовая гамма – и прекрасное владение материалом служат главной для них задаче: вызвать в нас этический отклик, чтобы наши глаза могли обучать наши сердца.

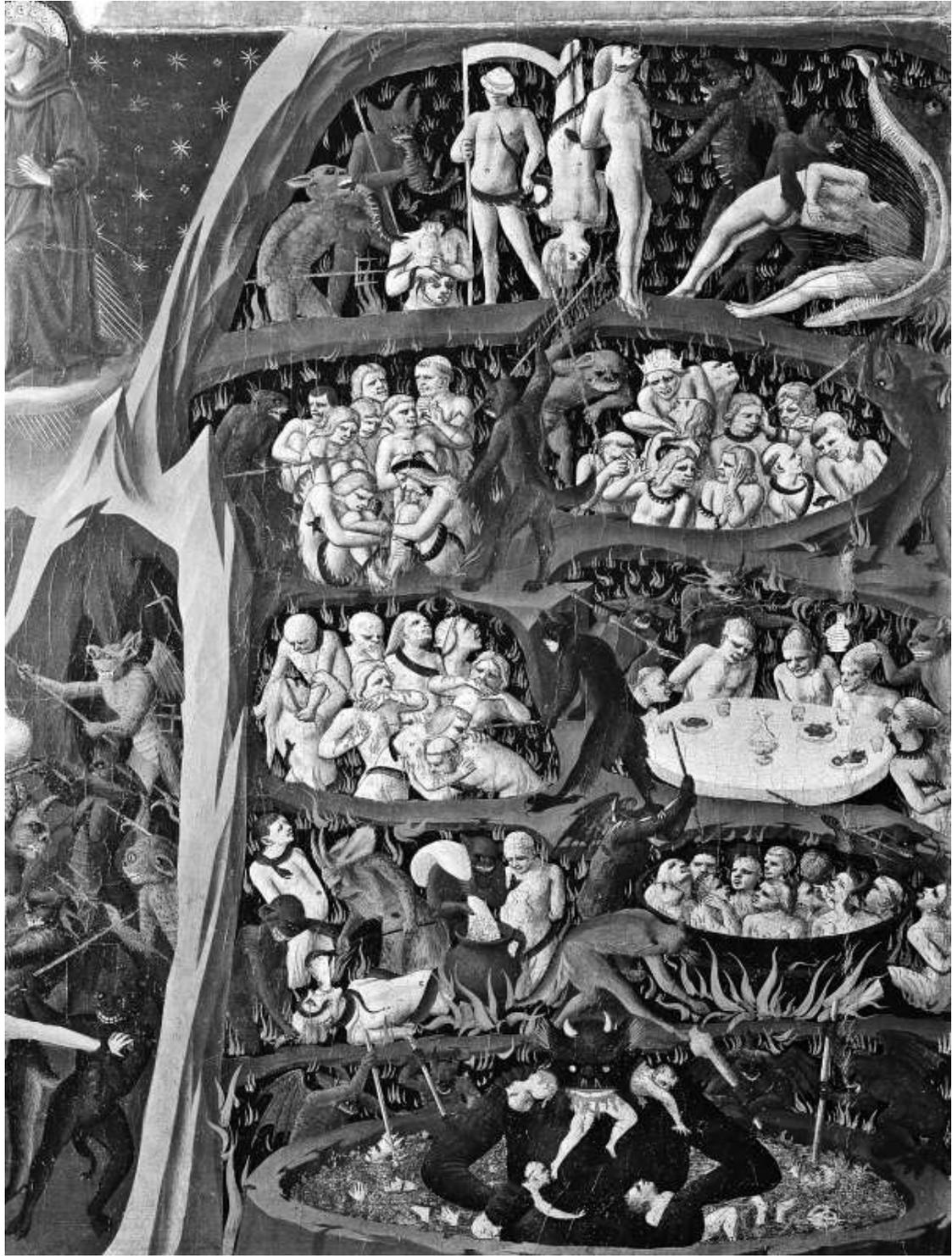
Напоминание о том, что есть храбрость. Рембрандт ван Рейн. «Христос во время шторма на море Галилейском» (1633).

Все визуальные штампы противодействуют этой миссии. Самая большая сложность для идей, которые лежат в основе сострадания, состоит в том, что они не какие-то уникальные и особенные, а наоборот, слишком очевидные. Само их здравомыслие и повсеместность лишают их силы. Если

взять словесную параллель, мы тысячу раз слышали, что надо любить наших соседей, но рецепт теряет свое влияние, если его без конца бездумно твердить.

То же происходит и с искусством: самые драматические сцены, нарисованные без таланта и воображения, вызывают лишь безразличие и скуку. И поэтому задача, стоящая перед художниками, – найти новые пути, чтобы заставить нас широко раскрыть глаза, глядя на утомительно знакомые, но по-прежнему важные образы. История христианского искусства знает нападки гениев на великие истины древности – сколько раз те пытались доказать, что зрители, потрясенные новизной, будут куда податливее к исправлению своего несовершенства, глядя на милосердие Марии, верность Иосифа, мужество Христа или жестокость иудейских властей.

Все эти усилия имеют двойную цель, в полном соответствии с основными принципами христианства: пробуждать отвращение к злу и усиливать любовь к добру. В обоих случаях эффект от посредственных произведений сомнителен, и не только по эстетическим причинам, но потому, что они неспособны вызвать соответствующие эмоции и побудить к действию. Не так-то легко по-прежнему ярко и достоверно изобразить ад: такая попытка может привести к появлению еще одного полотна с горячей плотью, вроде бы и ужасного, но уже никого не трогającego. Требуется нечто большее, чем сцены насилия, чтобы пробудить в нас отвращение к жестокости. Еще одно изображение седьмого круга ада или еще одна фотография с полей боевых действий сектора Газа... пробуждают лишь скуку, пока талантливое произведение искусства не заставит нас застыть столбом перед образом, который примет нас и покажет, что на самом деле стоит на кону.

Даже ад может наскучить, если внимание рассеивается. Нужны талантливые художники, чтобы вызывать нравственный отклик, иначе мы теряем связь с произведением искусства.

Наверху: Фра Анджелико. «Страшный суд» (1435).

Внизу: Абид Катиб. «Больница в Шифе, сектор Газа» (2008).

Если изображение зла постоянно требует новых форм, чтобы помочь нам осознавать его силу, точно так же надо поступать и с добром. Соответственно, христианские художники без устали стараются представить добродетель яркой и живой, прорваться сквозь наши скептицизм и усталость от окружающего мира, показать нам образы людей, при взгляде на которые у нас возникнет желание хоть чуточку больше походить на них.

Естественно, христианское искусство охватывает не все темы, которые не следует забывать ради здоровья наших душ. И того, что оно игнорирует, немало: роль самодисциплины, необходимость развлечений, важность понимания хрупкости природы. Но охват – не главное. Христианство ставит перед искусством более узкую, чем светский мир, но крайне важную цель:

изображать добродетели и грехи и напоминать о том, что важно, но забывается в повседневной рутине.

Христианство предлагает держаться нескольких главных тем и позволяет художникам достичь совершенства исключительно через толкование этих тем.

Наверху: Жан-Оноре Фрагонар. «Отдых во время бегства в Египет» (1750).

Внизу: Тициан. «Бегство в Египет» (1504).

Что удивительно, христианство и думать не думало, что художники будут сами решать, что им нарисовать. Теологи и богословы формулировали наиболее важные темы, которые затем передавались художникам и скульпторам, чтобы те придали им убедительные эстетические формы. Церковь никогда не считала, что мастерскому владению ремеслом – умению превратить пятно краски в руку, а кусок камня – в волосы – должно сопутствовать умение отыскивать смысл жизни. Церковь не считала Тициана глубоким философом. Так что, возможно, мы требуем слишком многого от наших мирских художников, утверждая, что они должны не только поражать наши чувства, но и служить генераторами глубоких философских и нравственных идей. Наше искусство может только выиграть от более тесного сотрудничества мыслителей и художников, от союза блестящих идей и их мастерского отображения.

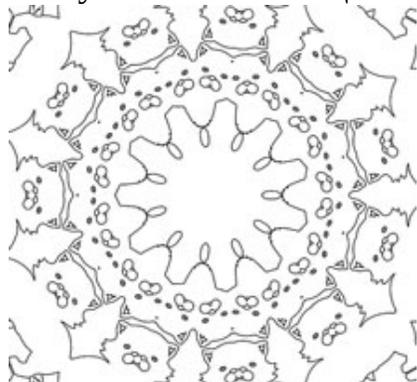
Христианство мудро не настаивало на том, чтобы концепции, которые стоят за произведениями искусства, постоянно менялись. Есть и куда более вредные для искусства предубеждения, чем уверенность, будто понятие «великое произведение» непременно включает оригинальность темы. Христианские художники могли и свободно проявлять свой талант, хотя им

приходилось ограничиваться заданным набором сюжетов – от Благовещения до Успения. Индивидуальность может проявляться и в жестких тематических рамках, освобождающих от романтического требования быть оригинальным.

Конкретный набор образов, воплощающих конечный перечень идей, не означает, что они должны выглядеть одинаково. Взять хотя бы версии «Бегства в Египет» у Тициана и Фрагонара. Между этими картинами нет ничего общего. Точно так же мнимые «Печали измены», запечатленные современным фотографом Джеффом Уоллом, выглядят совсем не так, как цикл фотографий на эту же тему его коллег Филипа-Лорки Ди Корсия или Алека Сота.

Хотя до сих пор мы очень редко рассматривали современное мирское искусство и только через призму фотографии, концепция, согласно которой искусство служит средством напоминания о важных вещах, в полной мере приложима и к абстрактным произведениям.

Хотя порой бывает сложно сказать, в чем смысл той или иной абстракции, мы достаточно ясно ощущаем заложенные в них идеи; когда речь идет о великих работах, мы делаем их частью нашей жизни по той же причине, что и фигуративное искусство: они затрагивают темы, которые всегда должны быть у нас перед глазами, поскольку нам это необходимо, но существует постоянная опасность, что мы упустим их из виду. Мы чувствуем такие добродетели, как сила и мужество, в стальных конструкциях Ричарда Серры. От формальной геометрии Агнес Мартин веет спокойствием, тогда как скульптуры Барбары Хепуорт из камня и дерева звучат как настоящие поэмы о биоритмах природы.

Работу современного абстрактного художника, скажем, Ричарда Лонга (внизу) от традиции буддийской мандалы (наверху) отличает одно: в произведении Лонга нет литургии, она не говорит нам, о чем мы должны думать, когда смотрим на нее, а потому, несмотря на внешнюю красоту, она рискует вызвать недоумение или скуку. Несмотря на устойчивое предубеждение против самой идеи наставлений, произведения искусства несколько не потеряли бы в значимости, если бы к ним прилагалась инструкция для пользователя.

Буддизм логично предположил, что восприятие абстракции можно усилить, если думать о чем-то конкретном, когда мы ее рассматриваем. К примеру, когда перед нами сложные рисунки мандал, нам предлагают сузить диапазон их возможных истолкований и сконцентрироваться на изображении, как образном представлении гармонии вселенной, описанной в буддийской теологии. Религия дает нам еще и мантры, которые мы должны повторять, когда смотрим на мандалу, наиболее распространенная и известная из них: «Ом мани падме хум» (в переводе с санскрита буквально: «О, жемчужина, сияющая в цветке лотоса!», иносказательно трактуется как «великодушие – просветление – терпение – усердие – отречение – мудрость»), которые устанавливают добродетельный круг: наши глаза обогащают наш разум, а наш разум направляет наше зрение.

Вдохновившись тяжеловесными, но продуктивными указаниями буддизма, мы можем попросить более четко объяснить нам многие произведения искусства, о каких из важных идей они хотят нам напомнить, чтобы избавить нас от колебаний и недоумения, которые без таких объяснений они у нас вызывают. Несмотря на устойчивое предубеждение против дидактики как таковой, произведения искусства несколько не

потеряли бы в значимости, если бы к ним прилагалась инструкция для пользователя.

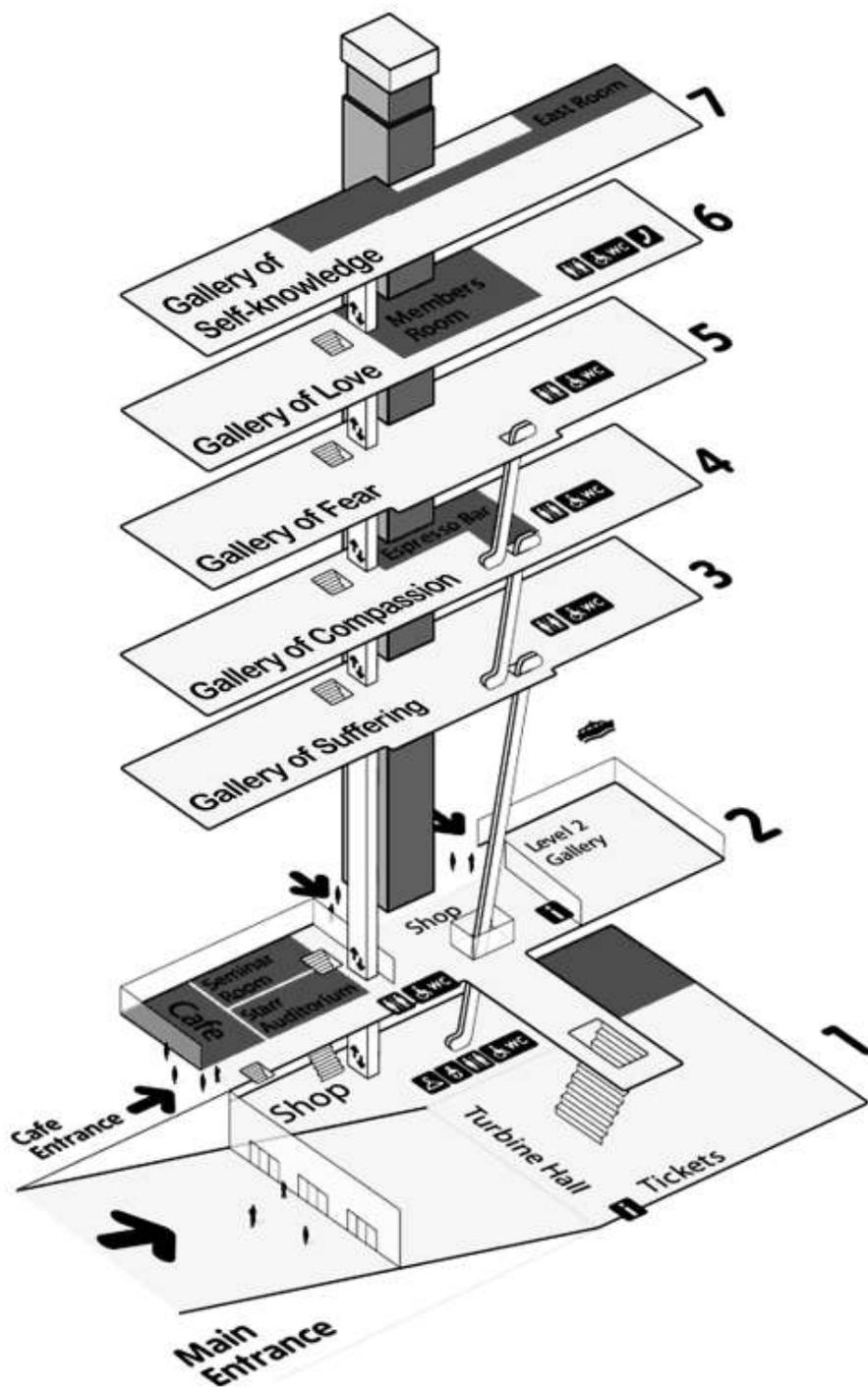
Предлагая нам заново обдумать темы и цель искусства, религия также рекомендует нам пересмотреть категории, по которым распределены произведения художников и скульпторов для ознакомления с ними. Современные музеи обычно предлагают нам посетить залы под названием «Деятнадцатый век» или «Школа Северной Италии», которые отражают академические традиции, в рамках которых кураторы выставок получили свое образование. Однако такой подход отвечает внутренним потребностям посетителей музеев не больше, чем деление литературы по разделам, скажем, «Американский роман девятнадцатого века» и «Поэзия Каролингов» соответствует нуждам читателей.

Куда больше пользы принесет расположение произведений искусства не по жанрам и столетиям, а согласно потребностям наших душ. Музейные экскурсии поведут нас по залам, каждый из которых своим визуальным воздействием попытается напомнить нам – с помощью ясных табличек и каталогов – о важных идеях, имеющих прямое отношение к различным проблемам нашей жизни. Это будут залы, посвященные очарованию простоты (Жан-Батист Шарден), целительной силе природы (Жан-Батист Коро, Мейндерт Хоббема, Альберт Бирштадт, Юань Цзян), достоинству изгнанника (Капсгар Давид Фридрих, Эдвард Хоппер), радости материнского вскармливания (Барбара Хепурт, Мэри Кассат). Прогулка по такому музею наверняка поможет вспомнить кое-что из того, что легче всего забывается, но что совершенно необходимо держать в голове.

Для подобного переустройства музеев можно черпать вдохновение в интерьере венецианского собора Санта-Мария Глорियोза деи Фрари (Во славу святой Девы Марии от братьев). Пренебрегая всеми принципами академической системы, Фрари взяла на себя труд убаживать наши души весьма эклектичным собранием произведений искусства, включая фреску Паоло Венециано (1339), статую Иоанна Крестителя работы Донателло (1438), «Мадонну на троне со святыми» Джованни Беллини и большой алтарный образ кисти Тициана «Мадонна с Младенцем и шестью святыми» (1516–1518). В этом здании собраны вместе скульптура, живопись, работа по металлу и витражи разных столетий и регионов, потому что совместное воздействие произведений искусства на наши души религия полагает более

важным, чем период создания этих произведений и стилистические особенности их создателей.

Если принимать во внимание цель искусства, то нынешний порядок в современных музеях на самом деле полнейший *беспорядок*. Научные традиции классификации работ, на основе которых работают музеи, сортируют произведения искусства по месту и времени их создания, группируют по категориям «Школа Венеции», или «Школа Рима», или «ландшафты» и «портреты», или разделяют по жанрам: фотография, скульптура, живопись, именно по этой причине музеи не могут обеспечить реальное воздействие на эмоциональном уровне и, таким образом, очень далеки от действительно трансформирующей силы искусства, какую мы видим в церквях и храмах.

Новая галерея «Тейт модерн», Лондон. Если бы музеи действительно захотели стать нашими новыми церквями, искусству не потребовалось бы меняться: изменился бы только принцип компоновки и показа произведений. Каждый зал сосредоточился бы на одной из важных эмоций нашей жизни.

Надписи на схеме (сверху вниз):

Зал самопознания

Зал любви

Зал страха

Зал сочувствия

Зал страдания

Вход в кафе, магазин, зал второго уровня

Главный вход, магазин, фойе, билеты

Это серьезная задача – перестроить концепцию наших музеев, чтобы искусство начало служить потребностям психологии так же эффективно, как оно столетия служило теологии. Кураторы должны решиться преобразовать вверенные им пространства, чтобы они больше не напоминали мертвые хранилища шедевров прошлого. Кураторы должны заставить произведения искусства помогать нам жить: углублять самопознание, помнить о прощении и любви, чувствовать боль, от которой страдают наши ближние, и думать об опасностях, которым подвергается наша планета. Музеи должны стать чем-то большим, чем выставками красивых предметов. Они должны стать местом, где красивые предметы используются для того, чтобы сделать нас добрее и мудрее. Только тогда музеи смогут заявить, что они реализовали благородный, но пока недостижимый для них замысел: стать нашими новыми церквями.

Глава 9

Архитектура

1

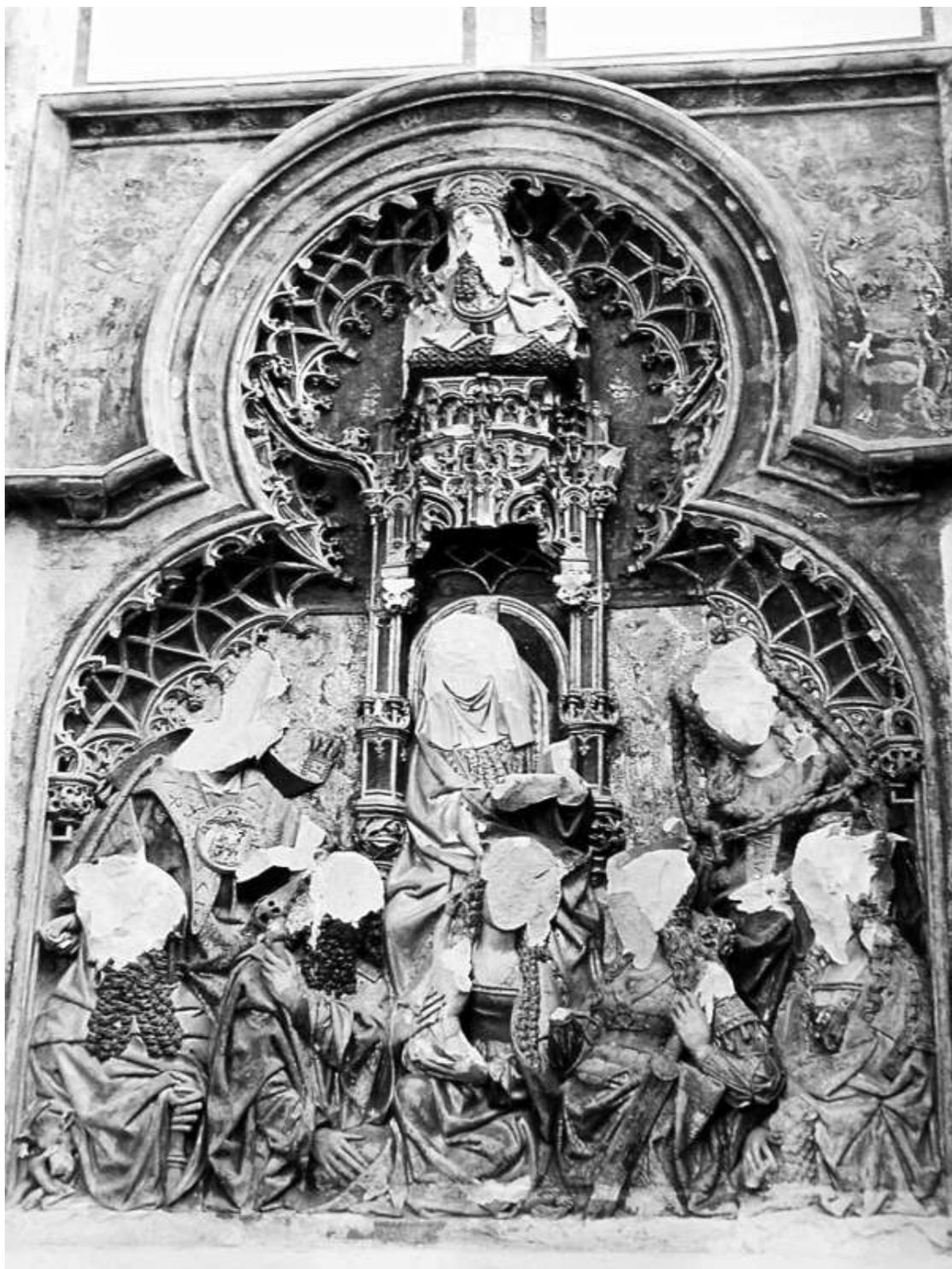
Учитывая, какими уродливыми стали огромные пространства современного мира, возникает вопрос, действительно ли важно, как выглядит все вокруг нас, принимался ли во внимание внешний вид административных зданий, заводов, складов и портов теми, кто владеет этими сооружениями или использует их. Предположительно, ответ – нет. Глупо, неправильно и даже опасно слишком зависеть от того, что находится перед глазами. В противном случае большую часть времени мы будем глубоко несчастны.

С точки зрения закона строительство – одно из направлений частного предпринимательства. Главное тут – кому принадлежит участок земли, а не те, кому придется смотреть на постройку и мучиться. Юридическая система не признает чувственных ощущений прохожих. Жалоба, что жилой дом или мотель оскорбляют глаз, не относится к категории того, что нынешние проектировщики чтят или хотя бы учитывают. В результате, чтобы не смотреть на городские ландшафты, нам приходится опускать взгляд в землю, потому что современный мир решительным образом в мирском смысле *протестантский*.

Укореняясь в первой половине шестнадцатого века в Северной Европе, протестантство демонстрировало крайнюю враждебность к визуальным искусствам, критиковало католиков за их сложные и богато украшенные храмы. «Дабы прийти к Богу-Творцу, нам необходимо руководство и наставление Святого Писания», – настаивал Жан Кальвин, формулируя антиэстетическую позицию своих многочисленных последователей. Что имело значение для протестантов, так это написанное слово. Именно его, а не изощренной архитектуры было достаточно, чтобы привести к Богу. В комнате с голыми стенами можно служить с Библией не менее ревностно, чем в нефе кафедрального собора, украшенном драгоценными камнями. Действительно, существовал риск, что визуальная роскошь, принятая в католицизме, пышное убранство католических соборов соблазнят предпочесть красоту святости. Так что неудивительно, что Реформация

сопровождалась случаями вандализма, когда разбивали статуи, сжигали картины, у алебастровых ангелов отбивали крылья.

Барельефы кафедрального собора Святого Мартина в Утрехте, изуродованные во время иконоборчества реформаторов в шестнадцатом веке.

Протестанты выставляли ограничения своим архитекторам, требуя создания строгих и простых ангаров, способных укрыть прихожан от

непогоды, чтобы те читали Библию, не отвлекаясь на особенности самого здания.

Прошло немного времени, и католицизм перешел в наступление. После Тридентского собора в 1563 году папа опубликовал Декреты Тридентского собора и «Тридентское исповедание веры», где, в частности, утверждалось, что, несмотря на нечестивые заявления протестантов, соборы, скульптуры и картины являются неотъемлемой частью задачи, решение которой позволяет наставлять верующих и поддерживать у них привычку помнить и постоянно мысленно повторять символы веры. Вместо того, чтобы отвлекать, культовая архитектура служила напоминанием о священных истинах: была чем-то вроде религиозных стихов, исполненных в камне, дереве и фрагментах цветного стекла. Чтобы довести до верующих этот аргумент, католическая церковь развернула обширную программу строительства и украшения. Рядом с невзрачными безликими залами, где собирались протестанты, поднималось новое поколение соборов, призванных вдохнуть жизнь в пошатнувшуюся веру. Потолки расписывались образами небес, в нишах толпились святые, стены над фресками, изображавшими чудеса слуг Христовых, украшала лепнина.

Слева: церковь в замке Хартенфельс, Торгау (1544). Справа: церковь Во Имя Иисуса, Рим (1584).

Чтобы оценить эстетические разногласия, благодаря которым между двумя христианскими конфессиями разверзлась пропасть, достаточно сравнить раннюю протестантскую церковь в замке Хартенфельс в Торгау, Германия (1544) с уникальной фреской («Триумф имени Иисуса») на плафоне римской церкви Во Имя Иисуса/Chiesa del Gesu (1584), где написанные особым образом плоскостные фигуры создают иллюзию, что они парят под потолком и даже отбрасывают на него тень.

Отстаивая важность архитектуры, католицизм приводит довод, и трогательный и тревожный одновременно. Суть его сводится к тому, что мы страдаем повышенной чувствительностью к окружающему миру и подвергаемся воздействию всего попадающего на глаза, и эту нашу чувствительность протестантизм предпочитает либо не замечать, либо не принимать во внимание. Католицизм утверждает, что хорошая архитектура необходима, чтобы стремиться стать хорошими людьми и оставаться ими.

Корни уважения католицизма к красоте можно проследить до работ неоплатоника Плотина, который в третьем веке нашей эры четко сформулировал связь между красивым и хорошим. Для Плотина качество того, что нас окружает, важно потому, что прекрасное далеко отстоит от праздного, бессмертного или «привлекательного». Красота указывает нам на такие добродетели, как любовь, доверие, разумность, доброта и справедливость, она – это материальное воплощение великодушия. Разглядывая прекрасные цветы, колонны или стулья, согласно философии Плотина, мы обнаруживаем в них свойства, которые ассоциируются с нравственными качествами и могут усилить их в наших сердцах, действуя через наши глаза.

При этом Плотин аргументировал и то, как серьезно следует относиться к безобразному. Уродство не просто следствие неудачного стечения обстоятельств, а проявление зла. Уродливые здания – и есть те самые недостатки, которые вызывают у нас отвращение на этическом уровне. Так же, как и людей, уродливые здания можно описать в таких терминах, как грубый, циничный, самодовольный и сентиментальный. Более того, мы не менее уязвимы к их воздействию, чем к дурным поступкам наших знакомых. И то, и другое апеллируют к самым темным сторонам нашей личности, ненавязчиво поощряя нас совершать зло.

Не случайно, конечно же, что именно в протестантских странах Европы начался тот разгул уродства, которое стало типичным для всего современного мира. Манчестер, Лидс и другие подобные им города обрушили на своих жителей уродство беспрецедентных масштабов, словно проверяя на них верность утверждения Жана Кальвина, мол, искусство и архитектура никак не влияют на состояние души, так что богоугодную жизнь можно вести и в лачуге с видом на угольную шахту, лишь была бы Библия под рукой.

Этой идеологии брошен вызов: католицизм вновь оказал ей мощное сопротивление. Когда архитектор девятнадцатого века, Огюст Пужен,

ревностный католик, рассматривал новые ландшафты индустриальной Англии, он критиковал их не только за внешний вид, но и за способность уничтожать человеческую душу. На двух иллюстрациях он показал типичный английский город, сначала представив, как бы он выглядел в пятнадцатом веке при эстетическом, уважающем красоту католическом подходе, и потом, четыре столетия спустя, при жизни архитектора, безнадежно испорченный домами для рабочих, зданиями заводов и фабрик. По мнению Пужена, протестантизм откровенно продвигал сомнительную, но очень влиятельную (особенно среди застройщиков) концепцию, что можно уничтожить внешнюю красоту города, нисколько не повредив душам его жителей.

Достаточно легко обвинить Пужена в откровенной поддержке одной стороны и надуманном эстетизме, но что еще больше пугает и вызывает озабоченность, так это вероятность того, что он прав, если не в части критики протестантизма, но, по крайней мере, в его оценке влияния на нас визуальных форм. Вдруг наш разум черпает информацию не только из книг, которые мы читаем? А если на нас оказывают влияние дома, больницы и фабрики, которые мы видим вокруг? Так неужели у нас нет веских оснований протестовать против уродства... и, несмотря на тысячу препятствий, стремиться строить здания, которые позволят нам развивать в себе лучшее, благодаря их красоте?

Среди неверующих, собственно особенно среди неверующих, обычное дело скорбеть об ушедших днях великой церковной архитектуры. Часто приходится слышать, что те, кто не проявляет ни малейшего интереса к религии, восторгаются культовыми зданиями: каменной кладкой возведенных на холмах церквей, шпилями, возносящимися над темнеющими полями, возможно, честолюбием тех, кто возводил храм для хранения книги (иудаизм) или одного из коренных зубов просветленного святого (буддизм Теравады). Однако подобные ностальгические размышления всегда заканчиваются неохотным признанием, что исчезновение веры неизбежно влечет за собой и ненужность храмов.

Может ли уродство вредить нашим душам? Католический город (наверху) против протестантского (внизу) от Огюста Пужена. «Контрасты» (1836).

Понятна мысль, стоящая за этим допущением: там, где нет Бога или божеств, восхвалять некого, следовательно, нет нужды подчеркивать чье-то величие посредством архитектуры.

Однако из этого утверждения никоим образом не следует вывод, что конец нашей веры в священное означает конец нашей привязанности к духовным ценностям или нашего желания строить для них дом, жилище в форме архитектурных сооружений. В отсутствие богов у нас все равно остаются этические идеалы, которые надо закреплять и восхвалять.

Любое из того, что мы почитаем, но склонны слишком часто не замечать, заслуживает создания собственного «храма». Вполне могут быть храмы, посвященные весне или доброте, душевному равновесию и размышлениям, прощению и самопознанию.

Как может выглядеть храм без божества в нем? На протяжении всей истории человечества религия ревностно устанавливала универсальные правила относительно возведения таких зданий. Если говорить о средневековом христианстве, то все соборы в плане напоминали крест с осью восток – запад, чашами с водой для крещения в западном конце нефа и алтарем в восточном. По сей день буддисты Юго-Восточной Азии считают, что их архитектурные поползновения должны реализовываться через создание полусферических ступ с зонтиками от солнца и круговыми террасами.

Что касается мирских храмов, нет никакой необходимости следовать каким бы то ни было канонам. В данном случае единственным храмовым признаком будет то, что они посвящены добродетелям, необходимым для благополучия наших душ. Но поскольку любую из добродетелей можно чтить разнообразными способами, реализацию идеи почитания можно оставить на усмотрение архитектора и его спонсоров. Приоритет следует отдавать поиску новой типологии здания, а не разработке конкретных образцов.

Тем не менее, чтобы продемонстрировать подход, мы можем предложить несколько возможных идей по части мирских храмов наряду с несколькими архитектурными стратегиями, их дополняющими.

Храм Перспективы

Учитывая, какую часть нашей жизни мы тратим, преувеличивая собственную значимость и масштаб обид и неудач, от которых мы страдаем, одним из главных приоритетов в новой храмовой архитектуре будет ответ на нашу потребность в правильной перспективе.

Мы, похоже, не можем преодолеть искушения завышать все, что с нами связано: как долго мы живем на этой земле, сколько значат наши достижения, как редки и несправедливы наши профессиональные неудачи, насколько часто происходит недопонимание в наших взаимоотношениях с людьми, как глубоко наши печали. Мелодрама неизменно присутствует в повестке дня каждого из нас.

Религиозная архитектура может сослужить хорошую службу в преодолении нашего эгоизма (надо отметить, весьма болезненного, хотя и ошибочного) в силу своей способности изменять наши представления о размерах нашего тела (следовательно, и восприятия «размера» нашей

личности), играя с расстояниями, материалами, звуками и источниками освещения. Иные кафедральные соборы огромных размеров и сложены из массивных, кажущихся очень древними камней, или очень темные, потому что свет струится только из высокого окна-розетки, или очень тихие, если не считать отрывочных звуков воды, капающей в глубокий бассейн с большой высоты, и мы можем почувствовать, что нам с редким и завораживающим изяществом показывают наше собственное ничтожество.

Преимущества ощущения себя маленьким. Тадао Андо. Христианская церковь света. Ибараки, Япония (1989).

В таком унижении – среди людей и каждодневно – конечно же, нет ничего приятного. Но если почувствовать себя маленьким заставляет тебя что-то могучее, благородное, совершенное и тактичное, нам открывается мудрость вместе с немалой долей радости. Есть храмы, которые убеждают нас расстаться со своим эгоизмом, ни в коей мере не испытывая при этом унижения. Там мы можем отбросить наши обычные представления и смириться (такое мы никогда не решимся сделать, находясь под прямым огнем других человеческих существ) с нашей ничтожностью и посредственностью. Можем взглянуть на себя со стороны, более не чувствуя ран, которые наносит нам наша самооценка, ощущая безразличие к нашей

возможной судьбе, можем раскрыться перед вселенной и осознать, сколь мало зависит от нас ее движение.

Такие чувства могут посещать нас и в не религиозных зданиях: в массивной узкой башне из почерневших от времени бревен, в бетонной пустоте, ушедшей на пять этажей под землю, или в маленькой комнате, где вдоль стен выставлены окаменелые раковины аммонитов, обитавших в тропических морях Лаврентии (ныне восточная часть Северной Америки и Гренландия) в палеозойскую эру, за триста миллионов лет до того, как наш более-менее узнаваемый предок научился стоять на двух ногах или выдолбил из бревна каноэ.

Храм Перспективы, чья конструкция может представлять собой возраст Земли, на каждый сантиметр которой будет приходиться миллион лет. При высоте 46 метров в башне, ближе к основанию, может найтись место золотому слою толщиной в миллиметр, который будет являть собой период существования человечества.

Новый храм Перспективы может воспользоваться некоторыми из идей, на которых базируются научные музеи и обсерватории. Стены могут украшать палеонтологические и геологические экспонаты, потолок и крышу – астрономические инструменты. Но важным отличием его от этих институтов будет уровень амбиций. Как научный музей, храм Перспективы будет стараться подтолкнуть нас к осознанию (которое в повседневной жизни всегда под угрозой) размеров, возраста и сложности вселенной, но, в отличие от научного музея, не будет прикидываться, будто цель его – дать нам основы научных знаний. Храм не будет волновать тот факт, что его посетители не смогут уловить разницы между триасовым и кембрийским периодами, что так подробно объясняют музейные работники, но большинство слушателей забывает еще до того, как доберется до автомобильной стоянки. Наука здесь будет присутствовать в общих чертах и лишь для того, чтобы пробудить благоговение перед вечностью, а не для расширения кругозора, к науке будут обращаться за ее терапевтическим, обеспечивающим правильную перспективу воздействием, а не за конкретными фактами.

Храм Размышлений

Одна из неожиданных болезней современного века: невиданный доселе доступ к огромным объемам информации за счет сокращения нашей способности на чем-либо сосредоточиться. Глубокое, всепоглощающее раздумье, которое принесло так много важных открытий цивилизации, оказалось теперь почти недоступно. Мы практически постоянно находимся рядом с машиной, которая гарантирует нам гипнотический и сладострастный побег от реальности. Ощущения и мысли, которые мы загоняем вглубь, пока смотрим на экран, остаются невостребованными, чтобы потом отомстить произвольными подергиваниями и все нарастающей бессонницей, когда мы наконец отправляемся в постель.

Поскольку в архитектуре нас тянет к стилям, обладающим качествами, недостаток которых мы ощущаем в самих себе, не приходится удивляться, что мы готовы соблазниться чистыми и свободными пространствами, где раздражители сведены к минимуму, местами, где визуальное поле умело ограничено несколькими камнями, или ветвями дерева, или клочком неба, где стены крепкие, материалы прочные, а услышать можно только ветер или журчащую воду.

Храм Размышлений по самому замыслу предназначается для уединения. Простое место, предлагающее гостям пару скамей, открывающийся вид и намек, что они должны заняться какой-нибудь из тревожащих их проблем, которые в повседневной жизни они вынуждены подавлять.

Только в век «Блэкберри» все большее число людей наконецто начало осознавать, для чего изначально создавались монастыри. Церковь в ГугейнБарре, графство Корк, Ирландия (1879).

Существует дьявольски прямая взаимосвязь между масштабностью идеи и нервозностью, которая охватывает нас при необходимости ее обдумать. Можно не сомневаться, что нам нужно подумать о чем-то чрезвычайно важном, если сама мысль о том, чтобы остаться одному, кажется невыносимой. По этой причине религия всегда настоятельно рекомендовала своим последователям проводить какие-то периоды времени в тишине и уединении, какие бы неприятные эмоции это поначалу ни вызывало. Современный храм Размышлений должен придерживаться этой философии, создавая идеально спокойные условия для размышлений, позволяя дождаться тех редких озарений, от которых зависит наше успешное продвижение по жизни, но которые обычно пробегают по нашему вечно отвлеченному сознанию редко и быстро, точно пугливая лань.

Место ожидания застенчивых, ускользающих озарений, храм Размышлений.

Храм Духа места

Одна из наиболее интересных особенностей религии Римской империи состояла в том, что она не только требовала поклонения общим богам, таким как Юнона и Марс (их храмы стояли по всей империи, от Адрианова вала до Евфрата), но разрешала восхваление множества местных божеств,

которые отражали топографические или культурные особенности регионов. Этим духам-покровителям, известным как «genii locorum», ставились храмы за способность, известную сразу или приобретенную со временем (и иногда привлекавшую путешественников из дальних краев), лечить болезни души и тела. Духи с побережья к югу от Неаполя, к примеру, особенно хорошо помогали в избавлении от меланхолии, тогда как дух-покровитель колонии Юлия Эквестрис (современный Ньон на берегу Женевского озера) имел особый талант успокаивать тех, кого изнурили превратности политической и торговой жизни.

Как и многое другое, казавшееся разумным в римской религии, христианство адаптировало традиции genius loci, благодаря чему установило аналогичные связи между конкретной местностью и ее лечебными свойствами, только предпочитая говорить не о храмах, а о церквях, не о духах – а о святых. Карта средневековой Европы пестрела святыми местами (где церкви очень часто возводились на фундаментах римских храмов), обещавшими верующим облегчение от физических и душевных болезней, благодаря контакту с определенными частями тела умерших христианских святых.

Паломническая карта средневековой Европы

Надписи на карте:

Альтёттинг, Германия. Оберег от чумы/Staving the Plague (Дева Мария)

БадМюнстерайфель, Германия. Чрезмерная боязнь грозы/Excessive Fears of Lightning (святой Донат)

БарриосдеКолина, Испания. Бесплодие/Infertility (святой Иоанн (Хуан) де Ортега)

Бакстон, Англия. Чудесные излечения/Miracle Healings (святая Анна)

Шартр, Франция. Отравление спорыньей/Burning Disease (святой Антоний)

Аббатство Конк, Франция. Солдаты перед битвой/Soldiers before a Battle (святая Вера [Фуа])

Дубровник, Хорватия. Болезни горла/Throat Problems (святой Власий)

Херефорд, Англия. Паралич/Palsy (святой Этельберт)

Ларшан, Франция. Безумие/Madness (святой Матурин)

Лурд, Франция. Чудесные излечения/Magical Healing (святая Бернадетта)

Моркомблейк, Англия. Болезни глаз/Sore Eyes (святая Гвен (Кандида, Бланка))

Падуя, Италия. Потерянные вещи/Lost Things (святой Антоний Падуанский)

Рим, Италия, церковь Святого Лаврентия. Больной коренной зуб/Painful Molar (святая Аполлония)

Сполето, Италия. Несчастные в браке женщины/Unhappily Married Women (святая Рита из Кашии)

Виндзорский замок (Королевская часовня), Англия. Головные боли/Headaches (Добрый король Генрих [IV])

Непреходящая духовная серьезность сувенирной продукции: образок четырнадцатого века из церкви Святого Томаса Бекета, Кентерберри.

Верующие знали, что, к примеру, если болят зубы, следует отправиться в церковь Святого Лаврентия в Риме и прикоснуться к мощам руки святой Аполлонии, которая покровительствовала здоровым зубам. Несчастные в

браке женщины отправлялись в Умбрию, чтобы посетить церковь Святой Риты из Кашии, которая покровительствовала разрешению различных семейных проблем. Солдаты верили, что могут укрепить дух перед битвой, прикоснувшись к мощам святой Веры, хранившимся в золоченой раке в церкви аббатства Конк на юго-западе Франции. Женщины, у которых возникали проблемы с кормлением грудью, могли найти помощь и утешение в храме Святого Грудного Молока в Шартре. Тем, кто чрезмерно боялся грозы, рекомендовалось посетить немецкий городок Бад-Мюнстерайфель, где они могли положить руки на мощи святого Доната, избавляющего от страха перед молнией и громом.

Добравшись до нужного храма, пилигримы первым делом направлялись в ближайшие лавки, где продавались отлитые из воска модели беспокоящих частей тела – от ног, ушей и грудей до пенисов и даже душ (в виде младенцев). Войдя в храм, пилигримы ставили свои покупки на алтарь, могилы или раки, преклоняли колени в молитве и просили святых о помощи.

Потом пилигримы снова шли в лавки. Следуя утверждению Кирилла Иерусалимского, жившего в четвертом веке, что носовой платок, который соприкасался с телом мученика, навеки обретает чудодейственную силу, эти лавки начали предлагать самые разнообразные товары из ткани. Кроме того, в ассортименте имелись маленькие стеклянные пузырьки с пылью, собранной с пола у могил, которые могли помочь в несчастье. Монах-бенедиктинец, которого звали Гвиберт Ножанский, сообщает, что один его знакомый, который случайно проглотил лягушку и чуть не задохнулся, был чудесным образом исцелен ложкой пыли с могилы святого Марсея, епископа Парижского. Но чаще всего гостям предлагалось приобрести отлитые из свинца образки с ликом святого, чьим мощам приходил помолиться пилигрим. Как говорили о короле Франции Людовике Одиннадцатом, который посетил все известные храмы своей страны, его шляпу украшали образы святых, которые он всегда целовал, когда прибывали хорошие или плохие новости.

И пусть сегодня редко кто готов отправиться пешком за сотню километров, чтобы избавиться от страха перед грозой, путешествие, тем не менее, остается центральным мотивом многих мирских идей. Наши поездки играют важную роль в закреплении важных внутренних сдвигов. Пока мы можем называть их ценными, а не святыми, будут оставаться места, способные спасти поврежденные части наших тел благодаря уединенности, спокойствию, тишине, красоте или культурному богатству.

К сожалению, мы лишены надежного метода поиска этих редких и целительных мест. В этом опять, как столь часто случается в секулярном

мире, когда дело касается наших эмоциональных потребностей, нам недостает структуры, которую ранее предлагала религия. Туристические агенты полагают себя ответственными только за организационные проблемы – подбор маршрута с минимальным временем ожидания между рейсами, скидки на авиабилеты и стоимость проживания в отелях – и практически не помогают клиентам отыскать дорогу к тем местам, которые принесут ощутимую пользу их внутреннему миру. Нам нужны туристические агенты, тонко чувствующие психологическое состояние клиента, которые смогут почувствовать, чего нам не хватает, и направить нас в те далекие – или не очень – края, способные нас излечить, агенты, которые отправят нас в путешествия, связанные с укреплением тех качеств, которые мы ценим, но не можем обрести в достаточной мере дома.

Мы все больше страдаем от недостатка храмов. Прибыв в пункт назначения, мы редко знаем, что нам теперь делать. Бродим по кругу в поисках точки опоры. Жаждем чего-то важного, хотим найти место, куда можем пойти, чтобы прикоснуться к сущности *genius loci*, но в отсутствие выбора, как правило, заканчиваем унылым осмотром музея, стыдясь за свое неодолимое желание вернуться в отель и улечься в кровать.

Психотерапевтическое туристическое агентство излечит душевные расстройства с помощью тех уголков нашей планеты, которые в наибольшей степени для этого подходят.

Насколько больший терапевтический эффект приобретали бы наши путешествия, если бы они включали в себя посещение местного мирского святилища или храма, архитектурного творения, призванного определить и усилить те достоинства, что связаны с этим местом. Внутри мы могли бы оставить восковые изображения наших забот и инфантильности, пытаясь таким образом зафиксировать цель нашего путешествия, а снаружи, в ряду маленьких лавчонок, нам продали бы вдохновляющие символы трансформирующей мощи места, в которое мы прибыли издалека.

Один из таких храмов может быть посвящен энергии мегаполиса, другой – очищающему спокойствию пустынной тундры, третий – яркости тропического солнца. Эти храмы могли бы стать домами для избегающих нас в любом другом месте *genii locorum* и сообщая научить нас использовать путешествие как средство излечения, а не источник развлечений и релаксации.

Нет необходимости перечислять все трудности, преодоление которых могло бы взять на себя новое поколение храмов. Они могут быть самыми разными, отвечая потребностям наших душ.

Речь лишь о том, что мы должны возрождать и продолжать традиции религиозной архитектуры, проектируя мирские храмы таким образом, чтобы продвигать важные идеи и абстрактные темы, обходясь без святилищ с бестелесными божествами.

В той же степени, что и церковные шпили в небесах над средневековыми городами, эти храмы должны напоминать нам о надеждах. Они могут различаться по стилю, размерам и формам, это могут быть и хижины, и ангары, их можно изготавливать из переработанных покрышек или слитков золота, они могут выпирать из стен офисных зданий или располагаться в освещенных гротах под нашими улицами, но все эти храмы должно объединять древнее устремление культовой архитектуры: на время помещать нас в тщательно структурированное трехмерное пространство, чтобы обучать наши души и восстанавливать их спокойствие.

Глава 10

Институты

а) Книги против институтов

1

Когда в конце восемнадцатого столетия атеисты и скептики начали нападать на религию, прежде всего это происходило через книги. В печатных изданиях задавались вопросом, действительно ли мертвец может откатить могильный камень и без посторонней помощи воспарить в верхние слои атмосферы, может ли юная девственница забеременеть от Святого Духа, выигрывались ли битвы благодаря вмешательству ангелов, излечивалась ли боль в ухе прикосновением к берцовой кости святого мученика (святой Корнелий). И стремились завершить свои доводы выражением надежды, что придет день, когда человечество сумеет заменить суеверия основанными на здравомыслии идеями, восхищаться достижениями науки, философии, литературы и поэзии.

Хотя эти скептики показали себя ехидными и занимательными критиками веры, им не удалось осознать фундаментальной разницы между ними и их врагами: последние не полагались только на публикацию книг для обеспечения своего воздействия на человечество. Они использовали *институты*, организовывали огромное количество людей на общие действия по всему миру, привлекая для этого произведения искусства, здания, школы, униформы, лозунги, ритуалы, монументы и календари.

Излагая такие идеи в книгах, тираж которых ограничивался несколькими сотнями экземпляров, в лучшем случае тысячами, авторы едва ли рассчитывали на многое, учитывая ограниченность своей аудитории по сравнению с масштабом влияния и охватом, который имели институты в разработке и продвижении своих идей и норм поведения. В «Республике» Платон трогательно описывает границы (он знал это по собственному опыту), в которых вынужден находиться одинокий мудрец, отмечая, что мир не будет устроен правильно, пока философы не станут царями или цари – философами. Другими словами, одних книг недостаточно, если хочешь изменить мир. Мыслители должны учиться овладевать мощью институтов для продвижения своих идей, чтобы дать им шанс широкого распространения в мире.

Однако мирские мыслители, к сожалению, долго относились к институтам с подозрением, у истоков которого лежит романтический взгляд на мир, повлиявший на культурную жизнь с девятнадцатого века. Романтизм

научил нас насмехаться над громоздкостью и узостью кругозора институтов, над их склонностью к деградации и терпимостью к посредственностям. Идеалом философа был свободный дух, находящийся вне рамок любой системы, презирующий деньги, далекий от обыденности, гордящийся неспособностью прочесть балансовую ведомость.

Если даже сегодня внутренняя жизнь людей находится под большим влиянием библейских пророков, чем мирских философов, причина по большей части в том, что последние сознательно не желают создавать институциональные структуры, через которые их идеи, касающиеся души, можно успешно донести до более широкой аудитории. Те, кому есть что сказать алчущей душе, обычно не располагают необходимой аудиторией, не имеют стабильной работы и возможностей распространять свои мысли с помощью средств массовой информации. И пока такие беспечные индивидуумы-практики заняты, можно сказать, надомным производством, организованные религии внедряются в наше сознание со всей мощью и изощренностью, которыми располагает институциональная система.

Современный мир, разумеется, не свободен от институтов. Он наполнен торгово-промышленными корпорациями невероятных размеров, у которых немало черт, делающих их похожими на религиозные институты. Но корпорации сосредоточены исключительно на наших внешних, физических потребностях, на продаже автомобилей и обуви, пиццы и телефонов. Главное отличие от них религии в следующем: обладая общей мощью, сравнимой с современными корпорациями, стремящимися увеличить продажи мыла или картофельного пюре, она обращается именно к тем внутренним потребностям, которые светский мир оставляет на откуп неорганизованным и уязвимым индивидуумам.

Отсюда и задача: через изучение религиозных институтов создать такие мирские организации, которые утолят потребности души с мощью и умением корпораций, в настоящее время занятых утолением наших физических потребностей.

Среди фундаментальных уроков, которые преподают нам религии как институты, – масштаб преимущества, возникающего от умелого соединения в единое целое денег, ума и авторитета.

Если романтизм воспекает героев-одиночек, религия знает, что человеку практически невозможно чего-то добиться, если у него нет соратников. Вне организации мы можем время от времени обрести краткий

миг славы, но никогда не сумеем поставить наши достижения на крепкий фундамент, постоянно тиражируя наши откровения или перекидывая мост через наши слабости. Единоличное авторство не может быть долговременным ответом на решение сложных и важных проблем. Следует задаться вопросом, почему в том, что касается души, мы продолжаем верить в кустарные, индивидуальные методы сборки, хотя давно уже отказались от них при производстве лекарств или самолетов.

Есть еще вопрос и средств к существованию. Институты освобождают своих членов от унижений и ужасов одинокого торговца. Их способность концентрировать капитал, распределять его между проектами и накапливать десятилетиями помогает пережить тяжелые времена, вкладывать необходимые средства в исследования, маркетинг, подбор персонала и техническое оснащение.

Что бы современные демократы ни говорили о своей приверженности свободе слова и разнообразию мнений, ценности конкретного общего непостижимым образом соответствуют ценностям организаций, у которых есть деньги на тридцатисекундные рекламные ролики в вечернем выпуске новостей.

Масштаб оказывает аналогичное влияние и на подбор персонала. Богатые институты могут привлекать лучших представителей поколения вместо того, чтобы опираться на слепо верующих или бездумно приверженных идее. Они обращаются к большому и психологически здоровому массиву кандидатов, которых собственные доходы и уровень комфорта интересуют в той же степени, что и благосостояние остального человечества.

Преимущества институциональной заботы о потребностях души: отец Крис Вайперс слушает исповедь в церкви Святого Лаврентия. Фелтэм, Англия (2010).

Рассмотрим, соответственно, жизненные пути Фомы Аквинского и Фридриха Ницше. Какие-то различия в их судьбах можно списать на относительную психическую устойчивость обоих, но причину немалой доли хладнокровия Аквината следует искать в благодатной духовной и материальной атмосфере Парижского университета, где он занимал пост *Magister Regens* (член совета факультета), да и потом, когда он снова вернулся в Италию, где большую часть времени провел в должности советника по богословским вопросам и «чтеца» при папской курии, судьба к нему благоволила. Ницше же, наоборот, жил (по его собственным словам), как тот, кто «ненавистен народу, как волк собакам... Выгнать его из его убежища – это называлось всегда у народа «чувством справедливости». Проект, которому он посвятил жизнь, – замена христианской морали светской идеологией, основанной на философии, музыке и литературе, – не получил поддержки немецкого академического сообщества девятнадцатого века, вынудив философа к затворничеству. И хотя его часто славят как замечательный пример героического индивидуализма, философ, по правде говоря, с радостью поменял бы свою изоляцию на университетскую кафедру, где его идеи могли бы оказать значительно большее влияние на мир.

Институты имеют дополнительное преимущество в том, что могут предоставить человеку постоянный статус просто на основе его принадлежности к институту, избавив от необходимости зарабатывать из года в год на жизнь. Мыслитель-одиночка может состариться – или, как Ницше, давно умереть, – прежде чем мир заметит, что хорошая идея появилась у кого-то, кто не имеет корпоративного статуса. В рамках института все его члены могут пользоваться его репутацией, созданной знаменитыми предками и поддерживаемой эффектными зданиями и ловкими бюрократическими процедурами. Они могут получить древний чин – настоятель или архидьякон, звание профессора или должность министра – и использовать для благих целей ресурсы и авторитет, накопленные структурой, которая куда больше и сильнее, чем любой человек.

Многие, наверняка, возразят, что современное общество уже располагает всеми необходимыми ему институтами. На практике, однако, люди, тянущиеся к, по определению католицизма, *cura animarum*, или «заботе о душе», но чувствующие, что им не подходят способы, которые предлагает церковь, вынуждены довольствоваться тем, что обретают достаточно стабильный круг коллег, достаточный для нормальной жизни доход и стабильную и пользующуюся уважением профессию. Свидетельством того, как глубоко волнует нас эта проблема, является тот

факт, что даже теперь мы стремимся найти для Ницше какую-то свою профессиональную нишу.

Еще одна важная особенность институтов – способность объединять усилия своих членов через знакомый им всем визуальный словарь. Здесь вновь стратегии религии и коммерческих корпораций пересекаются. Крест на стене церковного здания или агнец на алтарном покрове позволяют говорить о том, что христианство с давних пор практикует использование «бренда», что свойственно и современным корпорациям. На самом деле все с точностью до наоборот: это корпорации усвоили уроки идентификации, преподанные религией.

Самая важная функция бренда – внедрять в сознание постоянный символ. Институты уверены, что появление их логотипа на далеком горном склоне или на вершине небоскреба, на простыне или на плаще тут же заявит об определенном наборе ценностей, который этот логотип олицетворяет, обещая полное соответствие этим ценностям.

Враг бренда – местное разнообразие. Здесь мы тоже чувствуем определенную напряженность между идеализмом и институциональными ценностями, потому что идеализм ценит особенное, самобытное, сделанное вручную и неожиданное, тогда как институты терпеть не могут провинциальной самодеятельности. Они видят в ней не трогательные изменения указаний из центра, а прискорбные отклонения от установленных стандартов. Такие изменения считаются порчей, ленью, глупостью, отказом от первоначальных честолюбивых замыслов. Чтобы отсечь всякую личную инициативу, инструкция для новичков, поступающих на работу в «Макдональдс корпорейшн», занимает триста страниц, где подробным образом изложены варианты действий сотрудников на все случаи жизни, даже самые невероятные. В инструкции указано, где следует прикреплять бейдж с именем, как улыбаться посетителям, сколько майонеза добавлять под верхнюю горбушку бургера. Компания не верит, что без должного руководства и точных указаний ее сотрудники все сделают правильно.

Воображаемое отделение брендовой сети психотерапии. Почему только телефоны и шампуни должны пользоваться преимуществами сетевого маркетинга?

Ключевая надпись – talkingcure... («лечение разговором», англ.).

В этом, по крайней мере, «Макдоналдс» имеет много общего с католической церковью, которая аналогично проводила немало времени в борьбе за единообразие службы на всей огромной территории ее влияния и среди множества священников. Принятые коллективно указы церкви – определяющие все, вплоть до мелких деталей, скажем, какое вино использовать при причастии и какого цвета башмаки при этом следует надевать священнику, – свидетельствовали о стремлении придерживаться установленных стандартов и в самых отдаленных приходах. После четвертого Латеранского собора, проведенного папой Иннокентием III в 1215 г., церковь постановила (явно раздраженная частотой, с которой нарушались установленные ею правила), что церковнослужители не должны

появляться на представлениях мимов, певцов или актеров. Им запрещалось входить в таверны, кроме как по необходимости, когда они путешествовали. А прежде всего не допускались никакие вольности в прическе, указывалось, что «выбритая макушка должна быть всегда».

И пусть такие декреты казались слишком строгими, они помогали установить и поддерживать единые стандарты ритуала и его отправления, чего верующие ожидали от церкви точно так же, как мы все теперь ожидаем от корпораций.

Особенность современного мира, о которой можно только сожалеть, заключается в том, что большинство наших самых обычных потребностей (к примеру, в шампунях и увлажняющих кремах, а также в соусах для макарон и солнцезащитных очках) удовлетворяются превосходно управляемыми корпорациями, тогда как наши специфические нужды оставлены на откуп неорганизованных и непредсказуемых одиночек. Для наглядной иллюстрации практического эффекта от «брендового» контроля качества достаточно сравнить неоднородную и неорганизованную систему оказания психотерапевтической помощи с изящно обставленным ритуалом исповеди в католической церкви. Исповедь, регламентированная до мелочей с конца четырнадцатого столетия, благодаря папским буллам и энцикликам, а также руководствам, выпущенным Ватиканом, может служить образцом унифицированного и отлаженного механизма, какие стали нормой для сферы потребления только в середине двадцатого века. Все, от расположения исповедальни до тона священника, четко регламентировано, гарантируя католикам от Мельбурна до Анкориджа, что их желание облегчить душу будет удовлетворено в полном объеме. От ближайшего мирского эквивалента такого ждать не приходится. Нынешняя практика психотерапии ни в чем не может похвастаться постоянством – ни в интерьере помещений, где проводятся сеансы, ни в таких мелких, но важных деталях, как запись на автоответчике, ни в одежде психотерапевта при встрече с пациентом. И последним не приходится удивляться, если в кабинете окажется домашний любимец психотерапевта, или во время сеанса туда заглянет ребенок, или придется заполнять какие-то бумаги.

Добившись узнаваемости, многие корпорации приступают, по терминологии маркетинга, к «расширению бренда», процессу, когда компания, застолбив место в одном коммерческом секторе, приходит со своими ценностями в следующий. К примеру, компании, начинавшие с

пошива костюмов, в какой-то момент понимают, что их разработки подойдут и к ремням, и к солнцезащитным очкам, откуда уже рукой подать до производства мебели, а затем открытия ресторанов, строительства квартир и, наконец, целых курортных зон. Эти компании прекрасно понимают: их клиенты сохранят верность всему набору товаров и услуг лишь при условии, что красоту и качество, прельстившие их в галстук, они найдут и в ножке стула, и в закуске, и в номере отеля.

Однако инерция или ненужная скромность останавливает наиболее динамичные современные компании от продвижения своих брендов во все сферы человеческих потребностей, а если говорить применительно к текущей дискуссии, от использования своего опыта в верхней части знаменитой пирамиды потребностей по Маслоу. Вместо этого корпорации предпочитают располагать свои магазинчики у ее основания, по мелочам изменять в лучшую сторону качество услуг и продуктов, созданных с тем, чтобы мы спали, ели или передвигались со всеми удобствами, оставляя без внимания наши желания лучше понять себя, обрести новые знания, любить, расти над собой. Странно, к примеру, что страсть «БМВ» к надежности и прочности не простирается дальше бамперов автомобилей и не приводит, скажем, к основанию школы или политической партии. Или корпорация Джорджио Армани решительно проходит мимо возможности включить в свой состав психотерапевтическую клинику или основать гуманитарный колледж.

Продвижение бренда: Джорджио Армани и Мохамед Алаббар, глава «Эмаар пропертис», на открытии отеля «Армани» в Дубае, март 2010 г.

Идеологические движения, что вызывает не меньшее сожаление, не замечены в попытках продвижения брендов. Они даже не представляют себе, что их идеи могут генерировать соответствующие услуги и продукты в материальном мире, а ведь благодаря своим материальным эквивалентам они становились бы нам более понятны.

Главное отличие религии в том, что она решилась продвигать свой бренд в самых разных сферах человеческой деятельности, от сугубо интеллектуальной и теологической до эстетической, не чураясь ни производства одежды, ни кулинарии. Христианство, буддизм, иудаизм достигли успехов не только в распространении важнейших идей о спасении человечества, но и в организации домов отдыха, где можно провести свободные от работы дни, создании радиостанций, ресторанов, музеев, лекционных залов и линий пошива одежды.

Поскольку мы все телесные существа, наделенные как органами чувств, так и разумом, любые концепции оказывают на нас влияние, лишь приходя к нам по множеству разнообразных каналов. И только религия, похоже, правильно понимает, что мы не можем адекватно воспринимать идеи, если в дополнение к книгам, лекциям и газетам они не будут воздействовать на нас через нашу одежду, еду, песни, интерьер наших жилищ и даже ванны, в которых мы купаемся.

Один из способов описания действий компаний и религии – формирование нового товара, когда производимая в незначительных количествах, мало кому известная продукция трансформируется в узнаваемые, нужные, полезные и хорошо представленные товары.

Мы достаточно хорошо знакомы с этим процессом на примере корпораций, торгующих материальными вещами: снова и снова компании прочесывают мир в поисках редких потребительских товаров, и мы с завидной регулярностью получаем чай и перец, киви и папайю, родниковую воду и масло жожоба. Религия демонстрирует аналогичные стратегии в духовном мире через использование ритуалов, сохраняя события и чувства, которые в ином случае остались бы потерянными и забытыми, а с помощью религии обрели собственные имена и конкретное место в календаре.

Нам всем случалось смотреть в ночное небо в сентябре, когда притяжение планет делает Луну особенно яркой и близкой. Мы можем

недолго полюбоваться ее великолепием, а потом вернуться к нашим обыденным делам. Но те из нас, кто не является астрономом или космонавтом, едва ли пытались сделать из увиденного какие-то выводы или уделить несколько минут размышлениям об увиденном.

Заранее оговоренное время для любования луной: смотровая площадка, используемая в праздник цукими. Императорская вилла Кацура, Киото.

Однако для дзен-буддистов Японии ритуал, называемый *цукими*, целиком посвящен любованию на Луну. Каждый год в пятнадцатый день восьмого месяца японского лунного календаря верующие собираются после наступления темноты вокруг специально сконструированных конических наблюдательных платформ, где несколько часов читают вслух молитвы, используя Луну как образ для отражения представлений Дзен о временности. Зажигаются свечи, готовятся клецки из риса, которые называются *цукими данго*, которыми угощают незнакомцев. Атмосфера одновременно праздничная и серьезная. Это ощущение осознается и поддерживается церемонией, архитектурой, хорошей компанией... и созданием безопасного места в жизни каждого японского дзен-буддиста.

Религия привносит размах, постоянство, массовость в то, что могло остаться маленьким, неприметным, частным. Эти мелочи наполняют наше

внутреннее пространство, те самые наши составляющие, которые идеализм предпочитает не упорядочивать из опасения, что мы потеряем свою уникальность. Религия не оставляет наши чувства на откуп томикам поэзии или эссе, понимая, что голос книг слишком тихий в этом шумном мире. Когда приходит весна, иудаизм берет нас за душу с силой, недоступной Вордсворту или Китсу: когда зацветают деревья, верующим положено собираться под открытым небом с раввином и вместе читать *Биркат Иланот*, ритуальную молитву из Талмуда, восхваляя руку того, кто создал цветы: «Благословенен будь, Владыка наш Господь, Царь вселенной, Который не оставил этот мир ущербным и сотворил в нем творения хорошие и деревья хорошие, чтобы люди наслаждались ими» (Талмуд, Берахот, 33:2).

Хотя современный мир поощряет нас чувствовать все спонтанно и как нам того хочется, религия куда мудрее и заранее вводит даты в наши календари: иудейский весенний праздник Биркат ха-Иланот.

Нам нужны институты, чтобы способствовать развитию и защищать те чувства, к которым мы искренне тянемся, но для которых у нас, легко отвлекающихся и недисциплинированных, без поддерживающей структуры и системы активных напоминаний не находится времени.

Романтический взгляд на мир видит в формировании конкретного типа товара утрату разнообразия, качества, спонтанности. Но этот процесс в своих лучших проявлениях позволяет хрупким, редким, но важным аспектам нашего существования с большей легкостью проявляться и находить отклик в душах огромного количества людей. Те из нас, кто не разделяет религиозной веры в сверхъестественное, все равно нуждаются в регулярных ритуальных встречах с такими категориями, как дружба, общность, благодарность и непостижимость. Нельзя полагаться на индивидуальную способность прийти к ним. Нужны институты, которые покажут нам, что эти вещи необходимы, и предложат их нам в привлекательной упаковке... тем самым гарантируя заботу о самых забытых и неэгоистичных сторонах наших душ.

Надежда Платона, что философы станут царями, а цари – философами, отчасти реализовалась через много веков после того, как он изложил ее в «Республике», в 313 году после Рождества Христова, когда усилиями императора Константина Спаситель стал Богом для огромной, поддерживаемой всей мощью государства христианской церкви и, таким образом, превратился в первого квазифилософского лидера, получившего возможность продвигать свои идеи при институциональной поддержке. Аналогичное сочетание власти и идей присутствует во всех религиях, этими союзами мы можем восхищаться и учиться у них без необходимости заимствовать их теологическую составляющую. Перед нами стоит задача объединения множества хороших идей, которые витают в воздухе, с организационными моделями, многие из которых зародились в церкви и используются ею, чтобы дать этим идеям возможность оказать свое благотворное влияние на весь мир.

б) Огюст Конт

1

Эта книга – не первая попытка примирить антипатию к мистической стороне религии с восхищением некоторыми ее идеями и методами, как и не первая, нацеленная на практический результат, а не на теоретические размышления. Одну из многих таких попыток, возможно, самую решительную, предпринял в девятнадцатом веке французский социолог Огюст Конт – визионер и эксцентрик, способный к здоровым рассуждениям лишь в промежутках между приступами болезни.

Идеи Конта базировались на очевидном наблюдении, что в современном мире, благодаря достижениям науки, образованному человеку нет никакой возможности верить в Бога. И потому вера становится уделом необразованных, фанатиков, детей и тех, кто находится в последней стадии неизлечимой болезни. Но притом Конт, в отличие от многих своих современников, признавал, что для секулярного общества, сосредоточенного исключительно на накоплении богатства, научных открытиях, развлечениях и романтической любви – лишенного этических наставлений, утешения, восторга перед непостижимым и солидарности, – социальные болезни неизбежны.

Конт не предлагал слепо придерживаться священных традиций и не отбрасывал их целиком и полностью, скорее он предлагал выявлять их самые уместные и рациональные аспекты и использовать их. Итогом десятилетий напряженной работы мысли Конта стала новая религия, религия атеистов, или, как именовал ее сам Конт, религия гуманизма, вероучение, созданное, чтобы утолить эмоциональные и интеллектуальные потребности современного человека, а не жителей Иудеи на заре христианской эры или северной Индии четырем столетиями раньше.

Конт написал о новой религии две книги – «Краткое изложение универсальной религии» и «Теория будущего человека». Он не сомневался, что человечество еще на заре своей истории и все виды инноваций – какими бы смелыми и опережающими время они поначалу ни казались – возможны как в религиозной сфере, так и в научной. Нет никакой необходимости оставаться верным принципам, сохранившимся с тех времен, когда человечество только додумалось до идеи колеса и представить себе не могло паровой двигатель. Как указывал Конт, тот, кто собирается создавать новую

религию в современную эпоху, конечно же, не станет предлагать что-то дремучее и невероятное, вроде ритуалов и догм, завещанных предками. Век, в котором ему довелось жить, полагал Конт, предоставил ему историческую возможность вычеркнуть весь абсурд прошлого и создать новую версию религии, которая обретет сторонников, поскольку она привлекательна и полезна, и за нее не будут цепляться из страха, потому что она дает единственный шанс на лучшую жизнь в загробном мире.

Вместо того, чтобы жаловаться на недостатки существующих религий, возможно, иной раз лучше изобрести новую. Огюст Конт (1798–1857).

Конт показал себя блестящим знатоком религий, и его новая религия, по существу, сложилась из лучших частей прежних. Многие он почерпнул из католицизма, который считал ужасным из-за массы суеверий, но тем не

менее ценил его идеи по части нравственности, искусства и ритуалов, что-то из иудаизма, буддизма, ислама.

Конт прежде всего пытался избежать опасностей, которые, как он полагал, грозят современным атеистам. Он был убежден, что капитализм усиливает конкуренцию между людьми, их индивидуализм и отчуждение от общества, от установившихся традиций, от природы. Он критиковал нарождающиеся средства массовой информации за огрубление чувств и лишение человека права на собственные размышления, уединение, оригинальные мысли. Одновременно он ругал культ романтизма за чрезмерные нападки на традиционную семью и популяризацию эгоистичного понимания любви. Он не соглашался, что человеку, уже не способному видеть в Христе божественную сущность, приходится отказываться от всей мудрости, накопленной христианством. Поначалу Конт надеялся, что светские школы и институты возьмут на себя обязанность образования души, предлагая ученикам не только знания, но и уроки этики, но вскоре пришел к выводу, что капитализму нужна умелая, послушная и недалекая рабочая сила, а отнюдь не пытливые и эмоционально уравновешенные граждане.

Общая перестройка религии по Конту начиналась с планов создания совершенного нового корпуса священников, которых для одной только Франции потребовалось бы сто тысяч. Несмотря на то же наименование, эти священники кардинальным образом отличались от католических: женатые, интегрированные в общество и живущие полностью мирской жизнью, сочетающие в себе навыки философов, писателей и, как мы теперь говорим, психотерапевтов. Их миссия заключалась в том, чтобы развивать в своих согражданах способность видеть в жизни счастье и следовать здравому смыслу. Им предстояло проводить терапевтические беседы с теми, кого одолевали проблемы, читать мирские проповеди и писать, обходясь без специфических терминов, трактаты об искусстве жить. Среди прочего предполагалось, что новое духовенство обеспечит постоянной работой людей (среди них Конт числил и себя), которые горят желанием помочь другим, сведущи в культуре и эстетике, но оказались загнанными в угол из-за невозможности найти работу в университетах, в результате чего перебиваются с хлеба на воду, зарабатывая на жизнь газетными статьями или предлагая книги равнодушной публике.

Поскольку Конт оценил роль, которую некогда сыграла архитектура в продвижении постулатов веры, он предлагал построить сеть мирских церквей... или, как он их называл, церквей человечности. Оплатить строительство предлагалось банкирам, потому что, по его мнению, нарождающийся класс банкиров мог похвастать необычайно большим

числом людей не только богатых, но образованных, интересующихся новыми идеями и способных творить добро. В знак благодарности наружные фасады этих церквей предлагалось украшать бюстами банкиров-меценатов, тогда как внутри, в просторных залах, паству встречали бы портреты мирских святых новой религии, таких как Цицерон, Перикл, Шекспир и Гете, избранных основателем религии за их способность вдохновлять нас и внушать нам уверенность в себе. Над сценой, обращенной к западу, большими золотыми буквами сверкал бы афоризм, отражающий веру Конта в нравственное самосовершенствование: «Connais toi pour t'améliorer» («Познать себя, чтобы расти над собой»). Священники ежедневно беседовали бы с прихожанами о том, как важно быть добрым с домашними, выдержанным с коллегами, трудолюбивым в работе и сострадательным к тем, кому не повезло в жизни. В церквях проводились бы праздники, которые придумал Конт: весной чествовали бы жен и матерей, летом – особые заслуги металлургии в развитии человеческой цивилизации, зимой выражали бы благодарность домашним и сельскохозяйственным животным: собакам, коровам, свиньям, курам.

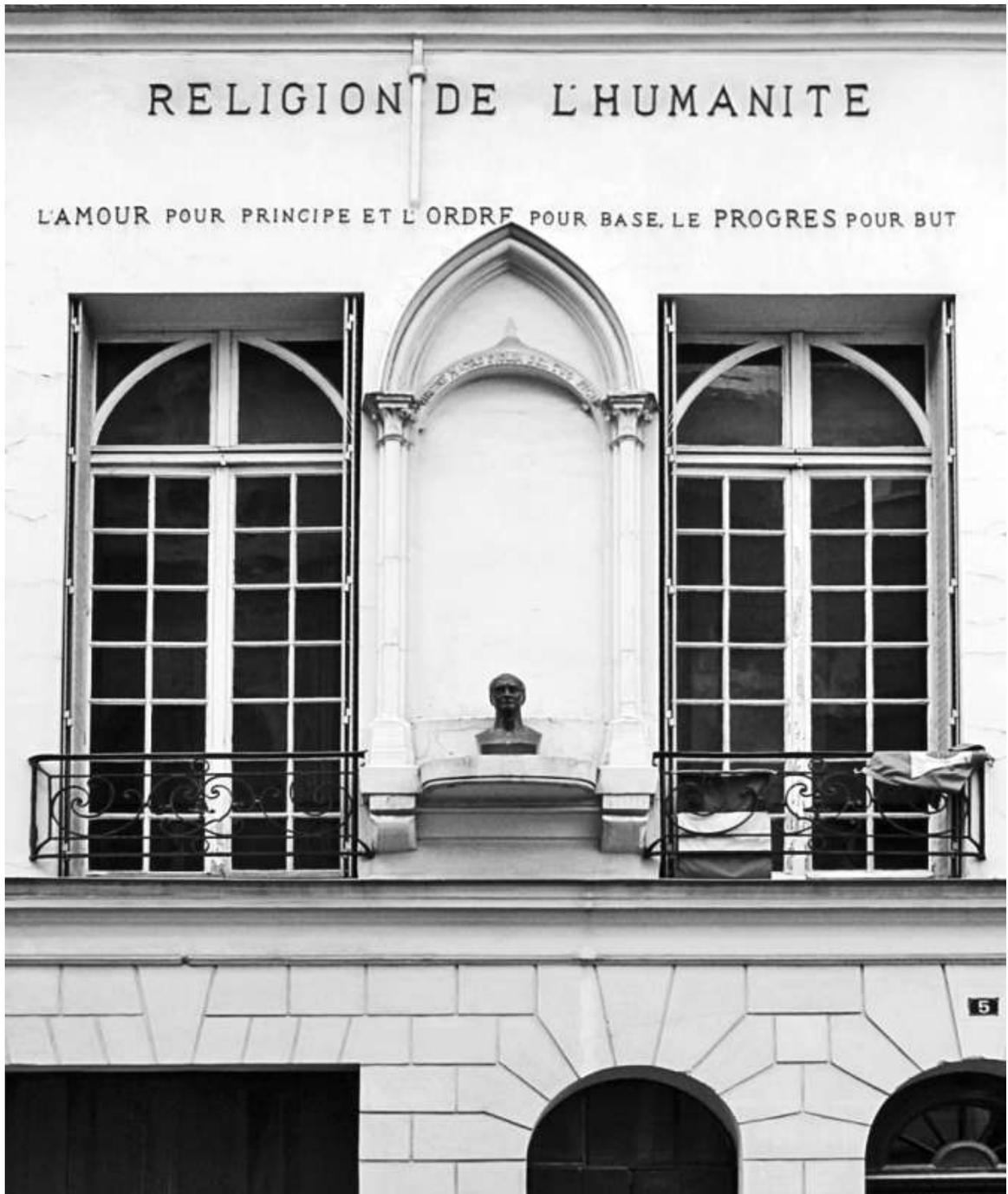
Конт видел, что традиционные религии укрепляют власть, предписывая верующим, о ком и что именно они должны думать каждый день, а то и час, предлагая список святых или сверхъестественных событий. По аналогии с этим в религии человечности каждый месяц официально посвящался специфической области деятельности: от женитьбы и воспитания детей до искусства, науки, сельского хозяйства и плотницкого дела, а каждый день месяца – конкретному человеку, который внес весомый вклад в ту или иную область. В ноябре, месяце ремесла, двенадцатого числа, к примеру, праздновался бы день Ричарда Аркрайта, создателя первой прядильной фабрики, а двадцать второго – Бернара Палисси, французского гончара эпохи Возрождения, явившего образец выдержки и долготерпения, шестнадцать лет безуспешно пытаясь воспроизвести глазурованное покрытие китайского фарфора.

К сожалению, необычный, сложный, в чем-то безумный, но постоянно пробуждающий мысль проект потерпел неудачу из-за множества практических препятствий. Автора отвергли как атеисты, так и верующие, общество его проигнорировало, газеты осыпали насмешками. В последние годы жизни, отчаявшийся и больной, он принялся писать длинные и даже угрожающие письма в защиту своей религии европейским монархам и

промышленникам, включая Луи Наполеона, королеву Викторию, крон-принца Дании, императора Австрии, трем сотням банкиров и главе канализационной службы Парижа. Мало кто удосужился ответить, желающих оказать материальную помощь нашлось еще меньше. Не дожив до реализации своих идей, Конт умер в возрасте пятидесяти девяти лет пятого сентября 1857 года, или, согласно его календарю, в месяц философии, в день, посвященный достижениям французского астронома Никола Лакайля, который в восемнадцатом веке описал более десяти тысяч звезд Южного полушария, чьим именем теперь назван кратер на темной стороне Луны.

Несмотря на множество странностей, религию Конта трудно отвести с порога, потому что она определила важные области в атеистическом обществе, которые остаются заброшенными, ожидая забот о себе и пробуждения интереса к институциональной поддержке идей. Его способность отдавать должное честолюбивым замыслам традиционных религий, изучать их методы и приспособлять их для нужд современного мира отражает уровень творческого потенциала, выдержки и изобретательности, до которого смогли подняться лишь считанные из более поздних критиков религии.

Главной концептуальной ошибкой Конта было, разумеется, использование самого термина «религия». Те, кто отказался от веры, редко испытывают теплые чувства к этому слову, да и большинство зрелых, независимо мыслящих атеистов не привлекает идея присоединения к культуре. На то, что Конт не чувствовал таких тонкостей, указывает простой факт: он начал называть себя «первосвященником», что, конечно же, потрясло его более эмоционально уравновешенных слушателей.

Хотя ни одной церкви религии человечности не появилось при жизни Конта, через несколько десятилетий после его смерти группа бразильских энтузиастов (один из них, как и предсказывал Конт, богатый банкир) собралась вместе, чтобы финансировать постройку такой церкви в Париже. Изначально они запланировали строительство большого здания на площади Бастилии, но, оценив свои возможности, остановились на приобретении квартиры на первом этаже здания, расположенного в квартале Марэ. Они наняли художника, о дальнейшем творческом пути которого история умалчивает, чтобы нарисовать портреты мирских святых, указанных основателем, а на дальней стене перестроенной гостиной – впечатляющий «неоалтарный» образ женщины с младенцем, представляющий Человечность

с Будущим на руках.

Надпись на фронтоне: Религия человечности

В число мирских святых Конта входили Гуттенберг, Шекспир, Декарт и физиолог Биша.

Заслуга Конта, конечно же, в его открытии, что мирскому обществу требуются свои институты, которые займут место религии, обращаясь к человеческим потребностям, которые находятся вне политики, семьи, культуры и работы. Его наказ, оставленный нам: хорошие идеи не могут расцвести, если они живут исключительно в книгах. Чтобы они разрастались, их должны поддерживать институты, аналогичные тем, какие на сегодняшний день сумела создать только религия.

в) Заключение

1

Центральная проблема любой попытки переосмыслить некоторые из потребностей, которые остаются неутоленными после отхода от религии, это новизна.

Мы по большей части положительно относимся к достижениям научно-технического прогресса, но когда дело касается социальных практик, крепко держимся за то, к чему привыкли. Нам придают уверенности традиционные способы получения образования, взаимоотношений с людьми, проведения досуга, знакомые церемонии, привычные манеры. И особенно мы сопротивляемся инновациям, которые являются плодом размышлений одного человека. Чтобы получить признание, идея должна быть продиктована здравым смыслом или быть продуктом коллективной мудрости, а не новинкой, предлагаемой одним человеком. Такая новинка, скажем, в программном обеспечении, принимается на ура, а в социальной сфере ее считают диктатом самомнения.

Многовековая история традиционных религий играет им на руку, они к ним привычны. Мы естественно считаемся с тем, что вошло в практику, хотя предложи нам это впервые, и мы бы это отвергли. Несколько тысячелетий могут творить чудеса в превращении странной идеи в заслуживающую уважения. Паломничество в храм Святого Антония, в принципе, не менее странно, а возможно, и более, чем паломничество по кольцевой автостраде вокруг мегаполиса, но у храма в Падуе по меньшей мере одно огромное преимущество в сравнении с лондонским шоссе М25: он находится там с середины тринадцатого столетия.

2

К счастью для концепций, рассмотренных выше, новых среди них нет. Они существуют большую часть истории человечества, только несколькими столетиями раньше их слишком торопливо принесли в жертву, возложив на алтарь Здравомыслия, и они оказались несправедливо забыты светскими философами, которых ужасали религиозные доктрины.

Цель этой книги – выявить некоторые из уроков, которые мы могли бы почерпнуть из религии: как развивать чувство общности, как содействовать доброте, как преодолеть перевес коммерческих ценностей в рекламе, как выбрать и использовать мирских святых, как переосмыслить стратегии университетов и подход к гуманитарному образованию, как переделать отели и спа, как лучше узнать потребности наших детей, как отказаться от нашего контрпродуктивного оптимизма, как выстроить перспективу через совершенное и величественное, как преобразовать музеи, как использовать архитектуру для закрепления ценностей... и, наконец, как объединить разрозненные усилия тех, кто заинтересован в заботе о душах, и организовать их под эгидой институтов.

Как указано выше, книга не может добиться многого сама по себе, но может стать отправной точкой для отказа от честолюбия и началом для размышлений и даже практических сдвигов. Квинтэссенция представленных здесь доводов в следующем: многие проблемы современной души могут быть успешно разрешены с помощью наработок религии, только эти наработки необходимо отделить от веры в сверхъестественное, в рамках которой они изначально возникли. Мудрость религии принадлежит всему человечеству, даже самым здравомыслящим среди нас, и заслуживает того, чтобы ее избирательно использовали даже величайшие враги сверхъестественного. Религия в некоторых своих проявлениях слишком полезна, эффективна и мудра, чтобы оставлять эти качества только религии.

Выражение признательности

Я в огромном долгу перед всеми нижеперечисленными за их помощь при написании, обдумывании и производстве этой книги: Дейдрой Джексон, Дороти Страйт, Джоаной Нимейер, Ричардом Бейкером, Сесилией Маккей, Грейни Келли, Ричардом Холлоузеем, Чарльзом Тейлором, Марком Верноном, Джоном Армстронгом, Джеймсом Вудом, А. К. Грейлингом, Робертом Райтом, Сэмом Харрисом, Терри Иглтоном, Нилом Фергюсоном, Джоном Греем, Люсьен Робертс, Ребеккой Райт, Саймоном Проссером, Энн Келли, Джульет Митчелл, Дэном Фрэнком, Николь Араджи, Каролин Доуней, Филом Чангом и его командой, Томасом Гриноллом, Джорданом Ходгсоном, Найджелом Коутсем, и Шарлоттой, Сэмюэлем и Солом де Боттон.

Алфавитный указатель

- Августин Блаженный, святой 28, 95, 125
Агнесса из Монтепульчано, святая 7, 8
Алаббар, Мохамед 258
Алигьери, Данте 125
Андо Тадао. Христианская церковь света 235
Антоний Падуанский, святой 115, 215, 221
Аполлония, святая 258
Аркрайт, Ричард, сэр 270
Арнольд, Мэтью 88–89, 96, 103
Баннер, Фиона, *«Еще не написано ни слова»* 188
Барду, Одри 190
бар-мицва 53
Басё, Мацуо 141
Баффет, Уоррен 84
Бах, Иоганн Себастьян 11, 149
Беллини, Джованни 11, 155, 214
Беллоу, Сол 145
Бернар Клервосский, святой 131
Биркат Иланот (иудейская молитва) 262
Биркат ха-Иланот (иудейский праздник) 263
Биша, Мари Франсуа Ксавье 273
Боккаччо, Джованни 94
Брейгель, Ян, младший, *«Рай»* 164
Буонарроти Микеланджело, *«Оплакивание Христа»* 202
Вагнер, Рихард 95
Вайперс, святой отец Крис 252
Венециано, Паоло 217
Венеция: Санта-Мария Глорियोза деи Фрари 217
Вера, святая 239
Винникот, Дональд 106
Вулф, Вирджиния 85
Ганнауэй, Престон, *«Раковая больная после химиотерапии»* 202
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих 189—191
Гете, Иоганн Вольфганг 269
Гилл, Эрик: *«Иисус падает в третий раз»* 199
Грюневальд, Матиас. Изенгеймский алтарь 194—195

Гуань Инь 152—154
Гугейн-Барра, церковь, Ирландия 235
Гуттенберг, Иоганнес 273
Декарт, Рене 273
Деметра 152
День искупления (Йом Кипур) 44, 47, 173, 177
Десять заповедей 73
Джеймс, Генри 103
Джотто; «Грехи и добродетели» 76
дзен-буддизм; *тяную* (чайная церемония); *цукими* (ритуал)
празднование
Ди Корсия, Филип-Лорка 213
Донат, святой 238, 241
Донателло 217
Донн, Джон 113—114
Дуччо ди Буонинсеня: *Тайная вечеря* 37
евхаристия 33–34, 38, 40
Иерусалим 169, 170, 172
Изенгейм, монастырь Святого Антония 194, 195
Иов, Книга 172—177
Иосиф, святой 80, 209
Исида 152
Йом Кипур; см. *День искупления*
Кальвин, Жан 220, 226
Кампана, Педро, «*Семь скорбей Девы*» 196
Кассет, Мэри, «*Купание ребенка*» 158
Катберт, святой 82
Катиб, Абид: «*Больница в Шифе, сектор Газа*» 210
Китс, Джон 118, 262
Клерво, монастырь 134
Книга общей молитвы 119
Книга Часов 105
Кокюрель, Франсуа, «*Двенадцать скорбей юности*» 196
Конт, Огюст 265—274
Корнелий, святой 246
Лакайль, Никола 271
Лаодикийский собор 33
Левитт, Элен, «*Нью-Йорк*» 234
Линкольн, Авраам 84
Липпи, Филиппино, «*Поклонение младенцу Христу*» 190

Лонг, Ричард, «Красный сланцевый круг» 214
Лувр, музей 185
Лука, святой 207
Макдоналдс, корпорация 255
Мандалы, буддизм 211—215
Мантенья, Андреа, «Распятие» 206
Марк Аврелий 94—122
Маркс, Карл 145
Марс 238
Марсель, святой 241
Мартин, Агнес 215
Маслоу, Авраам 257
миква 131
Мишна 53, 60, 63
Милль, Джон Стюарт; «О свободе» 59, 87, 89
Мильтон, Джон, «Потерянный рай» 177
Монтегю, Мишель де 116
Музиль, Роберт 145
«Муки ада» 70
Нат Хан, Тик 141
Ницше, Фридрих 11, 249, 250, 253
Орлей, Бернард ван, «Семь скорбей Девы» 156
Оэ, Кэндзабуро 145
Падуя: базилика Святого Антония; 112–113 капелла Скровеньи 76
Палисси, Бернар 270
Песах 38, 40, 41, 43
Пессоа, Фернанду 145
Платон 111, 264
Плотин 225
Пруст, Марсель 122
Пужен, Огюст 226—228
Пуссен, Никола 145
Пятикнижие Моисеево; см. *Тора*
Рембрандт, «Христос во время шторма на море Галилейском» 208
Рим: церковь Святого Лаврентия; 14 церковь Во Имя Иисуса 224
Рита из Кашии, святая 239
Руссо, Жан-Жак 116
Сальви, Джованни Баттиста, «Мадонна в печали» 148
Святое причастие: см. *евхаристия*
Сенека, 92, 108

Серра, Ричард 215
Смит, Адам 115
Смит, Пол 85
Сот, Алек 213
Софар Наамитянин 173—174
Спиноза, Бенедикт 175—177
Стена Плача 169—172
Стояния креста 197—199
Сурбаран, Франсиско де, «Агнец Божий» 204
таволетта 192
Тайная вечеря 37
Талмуд 73, 262
Тарковский, Андрей 145
Тициан, «Бегство в Египет» 212
Тора 122, 128
Торгау, церковь в замке Хартенфельс 224
тя-но-ю 127
Уитмен, Уолт 84, 117, 122
Уолл, Джефф 213
Утрехт: собор Святого Мартина 222
Уэсли, Джон 103, 106, 107
Фарадей, Майкл 144
Филипп Нери, святой 82
Фома Аквинский, святой 249
Фра Беато Анджелико, «Страшный суд» 210
Фрагонар, Жан-Оноре, «Отдых во время бегства в Египет» 212
Франциск Ассизский, святой 283
Фрейд, Зигмунд 85
Цицерон 111, 269
Черчилль, Уинстон, сэр 84
Чехов, Антон Павлович 120
Шекспир, Уильям 269, 273
Шопенгауэр, Артур 95
Штрут, Томас, «Национальная галерея I, Лондон» 186
Эйнштейн, Альберт 144
Эмерсон, Ралф Уолдо 106